

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

На правах рукописи

Лазарев Константин Владимирович

**ОФИЦЕРСКИЙ КОРПУС РУССКОЙ АРМИИ
О ПРОБЛЕМАХ ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ (1874-1914 гг.)**

07.00.02 Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Козлов Николай Дмитриевич

Санкт-Петербург – 2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Государственная концепция воинского воспитания и состояние офицерского корпуса регулярных сухопутных войск русской армии конца XIX – начала XX веков.	36
1.1 Государственной концепции воинского воспитания офицерского корпуса	36
1.2 Система воинского воспитания офицерского корпуса русской армии... ..	41
1.3 Морально-психологический облик армейского офицерского корпуса... ..	80
Глава 2. Проблемы воинского воспитания в представлении офицерского корпуса русской армии во второй половине XIX – начале XX веков.....	108
2.1 Становление и развитие понятия «воинское воспитание»	108
2.2 Военно-теоретическая мысль о воспитательных аспектах армейской подготовки	149
Заключение	196
Список источников и литературы	202
Приложения	240

Введение

Актуальность темы исследования. В современных условиях возрождается интерес к истории России, идет процесс переосмысления исторического прошлого нашего государства. Уважение к отечественной истории и к традициям старшего поколения является главным принципом, способным объединить общество. Знание истории своей страны имеет принципиальное значение сегодня, когда вновь предпринимаются попытки разрушить преемственность исторического процесса, а в ряде случаев и исключить из него отдельные этапы.

Современный период мирового развития характеризуется многочисленными локальными войнами, террористическими актами на национальной и религиозной почвах, обострением международных противоречий и подрывом основ системы международного права, созданной после окончания Второй мировой войны 1939-1945 гг. Смена мирового порядка (переход к многополярному миру) может привести к большой войне с участием крупнейших государств планеты. Для сдерживания и предотвращения военных конфликтов, как подчеркивается в Военной доктрине Российской Федерации, необходимо «объединение усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации, разработка и реализация мер, направленных на повышение эффективности военно-патриотического воспитания граждан Российской Федерации и их подготовки к военной службе»¹. В этих условиях может быть полезным изучение воспитательного опыта и традиций офицерского корпуса Русской Императорской армии.

Взгляды офицерского корпуса русской армии по проблемам воинского воспитания 1874-1914 гг. формировались в условиях общенационального кризиса, во многом аналогичного кризису современной России, когда государство отвергло социально-политические и духовно-нравственные ориентиры прошлого и сосредоточилось на развитии рыночных отношений, что сопровождалось

¹ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) // Российская газета. 30.12.2014. № 6570 (298). Л. 2.

принижением и забвением воспитательной работы и привело к формированию нового типа гражданина с размытыми нравственно-патриотическими основами личности. В данных обстоятельствах в современной России тема воспитания воина-патриота становится востребованной как государством, так и обществом.

Актуальность темы объясняется также необходимостью осмысления таких исторических проблем, как восприятие разными социальными группами политики государства в области воинского воспитания в указанный исторический период, что позволяет оценить достоинства и недостатки во взаимоотношениях между государственной властью и обществом в условиях модернизации Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.

Объектом исследования является офицерский корпус регулярных сухопутных войск русской армии на этапе его подготовки и службы как социальный институт и профессиональная группа в России 1874-1914 гг.

Предметом исследования является деятельность государства, военных теоретиков и передовой офицерской общественности в области воинского воспитания военнослужащих русской армии.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить взгляды офицерского корпуса русской армии по проблемам воинского воспитания военнослужащих Российской империи 1874-1914 гг.

В связи с поставленной целью сформулированы следующие **задачи**:

- выявить основы государственной концепции патриотического воспитания военнослужащих русской армии;
- определить состояние военно-профессиональной подготовки и морально-психологический облик армейского офицерства;
- проанализировать особенности взглядов военного руководства, теоретиков и передовой офицерской общественности по проблемам воинского воспитания;
- выявить роль и место рекомендаций военных в системе укрепления воспитания военнослужащих.

Хронологические рамки исследования определены периодом 1874 г. – 1914 гг. С принятием в 1874 г. Устава о воинской повинности полностью

изменились условия службы для офицеров и нижних чинов, что заставило государственные и военные органы по-новому взглянуть на проблемы воинского воспитания. Государственная концепция воинского воспитания продолжала совершенствоваться до начала Первой мировой войны 1914-1918 гг. Поэтому период 1874-1914 гг. можно считать единым историческим промежутком, когда государственные и военные институты активно участвовали в деле развития военного воспитания военнослужащих русской армии.

Территориальные рамки исследования охватывают всю Российскую империю в границах 1874-1914 гг. Разделение страны на военные округа давало возможность оперативно руководить военными подразделениями, совершенствовать их подготовку, своевременно обновлять материально-техническую базу всех подразделений и быть максимально приближенным к войскам.

Научная новизна исследования. Вопросы воинского воспитания традиционно рассматривались на уровне государства и его институтов, а взгляды представителей общественности по данному вопросу не стали до сих пор предметом специальных исследований. Кроме этого, новизна темы работы заключается в самом подходе к проблеме. Большинство исследователей, анализирувавших проблемы военного воспитания, главным образом обращали особое внимание на взгляды военно-политической элиты. Взгляды же и мнения представителей офицерского корпуса практически не стали предметом самостоятельного анализа.

В диссертационном исследовании подробно анализируются представления офицерского корпуса по таким проблемам, как роль морального фактора на войне, способы и формы воспитания дисциплины и инициативы у военнослужащих, требования к личности офицера-воспитателя и его полномочия. Выявлена эволюция развития проблем воинского воспитания в оценках офицерского корпуса русской армии 1874-1914 гг.

Степень изученности темы исследования. Анализ оценок военных теоретиков о воинском воспитании не являлся предметом специального научного

исследования дореволюционной, советской, современной и зарубежной исторической науки. В то же время данная тема нашла косвенное отражение в целом ряде других исследований, посвященных политике правительства в области военного воспитания, и развитию военно-теоретической мысли второй половины XIX – начала XX вв. Целесообразно рассмотреть историографический обзор этих тем вместе.

В отечественной историографии можно выделить четыре периода: дореволюционный – (1874 - 1917 гг.); советский – (1917 – 1991 гг.); постсоветский – (1992 – 2005 гг.) и современный (с 2006 по 2016 гг.)

Дореволюционная историография. Первыми к теме воинского воспитания обратились военные публицисты. В их работах широко освещались такие вопросы, как офицерская подготовка, профессиональные качества военнослужащих, условия службы, внутренние проблемы офицерского корпуса. Эти работы содержали ценные статистические данные, так как их авторы сами являлись кадровыми офицерами и хорошо знали военную службу.

Большое внимание развитию воинского воспитания уделял генерал М.И. Драгомиров. Опираясь на реальный опыт ведения боевых действий, он разработал собственную систему воинского воспитания¹. В основе его концепции было всестороннее развитие личности и формирование лучших нравственных качеств воина.

Боевой подготовке военнослужащих посвятил свою работу генерал-лейтенант Д.П. Парский², принимавший участие в реформировании вооруженных сил в 1905-1912 гг. Прогрессивность его идей заключалась в стремлении к справедливости и искоренению произвола в вооруженных силах, переносу центра тяжести от наказаний и взысканий к самодисциплине, патриотизму и воспитанию чувства долга.

В 1908 г. была опубликована работа профессора академии Генерального

¹ Драгомиров М.И. Четырнадцать лет. 1881-1894: Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1895; Он же. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956; Он же. Лекции тактики, читанные в учебном пехотном батальоне. СПб., 1864.

² Парский Д.П. Боевая подготовка нашего солдата. СПб., 1912; Он же. Что нужно нашей армии. Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908.

штаба полковник Н.Н. Головина «Высшая военная школа»¹, в которой он обобщил опыт русских теоретиков и практиков о системе подготовки офицерских кадров. Его выводы о необходимости совершенствования воспитательной работы в мирное время и целесообразности переаттестации высшего командного состава вооруженных сил базировались на анализе причин поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг.

Анализ истории военного искусства как науки нашел отражение в одноименной работе А.К. Байова². Несмотря на новизну темы исследования, работа в большей степени выражала его политические взгляды, нежели объективную оценку действительности.

Таким образом, в дореволюционной историографии 1874-1917 гг. тема военного воспитания освещалась при помощи описательного метода и исключительно с верноподданнических позиций. Ряд работ был основан на богатом архивном материале³, другая часть содержала критику морально-психологического состояния офицерского корпуса, без анализа общей культуры военнослужащих⁴. Объединяло работы - стремление публицистов повысить боеспособность русской армии, используя опыт боевых генералов, офицеров и военных теоретиков. Тема данной диссертационной работы в дореволюционной историографии не нашла отражения в силу специфики исследования.

Историография советского периода (1917 - 1991 гг.) подразделялась на три этапа: первый – (1917 - 1920-е гг.), второй – (середина 30-ых – первая половина 50-ых), третий – (вторая половина 1950-ых – 1991 год).

Первым историографическим этапом можно считать публикации 1917 – 1920-е гг. Несмотря на то, что часть офицерского корпуса русской армии скомпрометировала себя участием в Белом движении, некоторые авторы пытались

¹ Головин Н.Н. Высшая военная школа. СПб., 1910.

² Байов А. История военного искусства как наука. СПб., 1912.

³ Бернацкий В.А. Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений. 1863-1913. СПб., 1913; Греков Ф.В. Краткий ист. очерк военно-учеб. заведений 1700-1910. М., 1910; Столетие военного министерства. 1802-1902. СПб., 1902-1914.

⁴ Галкин М.С. Новый путь современного офицера. СПб., 1907; Самонов В.А. Мысли современного офицера. Вып. 1. Тифлис, 1907.

заимствовать накопленный опыт воинского воспитания русского офицера¹. Большинство исследователей критически оценивали подготовку военнослужащих царской России.

Классовый принцип лежал в основе взглядов М.Н. Покровского на русско-японскую войну 1904-1905 гг. Новизна исследования заключалась в выявлении вопросов подготовки бойцов и определении характера войны². Среди причин поражения автор выделил неподготовленность общественного мнения и упадок воинского духа после первых военных неудач. По мнению автора, эти причины привели к равнодушию одних (народных масс) и трусливости других (интеллигенции и буржуазии). Политику самодержавия в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг. М.Н. Покровский охарактеризовал, как авантюру.

Работа Б.М. Шапошникова «Мозг армии»³ обобщила опыт функционирования Генеральных штабов русской и европейских армий. Автор соглашался с русскими полководцами, которые считали, что сила армии в ее духовной сплоченности, и критиковал военные теории, ставящие на первое место моральный фактор, как ключевой в достижении победы над врагом. Генеральный штаб, по мнению Б.М. Шапошникова, должен давать четкое определение характера войны и формулировать политические цели государства в военной кампании. Автор, используя марксистско-ленинскую методологию, критиковал буржуазные военные теории, дореволюционный военный опыт и пришел к выводу о приоритете политических и экономических принципов над нравственными в жизни армии.

В 1920-ые гг. на страницах военно-исторических журналов тему военного

¹ Александер М.Н. Учебное дело в военных училищах дореволюционного периода и нынешние военные школы // Военное знание. 1922. № 10. С. 20-22; Бурский Д.П. Революция и офицеры. М., 1917; Клочко И.К. К вопросу о накоплении комсостава запаса // Война и революция. 1925. № 3. С.35-54; Муратов В. Система военного образования // Красный офицер. 1919. № 1-2. С. 24-25; Щедринский В. Комплектование военно-учебных заведений строевым и преподавательским составом // Военный вестник. 1926. № 43. С. 38-39.

² Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1922.

³ Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн.1-3. М., 1927-1929.

воспитания затрагивал А.А. Свечин¹. Возвращаясь к идеям М.И. Драгомирова, автор отмечал важную роль морального фактора в армейской жизни и сетовал на то, что «сдается в архив проповедь в защиту духа»². Подобная критика действующей системы военной подготовки вызывала неодобрение. В 1928 г. на страницах «Военного вестника» критику военно-исторических трудов А.А. Свечина развернул Т.С. Хвесин³. В результате конфликта в 1931 г. на пленуме по изучению проблем войны А.А. Свечин за свои идеи был объявлен врагом марксизма.

А.И. Верховский, анализируя итоги русско-японской войны 1904-1905 гг., уделил внимание учебно-воспитательным задачам армии. Он вышел с инициативой введения новой дисциплины – психологии⁴. М.Н. Покровский на страницах журналов «Печать и революция» и «Военная наука и революция» выступил с критикой работ А.И. Верховского. По его мнению, вместо изучения военной истории прошлых войн, следует сосредоточиться на знании военной техники⁵.

Таким образом, с 1917-го по 1920-ые гг. старые военные специалисты продолжали исследование вопросов морального духа армейской жизни, но преобладали тенденции негативной оценки всего старого и постепенного свертывания научной работы в данном направлении.

Второй историографический этап: середина 30-ых – первая половина 50-ых гг., совпадает со сталинским периодом развития страны. В 1938 г. вышел в свет сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)»⁶, идеологические установки которого, определили направление военно-теоретической мысли данного периода.

¹ Свечин А.А. Военное искусство в эпоху империализма // Красная звезда. 1928. № 1; Он же. Интеллектуализм в военном воспитании // Военно-педагогический журнал. 1920. № 1-2. С. 45-55.

² Свечин А.А. Капитализм в военном воспитании // Вестник милиционной армии. 1921. № 4-5. С. 21.

³ См. напр.: Хвесин Т.С. О первом томе книги А. Свечина // Военный вестник. 1928. № 43. С. 57-64; Он же. Длинно, но не убедительно // Военный вестник. 1928. № 46. С. 57-61.

⁴ Верховский А.И. Прикладной метод в академическом преподавании тактики // Военный вестник. 1922. № 17-18. С. 27.

⁵ Покровский М.Н. Мемуары царя Андрона // Печать и революция. 1922. № 2. С. 9-31.

⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков): Краткий курс: Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 г. М., 1938. 352 с.

Научная новизна работ заключалась в тематике исследований. Историки обратили внимание на развитие военной мысли Российской империи. Так в публикациях Г. Габаева¹ и Б.Б. Кофенгауза² формулировались направления развития советской военно-исторической науки и оценивался исторический опыт прошлого. Несмотря на использование классового подхода в оценке исторических событий, авторы признавали, что в дореволюционной России уделялось внимание повышению культурного уровня военнослужащих и их морально психологической подготовке.

Особого внимания заслуживает статья К. Иванова «Русская военная мысль на рубеже XIX-XX столетий»³. Автор выделил две школы военного искусства: «академическую» и «русскую». Представители первой школы, по мнению исследователя, считали, что русское военное искусство было лишь подражанием зарубежному. «Русская школа» настаивала на необходимости использовать национальный опыт во время боевых действий.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. побудила исследователей к поиску положительных примеров настоящего и прошлого русской армии. М.Д. Бонч-Бруевич⁴ и Ф.Е. Кузнецов⁵ описали деятельность военачальников прошлого в деле усовершенствования боевой и воспитательной подготовки войск, подчеркивали необходимость повышения профессиональной и общей культуры офицерских кадров.

Продолжением разработки темы военного воспитания можно считать работу А.Ю. Кривицкого⁶. Объектом своего исследования он выбрал русский офицерский корпус. Особую роль автор отводил военным традициям, которые, по его мнению, являлись основой духа армии, а, следовательно, и основой боеспособности вооруженных сил. А.Ю. Кривицкий положительно оценивал работы

¹ Габаев Г. О некоторых ошибках русской военной истории // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 147-149.

² Кафенгауз Б.Б. Военно-историческая литература в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. 1942. С. 104-114.

³ Иванов К. Русская военная мысль на рубеже XIX-XX столетий // Военная мысль. 1946. № 7. С. 49-65.

⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Драгомиров о боевой подготовке офицеров. Л., 1944.

⁵ Кузнецов Ф.Е. Брусиллов о воспитании и подготовке офицерских кадров: (По мат-лам Центр. воен.-ист. архива). Л., 1944.

⁶ Кривицкий А.Ю. Традиции русского офицерства. М., 1945.

М.И. Драгомирова и считал необходимым заниматься системным воспитанием офицеров, которые будут уделять внимание духовному воспитанию солдат.

Идеям предыдущего автора близки исследования М.И. Калинина¹. Автор считал М.И. Драгомирова выдающимся русским генералом, работы которого стали актуальны в годы Великой Отечественной войны, как никогда, поскольку моральная стойкость является одним из главных элементов победы над противником.

Новое направление, исследующее роль личности в эпоху военного времени, сформулировал П.А. Зайончковский. Автор выбрал предметом своего исследования деятельность военного министра Д.А. Милютина². Важным шагом в разработке темы исследования стал выход монографии П.А. Зайончковского «Военные реформы 1860-1870 гг. в России»³. Автор на основе анализа результатов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. впервые поднял вопрос о результативности военных реформ. Кризисные тенденции в вооруженных силах Российской империи автор рассматривал в контексте кризиса всего общества.

Таким образом, историография середины 30-ых – первой половины 50-ых гг. характеризуется ростом числа военно-исторических публикаций и переходом от красной пропаганды к изучению военно-исторического опыта прошлого. Великая Отечественная война заставила обратить внимание на военно-патриотическое воспитание народа для мобилизации его внутренних сил.

Третий историографический этап – вторая половина 1950-ых - 1991 гг. Целесообразно разделить его на три части по хронологическому принципу. Работы, написанные в 1950-ые - 1960-ые гг. характеризуются интересом историков к русской военно-теоретической мысли рубежа XIX – XX столетий. Советские исследователи выпустили сборник трудов военных теоретиков России рубежа XIX - XX веков⁴. Работа содержала статьи Д.А. Милютина, Г.А. Леера, Н.П. Михневича, А.А. Незнамова, раскрывающие вопросы тактики и стратегии.

¹ Калинин М.И. О моральном облике нашего народа. Л., 1945.

² Зайончковский П.А. Военные реформы Д.А. Милютина // Вопросы истории. 1945. Т. 2. С. 3-26.

³ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952.

⁴ Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков: сборник статей под ред. д-ра ист. наук Л.Г. Бескровного. М., 1960.

Проблемы воинского воспитания были отражены в работах косвенно.

Критическому анализу работы кадетских корпусов в деле воспитания будущих офицеров посвящена работа Н.И. Алпатова¹. Причины подобной оценки коренятся, по его мнению, в том, что государство воспитывало офицеров не только преданных царю и Отечеству, но и способных вести борьбу с демократическим движением внутри страны. Монография Н.П. Ерошкина² подробно описывает реформирование военного ведомства России после русско-японской войны 1904-1905 гг. Он дал негативную оценку этому процессу и его влиянию на управление армией.

Для работ, созданных в период с первой половины 60-ых – первой половины 80-ых гг. характерно появление трудов, посвященных деятельности военного ведомства на рубеже XIX – XX вв. Исследования Л.Г. Бескровного «Русская армия и флот в XIX веке»³ и «Армия и флот России в начале XX века»⁴ раскрывают организацию и управление русской армией. В то же время проблемы воинского воспитания осталась практически вне поля зрения автора.

Значимыми для исследования были работы Д.А. Волкогонова, который во многом определял направления и содержание воспитания военнослужащих в 70-80-е гг. Автор раскрыл сущность таких понятий как героизм, воинский долг и достоинство, сформулировал предпосылки возникновения в советской России воинской чести, как основы всех нравственных ценностей защитника Отечества⁵.

Работа К.Ф. Шацилло посвящена этапам реформирования армии после русско-японской войны 1904-1905 гг.⁶ Автор подробно описал борьбу высшего военного руководства за перевооружение армии.

¹ Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа: (Из опыта кадетских корпусов и воен. гимназий в России). М., 1958.

² Ерошкин Н.П. Государственные учреждения России в дореформенный период (1801-1861 гг.). М., 1957.

³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

⁴ Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

⁵ Волкогонов Д.А. Беседы о воинской этике. М., 1977; Он же. Воинская этика. М., 1976; Он же. Этика советского офицера. М., 1973.

⁶ Шацилло К.Ф. Россия перед мировой войной: вооруженные силы царизма в 1905-1914 гг. М., 1974.

Развитию военно-исторической мысли в России на рубеже XIX и XX вв. посвящена работа В.А. Золотарева¹. Автор обобщил мнения как военных историков, так и военных теоретиков об опыте русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Ввел в научный оборот большой объем источников личного происхождения и материалов периодической печати. В.А. Золотарев разделил всех исследователей на два направления. К первому он отнес таких военных, как П.А. Гейсман, А.С. Зыков, А.К. Пузыревский, которые, по мнению автора, скрывали истинные причины военных трудностей и поддерживали все действия высшего военного руководства. Ко второму направлению В.А. Золотарев отнес К.М. Войде, Н.А. Епанчина и Е.И. Мартынова, которые, напротив, критиковали расчеты командования, негативно влияющие на ход боевых действий.

Особое внимание заслуживает раздел, посвященный оценке развития военного искусства России в трудах военных теоретиков. В.А. Золотарев вслед за К. Ивановым настаивал на существовании «русской» и «академической» школ военного искусства, представители которых, по его мнению, не смогли сформулировать верных политических обобщений при анализе эволюции военного дела. По мнению исследователя, несмотря на ряд принципиальных различий, все военные теоретики не отрицали значимость человеческого фактора на войне.

Исследования второй половины 1980-ых гг. - 1991 г. совпадает с периодом «перестройки», временем кардинальных изменений в СССР. Характерной особенностью работ данного периода является их двойственность. С одной стороны - наличие ряда положительных тенденций, - таких, как: интерес к дореволюционному прошлому России, расширение доступа в архивы и свобода от идеологических догм. С другой стороны - характерен рост антикоммунистических настроений и появление эмоциональных работ описательного характера.

¹ Золотарев В.А. Военно-историческая мысль в России на рубеже XIX и XX столетий. Лен., 1975; Он же. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. в отечественной историографии конца XIX - начала XX в. М., 1978.

Работы С.А. Бордунова¹ и В.Д. Поликарпова² могут быть интересны с точки зрения анализа подготовки и обучения офицерского корпуса русской армии. Таким образом, авторы сосредоточили свое внимание на отдельных компонентах образовательной работы, вне поля зрения оставалась политика правительства в области воинского воспитания.

Значительным шагом в исследовании темы стал выход коллективного труда под общей редакцией П.А. Жилина³. В работе исследованы представления военных теоретиков относительно характера будущей войны. Затронута была и тема военного воспитания, в контексте проблемы соотношения человека и техники на войне. Авторы делали вывод, что представители обеих школ военного искусства и «русской», и «академической», не отрицая значения развития оружия и военной техники, отстаивали положение о решающей роли на войне человека, его нравственной силы.

Таким образом, для историографии второй половины 1950-ых – 1991 гг. характерна зависимость выпускаемых в печать публикаций от политической конъюнктуры, что привело к снижению научной значимости работ. Например, журнал «Исторический архив» два раза прекращал свою работу по требованиям цензуры. Часть архивных документов была засекречена. Вводимые в научный оборот новые исторические источники публиковались избирательно, с купюрами и трактовались с позиции марксистско-ленинской философии. Политика правительства в области военного воспитания оценивалась критически и противопоставлялась политике Советской власти в армии.

Подводя итог, можно сделать вывод, что историография советского периода 1917-1991 гг. обращалась к трудам военных теоретиков Российской империи и критически их осмысливала. Подобная тенденция связана с противостоянием идеологий капитализма и социализма. Обострение международной обстановки требовало технического перевооружения армии и пристального внимания к

¹ Бордунов С.А. Развитие теории и практики подготовки офицерского состава в военной школе дореволюционной России второй половины XIX - начала XX вв.: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 1991.

² Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России в 1905 - 1917 гг. М., 1990.

³ Жилин П.А., Андреев В.А. Русская военная мысль: конец XIX - начало XX вв., М., 1982.

патриотическому воспитанию военнослужащих.

Наибольшее внимание советские историки уделяли вопросам профессиональной подготовки военнослужащих царской армии. Идеология атеизма делала невозможным изучение религиозно-нравственного воспитания солдат и офицеров. Исследование военно-теоретической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. проходило в контексте разработки вопросов тактики и стратегии военного искусства. Взгляды военных теоретиков и передовой офицерской общественности на проблемы воинского воспитания не нашли отражения в специальных исследованиях.

Постсоветский период (с 1992 – 2005 гг.) развития историографии характеризовался пристальным вниманием исследователей к дореволюционным публикациям. Наряду с введением в научный оборот новых, неизвестных ранее архивных документов, в печати появляются репринтные издания воспоминаний и дневников непосредственных участников Белого движения¹. Военно-исторический журнал обратился к дневникам М.В. Алексеева, А.И. Верховского², А.Н. Куропаткина, Е.И. Мартынова³ и Д.А. Милютина⁴. Новым для данного историографического периода является защита большого числа диссертационных исследований, раскрывающих отдельные стороны развития военно-теоретической мысли в области воинского воспитания русской армии⁵.

¹ Врангель П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992.

² Верховский А.И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 63-68.

³ Мартынов Е.И. Сербы удивлялись русской политике // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 90-96.

⁴ Милютин Д.А. Мы приняли вызов Западной Европе неподготовленными к предстоящей войне // Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 81-88.

⁵ Вапилин Е.Г. Государственная власть Российской империи и русская армия в начале XX века: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2000; Думби Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2000; Заланский К.М. Военно-историческая работа в русской армии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 1997; Ипполитов Г.М. Военная и политическая деятельность А.И. Деникина, 1890-1947 гг.: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 2000; Манукян В.М. Военно-патриотическое воспитание населения России (1905-1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2000; Михайлов А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX – начале XX в. И его роль в подготовке офицерских кадров: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2000; Саксонов О.В. Военные реформы 1905-1912 годов в России и их влияние на военное искусство: дис. ... канд. ист. наук: 20.02.22. М., 1994; Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлении военной элиты России (1900-1914 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.03. М., 2001; Теркун А.Н. Военное воспитание в

С.В. Волков выбрал предметом своего исследования офицерский корпус русской армии¹. Автор уделил пристальное внимание облику офицерского корпуса, его идеалам и нравственным ориентирам. Новизна исследования заключалась не только в использовании новых документов, но и в оценке роли офицерского корпуса в обществе. По мнению автора, офицеры, бывшие выпускники военных училищ и кадетских корпусов оказали положительное влияние на все сферы культурной жизни страны².

Таким образом, изучив вопросы кадровой политики и подготовки офицерского корпуса русской армии, С.В. Волков пришел к выводу о внеклассовой основе офицерства, которое имело тесную связь как с дворянством, так и с другими слоями населения.

Работой обобщающего характера можно считать исследование Ю.А. Галушко и А.А. Колесникова, раскрывающее профессиональную подготовку и культурный облик военнослужащих русской армии с конца XVIII до начала XX вв.³ Авторы проследили эволюцию развития военно-теоретической мысли на основе трудов А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова, П.С. Нахимова, С.О. Макарова, М.И. Драгомирова, М.Д. Скобелева. В целом для исследования характерна идеализация системы подготовки и воспитания офицерских кадров в Российской империи.

Новым направлением в развитии историографии можно считать появление работ, посвященных истории создания и развития военных учебных заведений. В 1998 г. вышла в свет монография М.В. Крылова «Кадетские корпуса и российские кадеты»⁴, в которой наряду с биографией отдельных выпускников кадетских корпусов исследовалась роль этих учебных заведений в подготовке офицерских кадров для русской армии (особенно артиллеристов и военных инженеров). Особую роль автор отводил военным традициям, которые формировались еще в

России (1905-1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1999.

¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.

² Там же. С. 308.

³ Галушко А.Ю., Колесников А.А. О долге и чести воинской в русской армии: Сборник материалов, документов и статей. М., 1991.

⁴ Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.

кадетских корпусах и военных училищах и воспитывали в будущих офицерах патриотизм, служение Отечеству, верность военной присяге и высокий профессионализм.

Проблеме поддержания дисциплины в военных частях русской армии рубежа XIX – XX вв. посвящена работа Н.Н. Романова¹. Несмотря на наличие ряда положительных тенденций, связанных с демократизацией офицерского корпуса, автор критически оценивал результативность политики правительства в области поддержания воинской дисциплины.

Новое направление в исторической науке связано с изучением вопросов военной психологии. Е.С. Сенявская² раскрыла роль морально-психологического фактора в войнах XX в. При анализе причин поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг. автор подчеркнула значение идеологического фактора. Проигрыш в информационной войне и антимилитаристские публикации прессы привели, по мнению Е.С. Сенявской, к падению морального духа вооруженных сил³.

Таким образом, для постсоветской историографии 1992-2005 гг. характерна идеализация исторического опыта царской России по воинскому воспитанию военнослужащих. Особое внимание уделялось религиозному воспитанию, значение которого сильно преувеличивалось в ущерб изучению менталитета и национальных традиций народа.

Современная историография (2006-2016 гг.) свободна как от идеологических догм, так и от идеализации воинского воспитания в Российской империи, что позволило продолжить традиции в изучении развития военно-теоретической мысли и выдвинуть новые направления исследований. Появляются работы, изучающие моральный облик, социальные и психологические аспекты жизни военнослужащих. Акцентируется внимание на психологии войны, формировании боевого духа и патриотизма воина.

Л.В. Кепель поднимает проблему укрепления воинской дисциплины у

¹ Романов Н.Н. Очерки истории воинской дисциплины: кон. XIX – нач. XX вв. Сызрань, 2002.

² Сенявская Е.С. Человек на войне: ист.-психол. Очерки. М., 1997; Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: ист. опыт России. М., 1999.

³ Сенявская Е.С. Человек на войне: ист.-психол. Очерки. М., 1997. С. 193.

военнослужащих и заостряет внимание на ее эволюции (переход к всеобщей воинской повинности до начала Первой мировой войны 1914-1918 гг.)¹. По мнению автора, государственная политика в области укрепления дисциплины в армии проходила в условиях борьбы двух направлений. Одно направление - консервативное, основанное на муштре и наказаниях, другое - прогрессивное, основанное на сознательном выполнении воинского долга. Идеологами последнего направления выступали Петр I, А.В. Суворов и П.С. Нахимов.

Политика государства в области правового воспитания военнослужащих русской армии раскрыта в одноименном диссертационном исследовании М.В. Крылова². Автор впервые дал определение понятию «правовое воспитание» и выявил факторы его развития, главными из которых были дисциплинарная подготовка военнослужащих, правовое самообразование, роль военного духовенства и личности командира. Исследователь раскрыл принципы правового воспитания полковников П.А. Лечицкого, Л.В. Леша, Н.Н. Юденича, капитана А.И. Деникина и сотника П.Н. Краснова.

Несмотря на более поздние хронологические рамки исследования, определенный интерес представляет работа В.В. Каминского³, раскрывающая роль выпускников Николаевской Академии Генерального штаба в обеспечении успешного строительства РККА и ее победы на фронтах гражданской войны. В рамках данного исследования представляет научный интерес вывод автора о том, что при переходе офицеров Генерального штаба на службу в Красную армию решающими были не идеологические, а социально-бытовые факторы.

Русскому офицерскому корпусу в годы Первой мировой войны посвящен ряд статей⁴ и монография¹ И.Н. Гребенкина. Интересны разделы, посвященные

¹ Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии (1874-1914 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007.

² Крылов М.В. Правовое воспитание военнослужащих Русской армии (1867-1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2011.

³ Каминский В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011.

⁴ Гребенкин И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 3(71). С. 220-228; Он же. Российское офицерство в начале XX века: от сословной корпорации к профессиональному

политическому облику офицерского корпуса начала XX в. Автор сделал вывод о том, что политические предпочтения офицерского корпуса были не столько на стороне монархии, сколько на стороне сильной власти, которая могла бы обеспечить не только обороноспособность страны, но и высокий статус офицера в обществе.

Проблеме диалога армии и общества посвящены работы В.В. Канищева² и О.В. Гефнер.³ Новизна исследований заключается в использовании микроисторического, локального подхода, который позволил по-новому рассмотреть проблему отчужденности и конфронтации между военными и гражданским обществом. На примере офицерского корпуса западной Сибири О.В. Гефнер доказала, что военные сибирской провинции не представляли собой замкнутой социальной группы, а были частью общества, активно участвовавшего в решении ряда социальных проблем. К сильной стороне исследований относится введение в научный оборот новых исторических источников, к недочетам можно отнести наличие ряда повторяющихся сюжетов⁴.

Брачной практике российских офицеров конца XIX – начала XX вв. посвящены исследования В.А. Веременко⁵. На основании исчерпывающего круга источников автор убедительно доказал опасность ситуации, при которой нормы

сообществу // Бартеневские чтения: материалы областной научно-практической конференции, посвященной 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. Липецк, 2012. С. 151-158.

¹ Гребенкин И.Н. Русский офицерский офицер в годы мировой войны и революции: 1914-1918 гг. Рязань, 2010. 400 с.

² Канищев В.В. Формы взаимодействия офицеров с городским гражданским сообществом в российской провинции второй половины XIX – начала XX вв. (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Тамбов, 2012. № 12(116). С. 428-436.

³ Гефнер О.В. Армия и общество в России во второй половине XIX – начале XX вв.: проблема культурного диалога (на материалах западной Сибири) // Вестник Омского университета. 2014. №. 1(1). С. 9-19.

⁴ Гефнер О.В. Социальный статус офицерства русской армии в конце XIX – начале XX вв.: локальный подход // Вестник Омского университета. 2012. №. 3. С. 15; Гефнер О.В. Образ армии в периодической печати западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 76.

⁵ Веременко В.А. Семья в обход закона // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 55-59; Веременко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы междун. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб., 2014. С. 157-164.

семейного права и реальная жизнь существуют отдельно друг от друга и постепенно приводят к трансформации морально-нравственного облика всего офицерского корпуса.

Вопросы вступления в брак жителей городов Российской империи начала XX в. раскрыты в исследовании Т.Б. Котловой и М.Н. Трефиловой. На основе анализа брачных объявлений, авторы пришли к выводу о том, что в военной среде вступление в брак определялось не только экономическими мотивами, но и желанием супругов «заключить супружеский союз при обоюдном симпатии, при взаимном чувстве»¹.

В.О. Левашко² обратил внимание на работы А.В. Суворова, М.И. Драгомирова и С.О. Макарова, раскрывающие роль морального состояния военнослужащего, как важнейшего фактора победы над противником. Попытку раскрыть взгляды Д.А. Милютина на патриотическое воспитание офицеров русской армии предприняла И.С. Таранова³. Вкладу А.Д. Бутовского в развитие физического воспитания в войсках вооруженных сил Российской империи посвящены публикации С.Н. Бубка⁴. В.Л. Кожевин выявил место и роль неформальных традиций в жизни воспитанников военно-учебных заведений⁵.

Повседневная жизнь русского офицера рубежа XIX – XX вв. нашла отражение в публикациях А.Л. Никифорова⁶. Основными причинами,

¹ Котлова Т.Б., Трефилова М.Н. Ищу чуткого, внимательного товарища – жену: к вопросу о вступлении в брак в городской среде в начале XX века (по материалам брачных отношений) // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. 2011. № 4. С. 322.

² Левашко В.О. На Балтике в советско-финляндскую... Морально-политическое состояние личного состава кораблей Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: моногр. СПб., 2009. С. 9-10.

³ Таранова И.С. К вопросу о взглядах Д.А. Милютина на проблему патриотического воспитания офицерского корпуса русской армии // Известия самарского научного центра РАН. 2008. № 1. Т. 10. С. 48-52.

⁴ Бубка С.Н. Вклад Алексея Бутовского в теорию и практику физического воспитания в военно-учебных заведениях и в войсках вооруженных сил России // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2012. № 4. С. 5-8.

⁵ Кожевин В.Л. Из истории социального поведения и неформальных культурных практик воспитанников российской военной школы (конец XIX – начало XX вв) // Психопедагогика и правоохранительные органы. 2011. № 3. С. 39-44.

⁶ Никифоров А.Л. Особенности повседневной жизни русского офицера накануне Первой мировой войны // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы межд. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. СПб.,

тормозящими проведение военной реформы начала XX века, автор считал плохую подготовку командного состава, многовластие, недостаточное финансирование, социальную разобщенность офицерского корпуса и нехватку времени для проведения военных реформ в полном объеме.

Одной из тенденций развития современной историографии, раскрывающей развитие военно-теоретической мысли и военного воспитания офицерского корпуса русской армии, является наличие ряда работ описательного характера. Недостаточная источниковая база и определенная идеализация офицерского корпуса свойственны исследованиям В.М. Васильева¹ и Л.В. Яковлевой².

Таким образом, современная историография продолжает разработку отдельных аспектов проблемы воинского воспитания в оценках военных теоретиков и передовой офицерской общественности второй половины XIX – начала XX вв. Наибольший интерес у авторов вызывает исследование направлений взаимодействия армии и общества, повседневной жизни офицерского корпуса и освещение регионального взгляда на указанные проблемы. В прямой постановке тема данного диссертационного исследования не стала предметом изучения современных авторов.

К зарубежной историографии относятся работы иностранных исследователей, труды и источники личного происхождения Белой эмиграции (воспоминания, дневники, письма).

Работа А.И. Деникина «Старая армия»³ написана на большом количестве документов, поэтому ее можно считать фундаментальным трудом, а не только мемуарами. Труд носит субъективный характер, так как автору не удалось уйти от идеализации прошлого, но достоинством работы является обстоятельное исследование нравственного облика офицерского корпуса русской армии.

2014. С. 153-157; Никифоров А.Л. Модернизация структуры высшего управления Российской имперской армии в ходе военной реформы 1905-1912 гг. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы всерос. науч. конф. с межд. уч. СПб., 2014. С. 164.

¹ Васильев М.В. Из опыта воспитания русского офицерства царской России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Псковского государственного университета. 2009. № 9. С. 61-65.

² Яковлева Л.В. Влияние и роль офицерского корпуса Российской империи на подготовку и становление молодых офицеров // Вестник Тамбовского университета. 2010. № 10. С. 23-25.

³ Деникин А.И. Старая армия: в 2 т. Париж, 1929 - 1931.

Можно выделить работы Ю.Н. Данилова¹, Ю.В. Измestьева², С.С. Ольденбурга³ в которых давалась характеристика русской армии начала XX в., уделялось внимание боевым традициям отдельных родов войск и формированию патриотического облика офицера в армии Российской империи. Указанные работы носили обзорный характер.

Вопросы военного воспитания офицерского корпуса нашли отражение в работах А.А. Керсновского⁴. Главная мысль автора состояла в том, что такие факторы воинского воспитания как патриотизм, сила духа, самопожертвование и взаимовыручка всегда были присущи русским воинам.

К работам иностранных авторов следует относить воспоминания зарубежных политиков, военнoслужащих и военных журналистов второй половины XIX – начала XX вв. Можно выделить работы описательного характера, посвященные жизни последнего русского самодержца Николая II⁵.

Ряд западных исследователей обращались к теме патриотического и нравственного воспитания военнoслужащих вооруженных сил России рубежа XIX – XX вв.⁶ Следует отметить работу немецкого историка Д. Байрау⁷, который в течение 9 месяцев работал с архивными документами в Бонне, Москве и Ленинграде. Исследуя процесс модернизации армии, автор пришел к выводу о его вынужденном характере. Вооруженные силы автор рассматривал в тесной взаимосвязи с экономикой и государством. Д. Байрау подчеркивал, что ни в одной из стран Европы армия не использовалась в такой же степени для внутренней стабильности страны, как в России.

¹ Данилов Ю.Н. Россия в мировой войне 1914 - 1915 гг. Берлин, 1924.

² Измestьев Ю.В. Россия в XX веке. Нью-Йорк, 1990.

³ Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. Вашингтон, 1981.

⁴ Керсновский А.А. Наша будущая малая армия // Царский вестник. 1931. № 194. С. 5-9; Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 2-3. Белград, 1933-1935.

⁵ Massie R.K. Nicholas and Alexandra. New York, 1967; Ферро М. Николай II. М., 1991.

⁶ Копнитерс Б. Отказ от воинской службы: из истории пацифизма в России: (ст. из Бельгии) // Человек. 1990. № 5. С. 59-69; Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1958; Миллер Г. Моральное воспитание в Германии, России и Японии. Сравнительный этюд на основе опыта русско-японской войны: пер. с нем. М., 1907; Huntington S. Ph., The soldier and the state: The theory and politics of civil-military relations. Cambridge, Mass, 1957.

⁷ Beyrau D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas). Köln, 1984.

Исследование Х.П. Штайна¹ посвящено проблеме воспитания солдат и офицеров в русской и прусской армиях. Автор уделял внимание шефству старших воспитанников над младшими в русской военной школе, так называемому «цуку». Х.П. Штайн привел этимологию слова «цук», как запряжку лошадей друг за другом, гуськом, а в более широком смысле слова – выращивание и воспитание.

Работы зарубежных историков были свободны от марксистско-ленинской идеологии и пытались более объективно оценить процесс модернизации вооруженных сил Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. В силу широкой тематики исследования, в работах нет анализа развития военно-теоретической мысли России и изучения государственной политики в области военного воспитания военнослужащих.

Таким образом, обзор историографии показал, что наиболее полно в исторической науке раскрыта политика правительства в области воинского воспитания офицерского корпуса русской армии. Значительно хуже освещено развитие военно-теоретической мысли России и, наконец, практически отсутствуют работы, анализирующие представления офицерского корпуса русской армии о проблемах воинского воспитания в 1874-1914 гг.

Источниковую базу исследования составили документальные и нарративные (повествовательные) группы исторических источников. К первой группе относятся законодательные и статистические источники, а также делопроизводственная документация. В ходе исследования были широко использованы такие источники, как переписка между учреждениями, подготовительные материалы по конкретным вопросам управления государством; протоколы, журналы заседаний комиссий, совещаний и обществ царской России.

Делопроизводственные материалы сохранились в фондах центральных и местных учреждений и ведомств, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (далее РГИА) и Архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее архив ВИМАИВ и ВС).

¹ Stein, H.P. Der Officer des russischen Heers im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861-1905) // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. 1967. №3. S. 351-363.

При работе над исследованием были использованы материалы из 11 фондов РГИА. Среди них - документы фонда духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства (ф. 806), которые содержат доклады и другие материалы, позволяющие судить о роли православной церкви в деле воинского воспитания военнослужащих. Содержатся данные о бракосочетаниях военных¹, о личном составе и взысканиях, налагаемых на священнослужителей², проекты положений об управлении духовенством военным ведомством³.

Фонд 1278 содержит документы о деятельности Государственной думы четырех созывов. Стенографические отчеты заседаний думы знакомят с повестками дня. Для данной работы интерес представляют заседания, посвященные обсуждению проектов военных реформ⁴. Подробно рассматривались вопросы об отпуске средств на государственную оборону и финансирование Главного управления военно-учебных заведений. Обсуждались сметы расходов на введение новых программ преподавания в военной школе, на увеличение содержания военнослужащих, на выплату пенсий и пособий офицерам-воспитателям⁵.

В материалах фонда содержатся доклады, донесения членов думы об общем политическом положении и настроениях военнослужащих⁶. Вызывает интерес у исследователя материалы, свидетельствующие о запрете чтения отчетов заседаний Государственной думы нижними чинами⁷.

Большое количество данных о государственных преобразованиях содержит фонд Совета министров (1276). Используются доклады военного министра об отпуске средств на улучшение питания военнослужащих, об изменении порядка комплектования армии солдатами, об ассигновании средств и разработке мероприятий по государственной обороне⁸. Интерес представляет переписка

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 6128; Оп. 18. Д. 819, 877.

² Там же. Оп. 18. Д. 840, 848.

³ Там же. Оп. 5. Д. 10771.

⁴ Там же. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 229.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 819, 824, 1160, 1911, 1992, 2726, 2834, 3327-3345; Оп. 6. Д. 309.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 1348.

⁷ Там же. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 656.

⁸ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 139, 140; Оп. 4. Д. 530.

должностных лиц с председателем совета министров¹ об усилении цензуры в периодической печати. Рассматривались вопросы материальной помощи уволенным со службы и детям лиц, погибшим в русско-японской войне 1904-1905 гг.²

Использованы материалы личных фондов князя М.М. Андронникова³, министра внутренних дел (1905-1906 гг.) П.А. Дурново⁴, депутата Государственной думы И.С. Ключева⁵ и дипломата Н.А. Орлова⁶. В них содержатся личные документы, переписки и дневники, на основании которых можно судить о беседах в кулуарах думы, о переговорах с правительством и членами Государственного совета по вопросам военного реформирования.

В фонде управления по делам о воинской повинности (ф. 1292) использованы доклады и отчеты военного министерства с 1900 по 1914 гг. Представляют интерес документы фонда, раскрывающие принципы комплектования армии, набора призывников, организации учебных сборов и предложения по противодействию распространения в армии революционных идей⁷. Были использованы материалы, раскрывающие предложения по улучшению порядка комплектования армии, анонимные заявления по военному министерству и следственные материалы о правонарушениях военнослужащих⁸.

Документы по ревизиям интендантского, инженерного и артиллерийского ведомств Киевского и Одесского военных округов, проведенные сенатором Н.А. Дедюлиным, сохранились в одноименном фонде (ф. 1394). Документы свидетельствуют о таких нарушениях среди офицеров, как дерзость и неповиновение начальству, уклонение от службы, нарушение чинопочитания и злоупотребление властью⁹.

¹ РГИА. Оп. 1. Д. 150.

² Там же. Оп. 1. Д. 142; Оп. 12. Д. 1144.

³ Там же. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 40, 606.

⁴ Там же. Ф. 934. Оп. 2. Д. 30.

⁵ Там же. Ф. 669 Оп. 1. Д. 17.

⁶ Там же. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 48.

⁷ Там же. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1237, 1292, 1456, 1459; Оп. 5. Д. 98, 115, 155, 174, 239.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 415.

⁹ Там же. Ф. 1394. Оп. 1. Д. 4.

Материалы архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи характеризуют армейский быт военнослужащих с позиции нижних чинов и командиров разных уровней. В работе использованы материалы 9 фондов архива ВИМАИВ и ВС.

Документы Главного артиллерийского управления (ф. 6) представляют архивные материалы о военно-судебных органах, архивные дела, связанные с деятельностью департамента полиции, отдельного корпуса жандармов, военного командования в борьбе с революционными настроениями в армии¹.

Среди материалов фонда - коллекции документов, поступивших из отдела военной истории Артиллерийского исторического музея (ф. 52), использованы распоряжения и письма армейских военачальников, регламентирующих деятельность иноверческого духовенства, и условия принятия присяги иноверцами. Особый интерес представляют сведения о деятельности офицерских собраний, которые выполняли важную культурно-образовательную функцию (организация досуга, музыкальные конкурсы)². Фонд содержит документы по организации военных библиотек, читален, полковых музеев и буфетов для солдат, работа которых способствовала повышению культурного и образовательного уровня военнослужащих³.

Из материалов отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ) в данной работе использовались документы фондов генерал-лейтенанта П.О. Бобровского⁴, историка К.А. Военского⁵ и военного министра (1861-1881 гг.) Д.А. Милютин⁶.

Фонд П.О. Бобровского хранит личную переписку с начальниками юнкерских училищ. В ней содержатся просьбы о помощи в расширении

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 6. Оп. 2/11. Д. 632, 723, 786, 1892; Оп. 2/12. Д. 95, 98, 99; Оп. 29. Д. 558; Оп. 55/4. Д. 12.

² Там же. Ф. 52. Оп. 110/47. Д. 1.

³ Там же. Оп. 60. Д. 1.

⁴ ОР РНБ. Ф.80 – П.О. Бобровский. Д. 6.

⁵ ОР РНБ. Ф.152 – К.А. Военский. Оп. 3. Д. 283, 284; Оп. 4. Д. 114, 123, 149, 170, 175, 189, 194, 196.

⁶ ОР РНБ. Ф. 490 – Н.П. Милютин. Д. 1, 2.

материально-технической базы юнкерских училищ, оснащении их библиотеками, спортивными площадками и тренажерами. На основании данных фонда можно судить о специфике работы преподавателей, их деловых и моральных качествах, трудностях, с которыми они сталкивались при ведении учебно-воспитательной работы.

Фонд Д.А. Милютинина содержит большое количество дневниковых записей, охватывающих период 1873-1900 гг. Несмотря на субъективность данного исторического источника, материалы фонда представляют определенный научный интерес для данного исследования с точки зрения взгляда военного на новые тенденции развития военного дела 2-ой половины XIX в.

Законодательные и нормативные акты представлены полным собранием Законов Российской империи (далее ПСЗ РИ)¹, содержащим законопроекты по вопросам реформирования вооруженных сил России в 1874-1914 гг. Изучение материалов позволило выявить большое количество документов (постановления, приказы, уставы, инструкции, циркуляры), характеризующих деятельность военного ведомства. Особое значение для исследования представляют «Воинский устав о наказаниях» 1875 г.² и «Устав о воинской повинности» 1874 г.³ Всеподданнейшие отчеты военного министерства, содержащие статистические данные судебных дел о правонарушениях военнослужащих, позволили судить об организации нравственного воспитания в русской армии.

Ко второй группе письменных источников относятся нарративные (повествовательные) источники. Они представлены периодической печатью, литературными и публицистическими произведениями, а также источниками личного происхождения (воспоминания, дневники, письма).

По данным 1911 г. в Российской империи выпускалось 107 наименований военных периодических изданий⁴. Однако абсолютное большинство изданий

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 3. 1881-1914. Т. I-XXXIII. СПб., 1885-1916.

² ПСЗ РИ. 2-е собр. Т. 50. № 54536.

³ ПСЗ РИ. 2-е собр. Т. 49. № 52982, 52983.

⁴ Новицкий В.Ф., Шварц А.В., Величко К.И. Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912. С. 596-597.

были либо местными, рассчитанными на узкий круг читателей, либо казенными, с неизменным тоном официального благополучия. Далеко не все из них касались проблем военного воспитания. Особый интерес представляют периодические издания: «Военный сборник» и «Военный Мир», «Журнал Общества Ревнителей Военных знаний» и «Известия императорской Николаевской военной академии», «Морской сборник» и «Офицерская жизнь», «Педагогический сборник» и «Русский инвалид».

На страницах этих изданий представители передовой офицерской общественности пытались осветить события минувшей войны, выявить причины неудач и наметить пути к реформам. На основании публикаций можно судить о тех темах, которые волновали русское общество. Например, активно обсуждались вопросы о воспитании инициативы и дисциплинированности, о необходимости реформирования действующей системы воспитательной подготовки.

Особое место в работе занимают публицистические произведения. Это работы военно-теоретических мыслителей и передовой офицерской общественности второй половины XIX – начала XX вв., на основании которых были сформулированы их представления относительно воинского воспитания. В работах рассматривались такие важнейшие вопросы, как соотношение человека и техники на войне, делались попытки исследовать роль духа войск в победе над противником, анализировались возможные формы и способы воспитательной работы в учебных заведениях и в строю. Поскольку отдельные представители военной науки, как, например, А.А. Гулевич¹, сами участвовали в разработке военных изысканий, то их работы могут использоваться и как косвенный источник для понимания представлений высшего военно-политического руководства по проблемам воинского воспитания.

Источники личного происхождения представлены воспоминаниями. Воспоминания - источник ретроспективный. Благодаря этому они содержат связное повествование о прошедших событиях, но это же приводит и к тому, что

¹ Гулевич А.А. Сравнение экономического строя России и главнейших европейских государств с военной точки зрения. СПб., 1898.

события периода между войнами в них нередко рассматриваются, как предпосылки к Первой мировой войне 1914-1918 гг. Иными словами, в мире, описанном в мемуарах, время движется к определенной цели: в 1900-е гг. - к войне, а затем к революции, хотя сами авторы воспоминаний, переживая описанные ими позже события, естественно, этого не осознавали. На описание событий неизбежно накладывается их позднейшая интерпретация, что само по себе, делает изложение тенденциозным, позволяет использовать самоцензуру, не говоря уже о таких явлениях, как естественное стремление мемуариста оправдаться перед читателями. Тем не менее, внимательный анализ воспоминаний, сравнение сообщаемой ими информации с данными других источников позволяют в какой-то степени преодолеть эти трудности. В рамках данного исследования использование воспоминаний позволяют лучше представить морально-нравственный облик офицеров и их восприятие проводимых военных преобразований. Воспоминания 35 мемуаристов легли в основу данного исследования¹.

Приведенная в работе источниковая база позволяет изучить представления офицерского корпуса русской армии на проблемы воинского воспитания военнослужащих в 1874-1914 гг. Выявить эволюцию взглядов на данную проблему и дать оценку их практической реализации в ходе военных реформ второй половины XIX – начала XX вв.

Исследование предусматривает опору на следующие **методологические принципы**. В ходе анализа проблем воинского воспитания в оценках офицерского корпуса русской армии 1874-1914 гг. был проведен анализ источников и имеющейся научной литературы, сопоставлены исторические документы и выявлены причины происходивших изменений, что невозможно без

¹ Бонч-Бруевич В.Д., Избранные сочинения. Т. 2. Статьи. Воспоминания. Письма. М., 1961; Вересаев В.В. На японской войне. СПб., 2014; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображениях современников. М., 2000; Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991; Николая II в изображениях современников. М., 2000; Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1. Молотов, 1951; Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. М., 2012; Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974.

использования *принципа объективности*. Данный принцип позволил освободиться от субъективных представлений по вопросам воинского воспитания военнослужащих второй половины XIX – начала XX вв.

Принцип историзма предполагает рассмотрение основ воинского воспитания в военной школе и подразделениях русской армии в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии с другими историческими событиями эпохи. *Принцип конкретности* помог комплексно рассмотреть деятельность государства и военных в области воинского воспитания с учетом обстоятельств, места и времени. *Принцип всесторонности* помог выявить разные направления в развитии военно-теоретической мысли России второй половины XIX – начала XX вв. на проблемы воспитания военнослужащих. В исследовании также были использованы такие базовые принципы исторической науки, как *принцип историографической традиции* и *принцип опоры на исторические источники*.

В исследовании были использованы как общие, так и специальные методы исторического исследования. *Проблемно-хронологический метод* в данном исследовании помог выявить основные проблемы воинского воспитания и рассмотреть их в хронологической последовательности.

Метод сравнительного анализа помог сопоставить разные взгляды военных теоретиков по вопросам воинского воспитания, выделить в них общие черты и различия с целью дальнейшей классификации. *Метод классификации* позволил систематизировать источники о деятельности органов военного управления, а также о процессах в воинских подразделениях, военных школах и в самом обществе. *Статистический метод* использован с целью систематизации имеющейся цифровой информации (количественных и качественных данных) с целью выявления общих закономерностей изучаемого процесса (воинского воспитания).

Историческую картину исследования дополняют специальные методы. *Метод типологизации* позволил установить и дать характеристику различным школам военно-теоретической мысли и выявить взаимодействия между ними.

Применение *просопографического метода* позволило изучить биографии

отдельных военных чиновников, теоретиков и представителей передовой офицерской общественности. Их социальное происхождение, сфера деятельности, семейное положение, место жительства, вероисповедание и полученное образование во многом предопределяли сферу интересов и пути решения проблем, связанных с воспитанием военнослужащих в учебных заведениях, армии мирного и военного времени.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования его положений и выводов для создания целостной картины, проводимой правительством реформ вооруженных сил, а также для теоретического осмысления проблем воинского воспитания в условиях вынужденной модернизации социально-политической системы Российской империи второй половины XIX – начала XX вв.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов работы при разработке современной концепции воинского воспитания, использующей лучшие традиции, формы и методы воспитательной работы в армии Российской империи. Материалы данного исследования могут использоваться при написании обобщающих работ по отечественной истории, истории развития вооруженных сил, военной педагогики и психологии. Они могут найти применение в учебном процессе при проведении воспитательной работы с личным составом армии и внутренних войск.

Положения, выносимые на защиту.

1. В основе государственной концепции и системы воинского воспитания офицерского корпуса русской армии лежали ценности теории официальной народности (православие, самодержавие, народность). Триада выполняла функцию национальной идеи, опираясь на принцип единовластия, общечеловеческие ценности и православную этику, способствовала формированию таких ориентиров как воинский долг, личное мужество, преданность и товарищество, и поддерживалась военнослужащими до тех пор, пока олицетворялась с сильной и справедливой властью.

2. Преобразования 70-ых гг. XIX века, нацеленные на формирование в

России бессловного общества, изменили традиционную систему социальных связей и отношений. Появление в офицерской среде разнородных слоев населения привело к противоречию между требованиями, предъявляемыми к офицерскому корпусу, и возможностями выполнения этих требований. Наличие кризисных тенденций в системе военной подготовки приводило к постепенному снижению образовательного и профессионального уровня офицеров, тем самым активизируя в ретроспективе процесс анонимации всего офицерского корпуса.

3. Последствия военных реформ 1870-ых гг. и длительный мирный период до начала русско-японской войны 1904-1905 гг. привели к деформации традиционных ценностей Уваровской триады. Личная храбрость, личный пример, взаимовыручка, воинский долг, верность традициям стали принимать формальный характер. Эти изменения в совокупности с проблемами профессиональной подготовки командного состава и кризисными тенденциями внутри офицерского корпуса привели к неудачам русских войск в войне с Японией. Все это заставляло военное руководство, военных теоретиков и передовую офицерскую общественность искать адекватные решения, соответствующие новым вызовам времени.

4. В начале XX в. законодательные учреждения стали претендовать на осуществление гражданского контроля над армией, что предопределило двойственность политики властных структур в области воинского воспитания. С одной стороны, она поддерживала беспрекословную преданность царю, а с другой, в целях самосохранения была заинтересована в аполитичности офицерства и изоляции офицерского корпуса от представителей населения с демократическими взглядами. Консерватизм русской военной школы, обособленность военнослужащих от гражданского населения, слабая политическая и общеобразовательная подготовка позволяли сохранить патриотический и монархический менталитет армейского офицерства. Властные же реформы вооруженных сил 1905 - 1912 гг. свелись к техническому перевооружению армии, материальному стимулированию и практически не совершенствовали систему военного воспитания военнослужащих.

5. При рассмотрении проблем воинского воспитания в основе классификации военно-теоретической мысли второй половины XIX – начала XX вв. следует использовать классификацию по принадлежности к институтам, в рамках которых проходила научная работа. Можно выделить две научные школы: «теоретическая школа» или «академисты», представленные преподавателями академий, и «школа практиков», тех, кто непосредственно занимался воинским воспитанием в средних военно-учебных заведениях и в строю. Анализ их взглядов показал полное отсутствие диалога и понимания друг друга, причины этого лежали как в разном толковании предмета и содержания военной науки, так и в самой политике самодержавия.

6. Проблемы военного воспитания начинают разрабатываться с 1870-ых гг. представителями «академической школы» военно-теоретической мысли в контексте разработки проблемы соотношения человека и техники на войне. В 1870-ые гг. доминировала точка зрения о главенстве техники, в 1880-ые М.И. Драгомиров проводил мысль о решающей роли человека в бою, а в 1890-ые появляется центристская теория, объединившая в себе крайние позиции. В 1900-ые, после русско-японской войны 1904-1905 гг., проблему соотношения человека и техники на войне на страницах периодической печати стала активно обсуждать передовая офицерская общественность - «практики» военного дела. «Теоретики» видели причины поражения не в просчетах и ошибках довоенной подготовки, а в отсутствии воинского духа, слабой воли военнослужащих и в незнании психологии бойцов. «Практики» указывали на необходимость наличия хотя бы минимальных материальных средств для ведения войны, но, как показала история, их голос был услышан ровно настолько, насколько это позволяла экономическая обстановка в стране и охранительная политика самодержавия.

7. Рекомендации военных «практиков» относительно улучшения военного воспитания в частях носили конкретный характер и не всегда сводились к анализу истории вопроса или тотальной критике действующей системы воспитания. Общей была тенденция на переход от использования мер дисциплинарного воздействия к обращению к личности воина, разъяснению, наставлению,

воспитанию, однако, внедрение в жизнь предложенных мер не могло быть осуществлено в короткие сроки. В силу ряда экономических трудностей и охранительно-консервативной политики правительства предложения военных носили скорее стратегический характер. Военные свели вопросы воинского воспитания исключительно к его внешним проявлениям: дисциплине, инициативе и взысканиям. Вне поля их зрения оставались вопросы патриотизма, нравственности, чести и товарищества, без которых немислимо полноценное формирование здорового и боеспособного армейского коллектива.

8. Отказавшись от воспитания, основанного во многом на страхе наказания, правительство, военные теоретики и передовая офицерская общественность не смогли сформулировать новую концепцию военного воспитания, фундаментом которой были бы понятия чести, воинского долга, мужества и сознательности. Приказы по военному ведомству, воинские уставы, наставления, циркуляры и инструкции не могли дать командиру технологии воспитательной работы, а лишь указывали приблизительное ее направление. Эти тенденции неминуемо приводили к размыванию концептуальных понятий в офицерской среде. В результате большинство офицеров, действуя интуитивно, методом проб и ошибок, приходили к собственной формуле организации военного воспитания, собственному пониманию дисциплины и собственному определению воинской чести.

Апробация темы. Основные положения и выводы исследования нашли отражение в научных статьях автора¹, а также в ряде докладов на международных, всероссийских и региональных конференциях в Санкт-Петербурге, Иванове, Костроме и Самаре. Среди них: «Модернизация в России: история, политика, образование» (Санкт-Петербург, 2013 г.), «Актуальные проблемы социально-

¹ Лазарев К.В. Воспитательные аспекты армейской подготовки в военной публицистике конца XIX – начала XX веков // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 46-51; Лазарев К.В. Определение понятия «воинское воспитание» военными теоретиками конца XIX – начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 30-33; Лазарев К.В. Проблемы офицерских браков на рубеже XIX-XX вв. и их отражение в военных реформах начала XX века (по материалам периодической печати) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. № 3. С. 39-47.

гуманитарных наук» (Днепропетровск, 2013 г.), «Государство, общество, церковь в истории России XX века» (Иваново, 2014 г.), «Война и повседневная жизнь населения России XVII – XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны)» (Санкт-Петербург, 2014 г.), «Модернизация в России: история, политика, образование» (Санкт-Петербург, 2014 г.), «Приднепровские социально-гуманитарные чтения» (Кировоград, 2014 г.), XXXIV Всероссийский конкурс научно-исследовательских и творческих работ обучающихся «Юность, Наука, Культура» (Москва, 2014 г.), «Столица и провинции: проблемы взаимоотношений центра и регионов в истории России» (Санкт-Петербург, 2015 г.), «Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы)» (Санкт-Петербург, 2015 г.), «Россия в зеркале военной истории (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов)» (Кострома, 2015 г.), «Человек и общество в условиях войн и революций» (Самара, 2016 г.).

Структура исследования определяется целями и задачами работы. Диссертация включает 261 лист. Исследование состоит из введения (с. 3-35), двух глав, разделенных на пять параграфов (с. 36-195), заключения (с. 196-201), списка источников и литературы (с. 202-239), а также приложений (с. 240-261). В работе были использованы 270 наименований источников и 168 наименований литературы. Приложения включают 9 таблиц (приложения 1-9, с. 240-248), 1 стихотворение (приложение 10, с. 249-255) и именной указатель (приложение 11, с. 256-261).

Глава 1. Государственная концепция воинского воспитания и состояние офицерского корпуса регулярных сухопутных войск русской армии конца XIX – начала XX веков

1.1 Государственной концепции воинского воспитания офицерского корпуса

Для понимания глубины процессов, которые происходили в военно-теоретической мысли России на рубеже XIX-XX веков, необходимо проанализировать сложившуюся систему военного воспитания и обучения. Одним из ключевых ее компонентов была идеологическая основа взаимодействия самодержавия и армии. В Российской империи второй половины XIX в. такой фундаментальной духовной основой являлась теория официальной народности. Позднее формула «Православие, самодержавие, народность» выразилась в триаде «За Веру, Царя и Отечество».

Армия должна была защищать страну от внутренних и внешних врагов. Символом Отечества считался Император. Идея, что царь - олицетворение России, активно использовалась при воспитании военнослужащих и формировании высокой духовной культуры офицерского корпуса русской армии.

Петр I в «Артикуле с кратким толкованием» и «Уставе воинском» закрепил традицию принятия клятвы на верность не Отечеству, а императору, как главе государства. Смена власти предусматривала повторное принятие присяги военнослужащими следующему монарху.

Текст воинской присяги был законсервирован и за двухсотлетнюю историю практически не изменился. Мнения о доступности смысла присяги для военнослужащих в армии разнились. М.Д. Бонч-Бруевич был уверен, что смысл «ее столь ясен, что для каждого честного военнослужащего не может существовать двух его толкований, а всего только одно»¹. Иного мнения

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905-1910. Киев, 1911. С. 110.

придерживался П.М. Адрианов, отмечавший трудность чтения присяги на старославянском языке солдатами «инородцами»¹.

Для преемственности традиции и незыблемости монархии текст присяги специально не изменялся, но большое внимание уделялось разъяснению отдельных слов и речевых оборотов. Многие старославянские слова являлись устаревшими и требовали объяснения, например, споспешествовать (стараться), потщуся (постараюсь), партии (стычки). Речевой оборот «природному Государю» трактовался как «русскому по происхождению Государю»².

Изменения в ритуале принятия военными присяги в части подтверждения ее личной подписью, были введены после падения Российской империи³. В формулировке триады слово «Отечество» прописывалось со строчной буквы, что подтверждает близость данного понятия к месту рождения, тем самым подчеркивая связь земного и духовного. В воинском уставе под Отечеством понималась «вся земля, что принадлежит нашему государю, все, что называется Россией»⁴. Данная трактовка первого символа триады удобно использовалась правительством для воспитания новобранцев как из российской глубинки, так и «инородцев», живущих в Российской империи по собственным национальным правилам и традициям.

Результатом проведения великих реформ 60-ых – 70-ых гг. XX вв. стал ряд социальных изменений, связанных с повышением грамотности населения в центральной России и в национальных окраинах, распространением в обществе либерально-демократических идей и ослаблением роли церкви, что потребовало большего внимания к политическому воспитанию в армии.

29 февраля 1900 года Санкт-Петербургский Духовно Цензурный Комитет утвердил пособие по православно-нравственному богословию, в котором было

¹ Путилин С. Текст воинской присяги // Воскресный листок. (Приложение к Вестник Военного и Морского Духовенства). 1914. № 12. С. 44.

² Адрианов П.М. Клятвенное обещание: на память молодому воину о великом дне присяги. Одесса, 1913. С. 10.

³ Российский Государственный Исторический Архив (далее РГИА) Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 283.

⁴ Бонч-Бруевич В.Д. Избр. соч. в 3 т. Т. 2. М., 1961. С. 107.

сформулировано понятие «Отечество». Подчеркивалась божественная воля в выборе Отечества. Любовь к Отечеству сравнивалась с любовью к родителям¹. Таким образом, формулировка «Отечества» приобретала более емкий характер, не допуская умаления роли монарха в русской армии и обществе.

Православие помогало правительству доказать особое положение монарха в армии. Государство защищало интересы Русской Православной церкви на юридическом, организационном и силовом уровнях. В воинских подразделениях существовали особые структуры православной церкви для удовлетворения духовных нужд военнослужащих. Военное законодательство определяло веру как обязанность каждого военнослужащего. Ношение православного креста на груди военного было не личным делом каждого, а его долгом². Для воспитания нижних чинов считалось важным исполнение православных традиций, что было закреплено приложением к статье I Устава внутренней службы 1874 года. Устав обязывал командира части наблюдать за соблюдением подчиненными религиозных обязанностей. По мнению военного духовенства, только вера в бога и искренняя молитва способны помочь воину в несении службы, связанной с постоянным преодолением трудностей и опасной для жизни во время военных действий. Революция 1905-1907 гг. способствовала изменению формулировок устава. Новые изменения обязывали командиров помогать священникам³.

Самоотверженная и жертвенная верность Царю и Родине, а также дисциплинированность – такие задачи православной церкви в армии обозначал глава Священного Синода⁴. Воинская службы рассматривалась церковью как священная обязанность каждого. Например, было введено в оборот словосочетание «христоробивый воин», подчеркивая важность воинской службы.

¹ Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Торжество православия (очерки русского самосознания) // Наш современник. 1993. № 12. С. 87.

² Якимский Е. Внебогослужебные беседы с нижними чинами // Вестник Военного Духовенства. 1909. № 2. С. 41.

³ С собрания военных священников в Финляндии // Вестник Военного и Морского Духовенства. 1912. № 18. С. 572.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 530. Л. 343-435.

В православном понимании только воинское сословие отличалось жертвенностью, послушанием, усердным отношением к религии и готовностью отдать жизнь «за други своя»¹. На высокое религиозное звание воинов указывала и преэминентность профессии военного от богатырей. Богатыри Руси были защитниками веры, то есть богатырство рассматривалось православной церковью как вид церковного служения². В схожем ключе было сформулировано и законодательство Российской империи. Так в статье 70 Свода основных законов редакции 1906 г. рассматривалась защита Престола и Отечества как «священная обязанность каждого русского подданного»³. Сформулированные правовые нормы дополнялись религиозными проповедями в каждой воинской части.

Таким образом, правительство понимало, что армию многонационального государства невозможно консолидировать только национальной идеей. Власть умело сочетала идеи патриотизма, монархизма и православия в комплексе морально-нравственных ориентиров военнотружущих русской армии.

Вызывает интерес и трактовка церковью явления войны. Обращаясь к своей пастве, даже военное духовенство утверждало, что война является величайшим злом, так как влечет за собой гибель людей, слезы сирот и вражду между народами⁴.

Православные священники были реалистами и понимали, что искоренить войну нельзя, так как зло определяется греховой природой человека со времен Каина, убившего своего брата. Распространение получила формулировка: кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. В православии только царь, получивший власть от Бога, мог объявить войну или восстановить мир, поэтому в критический военный период нация должна была сплотиться вокруг монарха.

Все войны теоретики православия подразделяли на несправедливые и справедливые. Первые были развязаны ради достижения приземленных целей

¹ Соколов И. Почему русские воины именуются христоробивыми // Вестник Военного Духовенства. 1904. № 21. С. 651.

² Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Торжество православия (очерки русского самосознания) // Наш современник. 1993. № 4. С. 9.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XLIX. СПб., 1876. С. 1-2.

⁴ Михайловский В. Христоробивому воину повседневный спутник. СПб., 1877. С. 10.

(гордыни, славы, корысти), а последние - с целью защиты веры, духовной и материальной культуры народа¹.

В Уваровской триаде истинными ценностями были провозглашены православие и самодержавие. Православно-церковный национализм способствовал формированию взгляда на особое место России в современном мире. Крымская война 1853-1856 гг. показала, что у России нет надежных союзников. После войны в стране возникли многочисленные славянские комитеты, противопоставляющие православие и католицизм². Великий князь А.М. Романов, внук императора Николая I, вспоминал: «официальное понимание патриотизма требовало, чтобы я поддерживал в своем сердце огонь священной ненависти против всех и вся»³. Идея освобождения христианских народов от турецкого ига была популярна в русском обществе.

Издание в 1869 году книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» способствовало распространению данных взглядов. Автор утверждал, что различие интересов России и Запада неизбежно приведет к столкновению славянских народов с остальной Европой⁴. По мнению современников, взгляды Н.Я. Данилевского способствовали изменению общественного мнения и косвенно повлияли на объявление войны 24 апреля 1877 г. Турции⁵. Данный пример иллюстрирует совпадение государственной политики с консервативными взглядами славянофилов во второй половине XIX в.

Анализ источников привел к выводу о формировании национальной идеи, выраженной формулой «За Веру, Царя и Отечество», которая, по мнению правительства, должна была вытеснить либеральные ценности, провозглашенные Великой Французской революцией. Самодержавие выступало гарантом суверенитета и территориального единства Российской империи.

¹ Иннокентий. Война и христоволюбимые воины // Вестник Военного Духовенства. 1908. № 11. С. 339.

² Дьяков В.А. Славянская идея в истории и современности // Свободная мысль. 1992. № 4. С. 76.

³ Александр Михайлович, великий князь. Книга воспоминаний в 2-х т. Т. 1. М-СПб., 2009. С. 92.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1888. С. 320.

⁵ Извольский А.П. Воспоминания. Минск, 2003. С. 103.

В результате реформ 1905-1906 гг. самодержец утратил право единолично управлять страной, что не повлияло на концепцию государственной идеологии вооруженных сил. Идеи триады, по мнению правительства, гарантировали лояльность армии самодержцу во внутренней и внешней борьбе с противниками монархии. Православие служило нравственным ориентиром военнослужащим, регламентировало их поведение в борьбе с противником, укрепляло воинский дух и сосредотачивало силу в руках государя.

Таким образом, несмотря на консерватизм и обращение к традиционным патриархальным устоям, триада символизировала общечеловеческие ценности, выражала идею справедливости, сильной власти и поэтому до определенного момента была востребована в обществе.

1.2 Система воинского воспитания офицерского корпуса русской армии

Объективная оценка состояния военно-профессиональной подготовки офицерства невозможна без краткой характеристики сложившейся системы военного образования в России второй половины XIX в. Реформирование военной школы состояло из двух этапов. Первый этап с 1863 по 1881 гг. был связан с проведением военной реформы Д.А. Милютина, заложившей основы всеобщей воинской повинности. В ходе первого этапа 21 января 1863 г. был учрежден единый орган управления для всех военных учебных заведений Российской империи - Главное управление.

Кадетские корпуса были расформированы и создавались специальные подготовительные учебные заведения: военные гимназии и военные прогимназии, в которых осуществлялась общеобразовательная подготовка будущих офицеров. Затем в зависимости от способностей и уровня образования молодые люди могли поступить в учебные заведения, готовившие офицеров младшего звена - юнкерские и военные училища. Военные гимназии готовили к поступлению в военные училища, а военные прогимназии - в юнкерские училища. Именно

юнкерские училища, в которых чаще всего проходили обучение выходцы из недворянских сословий, предоставили армии основной приток офицерских кадров¹.

Второй этап реформирования системы военного образования связан с именами военного министра П.С. Ванновского и Н.А. Махотина, начальника Главного управления военно-учебных заведений. 22 июля 1882 г. военные прогимназии и гимназии завершили свое существование, а кадетские корпуса стали осуществлять подготовку к воинской службе. Восстановление кадетских корпусов, как закрытых учебных заведений для дворян, ограничило получение офицерского звания недворянскими сословиями.

Кадетским корпусом руководил директор. Его ближайшими помощниками в деле воспитания были ротные командиры. В ведении ротного командира находилась рота, а также офицеры-воспитатели². Каждый офицер-воспитатель, руководствуясь Инструкцией по воспитательной части для кадетских корпусов, руководил отделением, в котором было до 35 кадет³. В военных и юнкерских училищах существовала схожая организация воспитательной работы. Особое внимание уделялось подбору офицеров-воспитателей, и успешно справлялись с испытанием далеко не все.

В роте обязанности воспитателя нижних чинов, в представлении военных, были возложены на командира роты, а его помощниками выступали младшие офицеры.⁴ Однако в нормативно-правовых актах данное положение не было закреплено. Так в 140-ой статье Устава внутренней службы термин «воспитание» употреблялся лишь один раз и то в контексте ответственности командира роты за «воспитание лошадей»⁵.

¹ Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб., 1880. С. 276.

² Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб., 1908. С. 58.

³ Там же. С. 1.

⁴ Парский Д.П. Боевая подготовка нашего солдата. СПб., 1912. С. 34-35.

⁵ Воинские уставы для пехоты. Вып. 1. Изд. 3-е. Устав внутренней службы. Варшава, 1907. С. 15.

В соответствии с воинским уставом, командир роты лично должен разъяснить молодым нижним чинам основы воинского воспитания: значение воинской присяги, воинского долга, знамени и дисциплины¹. На практике, в силу объективных обстоятельств, командир не мог в полной мере уделять внимание воспитанию нижних чинов².

Таким образом, в ходе реформирования системы военно-учебных заведений с 1863 по 1914 гг. в Российской империи была создана система целенаправленной военной подготовки офицерских кадров. Общеобразовательную подготовку осуществляли военные гимназии и военные прогимназии, замененные в 1882 г. кадетскими корпусами. Офицеров младшего звена готовили военные и юнкерские училища. Повышение квалификации офицерского корпуса осуществляли офицерские школы и военные академии.

Таким образом, к концу XIX в. в военно-учебных заведениях удельный вес дворян уменьшился: до $\frac{3}{4}$ в кадетских корпусах, и стал менее половины в юнкерских училищах³. Увеличение в числе обучаемых выходцев из крестьян, мещан и казаков привело к снижению образовательного уровня для поступающих в военно-образовательные учреждения первого звена (особенно в юнкерские училища). Офицерский корпус постепенно становился все сословным.

Преподаватели военных учреждений старались сгладить имущественное неравенство и возможное противостояние между воспитанниками. Так кадетам запрещалось приносить из дома игрушки, носить личные вещи и шить на собственные средства форму. Судя по отчетам офицеров-воспитателей, преподавателям удавалось сплотить кадет и нивелировать имущественное и социальное неравенства⁴.

Однако искоренить дедовщину или, как ее называли «цук», воспитателям так и не удалось, поскольку единого мнения на эту проблему не существовало.

¹ Абрамович Учебник для молодых солдат и их учителей. Одесса, 1912. С. 8.

² Парский Д.П. Боевая подготовка нашего солдата. СПб., 1912. С. 35.

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 351-352.

⁴ Марков А.Л. Кадеты и юнкера. Сан-Франциско, 1961. С. 19; Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 17.

Часть офицеров, чаще всего строевые офицеры, как например А. Банов¹ и Г. Джульчи, выступали против злоупотреблений со стороны старших воспитанников². Они полагали, что подобные пережитки перешли «по традиции» в училища из кадетских корпусов. Цук, по их мнению, не только разлагает офицерскую семью, в которой должен царить дух братства и товарищества³, но и может привести к формированию таких качеств у воспитанников как заискивание, угодничество и скрытность⁴.

Другая же часть офицерского корпуса, зачастую сами преподаватели кадетских корпусов, как например А.И. Спиридович, видели в цуке даже благотворное влияние на воспитанников, закаляющее характер и формирующее субординацию⁵. Основная же масса преподавателей пыталась, по возможности, максимально использовать цук в воспитательных целях. Так старшие воспитанники привлекались к опеке над младшими, вносились предложения о создании в кадетских корпусах товарищеских судов. Однако против последнего предложения высказались не только работники Главного управления военно-учебных заведений, но и большинство преподавателей корпусов, как например А.Д. Бутовский, полагавший, что новый институт может привести к формализации службы⁶.

Традиции цука перешли и в училища. Так воспитанник Николаевского кавалерийского училища А.Л. Марков в своих воспоминаниях дал резко отрицательную характеристику командиру училища генералу М.К. Марченко, который боролся с подобными нарушениями дисциплины. «Генерал этот, сам ни кадетского корпуса, ни кавалерийского корпуса не окончил, был человеком штатским, ... назначен начальством для уничтожения старого быта в школе, как человек кавалерии совершенно посторонний, в строю почти не бывший и

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 1. М., 1957. С.21.

² Н.К.М. Цук // Педагогический сборник. 1908. № 9. С. 202.

³ Б-в А. Мысли вслух унижение человеческого достоинств по традиции // Братская помощь 1908. № 4. С. 153-161.

⁴ Джульчи Г. О человеческом достоинстве // Педагогический сборник. 1901. № 9. С. 210.

⁵ Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 18.

⁶ Бутовский А.Д. О школьном товарищеском суде // Педагогический сборник. 1907. № 4. С. 343.

служивший по Генеральному штабу»¹. Значит именно уважение к традиции цука, по мнению А.Л. Маркова, отличает настоящего кавалериста.

Генерал М.К. Марченко действительно окончил Николаевскую академию генерального штаба, однако затем служил в Лейб-гвардии конном полку и командовал 19-ым драгунским Архангелогородским полком. Поэтому человеком, чуждым кавалерии, его назвать было никак нельзя. Взгляд А.Л. Маркова в большей степени характеризует не реальность, а мировоззрение военных, в котором все общество разделяется на «своих», тех, кто чтит традиции, и «чужих», которые эти традиции разрушают.

Современники неоднократно указывали на недопустимость культивирования в военной среде постоянной неприязни между представителями различных родов войск. Так некто -Ин отмечал, что все действия военных сводятся к тому, чтобы посеять рознь между родами войск. «Уже юнкера различных военных училищ, даже товарищи по среднему учебному заведению, смотрят друг на друга по-разному: артиллеристы - с высоты учености, кавалеристы - шика и блеска, а пехотинцы - забитости и серости. Начальство же военных училищ вместо того, чтобы внушить своим лучшим воспитанникам необходимость единения и общности, само часто сеет между ними рознь»². Автор приводит пример, как к его сестре приехал юнкер кавалерист. Свою мятую фуражку он объяснил, нежеланием быть похожим на пехотных юнкеров. «Уродливость воспитания в наших училищах, судя по рассказам юнкеров и появившимся очеркам в литературе, давно уже должна обратить на себя внимание и заставить принять ряд мер»³.

Общей как среди гимназистов и кадет, так и во всей офицерской среде, была негативная оценка доносительства или как его называли «фискальства»⁴. Воспитанники сажали фискалов на красное положение – то есть не разговаривали

¹ Марков А.Л. Первые дни в Славной школе // Военная быль. 1954. № 8. С. 7.

² -Ин. Единение и воспитание // Офицерская жизнь. 1913. № 41(391). С. 586.

³ Там же.

⁴ Спиридович А.И. Записки жандарма. М., 1991. С. 18.

с ними¹, а преподаватели старались даже не расследовать те проступки, которые могли бы привести к фискальству². Негативное отношение к ябедничеству зафиксировано и в нормативно-правовых актах: в 1881 г. в Инструкции по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий³, а затем в 1886 г. в Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов⁴.

Постепенно учебный процесс в военных учебных заведениях имел тенденцию к упрощению и сокращению объема курсов. Так в 1 - 4 классах были отменены годовичные испытания. Однако, несмотря на ряд послаблений, уровень успеваемости кадет в классах остается низким. В 1901 году во 2-ом Московском кадетском корпусе из 328 кадетов более половины - 185 имели годовые отметки «удовлетворительно» и «слабо»⁵.

Анализ успеваемости в 16 кадетских корпусах за 1901 – 1902 гг. показал, что количество успевающих составило 49,4 %, а малоуспевающих - 50,6 %⁶. Военные теоретики и представители передовой офицерской общественности выделили целый комплекс причин плохой успеваемости кадетов. Падение успеваемости они связывали как с низкой квалификацией преподавателей, так и с несовершенством самой системы обучения и воспитания в военных учреждениях.

Так В.А. Симонов видел главную проблему в «отсутствии обдуманной программы обучения. «Корпус походил то на гражданскую школу, то на гражданскую гимназию, то на военную школу. Отсутствие разумной программы воспитания и образования создавало из нас неопределенный тип кадета шалуна, без воли, характера, положительной мысли, а главное, кадетское воспитание не

¹ Гуторович Г. Что такое кадетские корпуса // Кадетская переключка. 1975. № 4. С. 37.

² Галенковский. Проступок и наказание в кадетской жизни // Педагогический сборник. 1892. № 9. С. 76.

³ Инструкция по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий: Устройство внутр. порядка. Осн. правила физ. и нравств. воспитания. Общие обязанности воспитателей. СПб., 1881. 174 с.

⁴ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб.: В. Березовский, 1904. С. 49.

⁵ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. М., 1973. С. 303; Коровин В.М. Подготовка офицерских кадров в России: традиции и современность. Воронеж, 2004. С. 45.

⁶ Подсчитано по: Коровин В.М. Военное образование в Российской Империи. Воронеж, 2009. С. 48.

достигало своей цели и не создавало из нас военных людей»¹.

Следующей причиной, негативно влияющей на процесс обучения в русской армии, по мнению современников, было введение специализированных курсов на раннем этапе подготовки офицеров в кадетских корпусах. Генерал-майор Е.И. Мартынов, описывая кадетские корпуса, сравнивал их с «ловушками, куда увлекают детей в том возрасте, когда они еще не в состоянии относиться сознательно к выбору профессии».² Военный считал, что, отдавая ребенка в кадетский корпус, определялась его будущая судьба, так как после семи лет обучения, не имея достаточных материальных средств и опыта гражданской жизни, выпускник боялся резко изменить свою жизнь и вынужден был продолжать карьеру военнослужащего.

Решение проблемы военные видели по-разному. Так, Е.И. Мартынов предлагал закрыть кадетские корпуса, учредив вместо них трехгодичные курсы³. Д.Н. Гарлинский хотел оставить кадетские корпуса, но принимать в них только детей сирот⁴.

Однако далеко не все военные, как Д.Н. Гарлинский или Е.И. Мартынов,⁵ сводили проблемы воспитания в кадетских корпусах исключительно к ранней специализации воспитанников. Часть военных говорили о необходимости изменения самой методики преподавания, как, например, Дульцев⁶. Он констатировал, что педагоги только говорят о необходимости воспитания инициативы в войсках, а сами боятся что-либо изменить.

Автор заметки был уверен, что формировать самостоятельность у молодежи необходимо с юных лет, а значит, начинать следует с кадетских корпусов. Дульцев остановился на основных, на его взгляд, недостатках в системе воспитания в этих учебных заведениях. Одним из них он считал слишком строгие правила

¹ Самонов В.А. Мысли современного офицера. Тифлис, 1907. С. 19.

² Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 54.

³ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1907. С. 53.

⁴ Гарлинский Д.Н. Мысли об армии: общедоступное изложение. Армия и ее живая сила. СПб., 1911. С. 55.

⁵ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 54.

⁶ Дульцев. Инициатива в кадетских корпусах // Разведчик. 1911. № 1053. С. 8-10.

поведения, установленные в корпусе. «Воспитатель все время обязан ходить и наблюдать, чтобы кадеты не позволяли слишком резвых шалостей, не лазали бы по деревьям, не рылись бы в земле, не держали руки в карманах, не заговаривали бы с прохожими и еще ..., чтобы не заходили за черту гулянья. Злополучная эта черта, сколько слез кадетских пролито из-за нее»¹.

Кадету приходилось отпрашиваться «решительно за всякой мелочью: надо ему к доске ли карте, он должен спроситься выйти, или ему за нуждой – то же самое. Иногда ему приходится вымалывать у воспитателя разрешения, прибегать к мучительным гримасам в доказательство того, что ему хочется. Эта привычка спрашиваться за всяким пустяком до того внедряется кадетам, что они почти совершенно утрачивают способность делать что – либо самостоятельно»². Главной же задачей системы военного воспитания в кадетских корпусах автор считал дать молодежи простор для развития самостоятельности.

Тему внедрения новых методических приемов в обучение продолжил некто, скрывающийся под псевдонимом -К. Он отмечал, что в кадетских корпусах требуется коренная переработка всех программ обучения, с целью воспитания настоящего военных людей. Автор был не согласен с предложением С. Самойлова об окончательной специализации молодежи после получения среднего образования. На его взгляд, подобная мера приведет к тому, что на военную службу пойдут не по призванию, а ради столь заманчивой военной службы. Тогда количество абитуриентов в кадетские корпуса будет зависеть от веяний времени и рано или поздно приведет к некомплекту офицерского корпуса.

Автор выступил с предложением о идеализации армии в обществе, иногда даже в ущерб истине. Тогда все поступали бы на службу с удовольствием, а военнотружущие пользовались бы поддержкой и симпатией в обществе³. В кадетских же корпусах воспитанников следует воспитывать в строгости, для упрощения их дальнейшей социализации. Редакция «Офицерской жизни» полностью разделяла предложение автора.

¹ Дульцев. Инициатива в кадетских корпусах // Разведчик. 1911. № 1053. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ -К. Ответ Самойлову // Офицерская жизнь. 1906. № 10. С. 132-133.

Однако с позицией -К., рассматривающего кадетские корпуса как исключительно военные учебные заведения, согласились не все. С. Самойлов считал, что предложения -К. «развивать уже с малолетства у воспитанников среднего военного учебного заведения способность переносить разного рода лишения и закалять их нервную систему - не что иное, как насилие природы детей»¹. Более того, совсем не обязательно, чтобы все дети офицеров после окончания кадетских корпусов стали военными. С. Самойлов полагал, что гораздо важнее, чтобы они после выпуска выбрали самостоятельную сферу деятельности. «Желая, во что бы то ни стало, сохранить за кадетскими корпусами специально-военный характер, гражданин -К. борется с требованиями действующей жизни»², полагал С. Самойлов.

Другие военные считали главным недостатком кадетских корпусов отсутствие патриотической тенденции в воспитании кадет. Автор, пожелавший остаться неизвестным, предложил формировать любовь к военному делу у воспитанников при помощи введения воинской дисциплины и воспитанием на патриотических рассказах офицеров-воспитателей из своей жизни. Для улучшения контингента преподавателей он предложил будущих воспитателей учебных заведений выбирать из лучших строевых офицеров на срок не более 5 лет. Выбор должны осуществлять общество офицеров и командир части³.

Критика системы военного образования проходила даже в художественной литературе. Так писатель А.И. Куприн, закончивший в 1887 г. 2-ой Московский кадетский корпус, преподавательский состав периода преобразований военных гимназий в кадетские корпуса считал «каким-то допотопным. ... Учитель арифметики ... приходил ... в класс оборванный, нечесаный, принося с собою возмутительный запах грязного белья и никогда немытого тела. ... И при этом он ржал, раскрывая свою огромную грязную пасть с черными зубами. ... Жизнь свою

¹ Самойлов С. К вопросу о кадетских корпусах // *Офицерская жизнь* 1906. № 17. С. 249.

² Там же. С. 250.

³ Х. Возражения на сообщение директора суворовского кадетского корпуса генерал-майора А.Н. Ваулина // *Офицерская жизнь* 1910. № 213. С. 1682-1686.

он кончил в сумасшедшем доме»¹. Также к недостаткам учителей А.И. Куприн относил пристрастие некоторых из них к алкоголю, использование необъективной системы выставления оценок, применение телесных наказаний и даже дискриминацию по национальному признаку.

Позиция А.И. Куприна нашла поддержку не у всех. Военные упрекали автора в том, что он «облил грязью армию»², «унизил и оплевал русское офицерство»³, специально издал повесть после неудачной войны, «потому, что ему нужен успех, а для успеха нужно попасть в тон современных настроений»⁴.

Однако даже критически оценивающие творчество А.И. Куприна признавали, что «под слоем сгущенных красок есть доля поучительной правды»⁵. Острые социальные проблемы армейских офицеров 1900-х гг. представлены Куприным жестко, страшно, но - точно.

Стоит отметить, что непосредственно преподаватели кадетских корпусов были сдержаннее в оценках недостатков системы воспитания в своих учебных заведениях.

Директор суворовского кадетского корпуса генерал-майор А.Н. Ваулин главными причинами, препятствующими должному воспитанию в кадетских корпусах, считал физические и психологические недостатки абитуриентов. «Приходит много больных пороком сердца, туберкулезом и другими болезнями. Освободиться от него не так и просто, даже осознавая, какой вред он приносит своим товарищам»⁶. Кроме этого, негативное воздействие на кадет, на его взгляд, оказывали и строевые офицеры, отмечая случаи, когда последние угощали кадет водкой.

А.Н. Ваулин видит несколько выходов из сложившейся ситуации. Можно сделать кадетские корпуса всеобщими, тогда рост числа абитуриентов

¹ Куприн А.И. На переломе (Кадеты). СПб., 1913. С. 126.

² Шнеур В. Нищие духом // Офицерская жизнь. 1907. № 87. С. 573.

³ Колбе С. Повесть г-на Куприна Поединок // Разведчик. 1905. № 788. С. 892.

⁴ Там же. С. 893.

⁵ Дрозд-Бонячевский А.И. Поединок Куприна с точки зрения строевого офицера. СПб., 1910. С. 14.

⁶ Ваулин А.Н. К вопросу о воспитании в кадетских корпусах // Офицерская жизнь. 1910. № 212. С. 1665.

позволит выбрать наиболее достойных. Однако автор в большей степени склонялся за сохранение существующей кастовой системы, но с более строгой системой отбора. Офицерам, чьи дети были исключены из кадетского корпуса, следует выдавать материальное пособие от казны на их воспитание до 17 лет.

В схожем ключе, с позицией директора суворовского кадетского корпуса, высказывался и Е.Г. Сарминский. Руководствуясь инструкцией по воспитательной части для кадетских корпусов, он пришел к выводу, что офицер воспитатель обязан наблюдать за состоянием физического и нравственного воспитания кадетов своей роты. Затем он выделил ряд условий, которые, на его взгляд, тормозили и наоборот способствовали педагогической работе офицеров-воспитателей.

К первым он отнес: наследственные дефекты воспитываемых, инертное или недоброжелательное отношение их родителей, не всегда удачный коллектив и отсутствие единых педагогических требований среди преподавателей (особенно между воспитателями и ротными командирами). Среди факторов, которые положительно воздействовали на процесс обучения, Е.Г. Сарминский выделил огромную роль семьи и товарищеской среды¹. Как одновременно одни и те же факторы могли тормозить и способствовать педагогической работе Е.Г. Сарминский не пояснял и конкретных предложений по улучшению воспитательной подготовки в кадетских корпусах не вносил.

Проблемы, поднятые А.Н. Ваулиным и Е.Г. Сарминским, связанные с проблемой комплектования учебных заведений, во многом обусловлены нежеланием знатных людей с хорошим образованием становиться частью армейской среды. По данным Военного министерства из 902 выпускников – 136 кадетов были уволены по заявлению родителей². А.Н. Куропаткин предложил возродить старую традицию и брать с родителей подписки, что их дети закончат учебное заведение и потом станут офицерами.

Таким образом, прослеживалась тенденция падения престижа офицерской службы, которую необходимо было решать комплексно. Передовая офицерская

¹ Сарминский Е.Г. Об условиях, влияющих на педагогическую работу офицеров воспитателей в наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1912. № 8. С. 180-191.

² Всеподданнейший доклад по Военному ведомству за 1899 г. С. 19-20.

общественность зачастую пыталась поправить положение дел локальными мерами. Некто, скрывающийся под инициалами К.К.Д., выступал за допуск в корпуса детей всех сословий, но с преимуществом сыновей военных¹. Он предложил ограничить прием поступающих в кадетские корпуса исключительно младшими классами, с запретом поступать в средние и старшие, как из других корпусов, так и со стороны. Эта мера, на его взгляд, облегчит руководителям воспитание кадет.

Он призывал внимательней изучить поведение воспитанников и исключать их в случае неудовлетворительного нравственного поведения, притом без права поступать обратно или в другие корпуса. Всякие же переводы и поблажки затрудняют воспитание и дают возможность худшим элементам пробиваться в офицеры и дурно влиять на других.

Использовать все меры для воспитания в офицере чисто военного человека, отличив прежде всего характер, добросовестность и чувства инициативы и самостоятельности. Особое значение К.К.Д. отводил развитию в воспитанниках твердости и самостоятельности. Для этого он предложил упразднить денщиков и приучать кадет обходиться без личных слуг.

Более серьезно к проблемам нравственного и интеллектуального развития учащихся кадетских корпусов подошел офицер-воспитатель Николаевского кадетского корпуса И.С. Симонов. Вспоминая свое обучение в 80-ых годах в 1-ом Московском кадетском корпусе, он отметил бессистемность в выборе литературы для прочтения. Поэтому он разработал для кадет старших классов программу внеклассного чтения, которая расширяла бы их умственный и нравственный кругозор.

Чтобы понять, насколько эта программа будет понятна и интересна для кадет, автор разослал во все кадетские корпуса ряд вопросов, ответы на которые раскрыли бы положение дел в области внеклассного чтения и показали умственный потенциал воспитанников. В анкете было семь вопросов: любите ли вы читать и почему; если не любите, то почему; назовите любимого автора и

¹ К.К.Д. Заметки офицера воспитателя // Педагогический сборник. 1894. № 7. С. 28-50.

почему; много ли вообще читаете; где больше читаете: в корпусе или дома; какие произведения прочли в этом учебном году; назовите самое любимое ваше произведение, и если возможно, то почему¹. Несмотря на то, что абсолютное большинство кадет говорили о любви к чтению, меньше половины из них ответили на все вопросы анкеты, назвали любимого автора и любимое произведение.

Таким образом, И.С. Симонов видел огромное воспитательное значение во внеклассном чтении и в беседах с кадетами по поводу прочитанной литературы. Эти меры помогут не только борьбе с революционной пропагандой, но и сблизят кадет с воспитателями².

Более подробно на методике воспитания в кадетских корпусах остановился воспитатель Ташкентского Наследника Цесаревича кадетского корпуса В.К. Герштенцвейг. Несмотря на то, что автор выделил несколько видов воспитания: военное, нравственное, физическое, методы для их формирования были одинаковыми. К ним он относил: пение патриотических национальных песен, чтение всегда и везде молитвы за Царя и Родину, разъяснение понятия Отечества и проведение экскурсий для учащихся³.

В самих кадетских корпусах он отмечал большую воспитательную роль таких символов как - картины, скульпторы и памятники, связанные с военной тематикой. Драгоценными реликвиями корпуса он считал: знамя, личные вещи полководцев, мраморные доски и корпусные музеи⁴.

Разъяснение понятия Отечества автор предлагал начинать с его определения, а затем постепенно переходить к более широкому его пониманию. «Отечество - это не только ваши родные горы и родная долина, но вся земля русская, весь народ - все люди, ее населяющие и работающие на ней. Отечество автор призывал понимать как большую семью, все граждане которого являются

¹ Симонов И.С. Что читают старшие воспитанники наших кадетских корпусов // Педагогический сборник. 1905. № 2. С. 210-215.

² Симонов И.С. Что читают старшие воспитанники наших кадетских корпусов // Педагогический сборник 1905. № 6. С. 642-665.

³ Герштенцвейг В.К. О патриотическом воспитании в кадетских корпусах. СПб., 1911. С. 1-36.

⁴ Там же. С. 10.

его членами»¹. Также необходимо, чтобы воспитатель привел примеры известных людей, любивших и защищавших интересы Отечества. Необходимо формировать решимость следовать их примеру. Разъяснять о том, что патриотизм - это не только жертвование своей жизнью, но и хорошее выполнение своей обычной мирской работы.

Автор отмечал, что процесс воспитания упрощается при сравнении своей и чужой нации и моделировании образа врага. Автор выделил четыре стадии формирования патриотизма у кадет. Колыбельная - основанная на вере и любви. Воинствующая - на физической силе. Обличительная - самобичевание, мечты о всеобщем благе. Национальная стадия - на доводах разума.

Главный недостаток в системе образования и воспитания будущих офицеров автор видел в недостаточном внимании к такому предмету как музыка. Примечательно, что, сравнивая уровень культуры России и Запада, последний признавался В.К. Герштенцвейгером более культурным, а вокальные способности русских ассоциировались у него с «волчьим завыванием» и «стуком колес телеги, дерущей по бревенчатой мостовой»².

В деле военного воспитания он предложил использовать передовой опыт Германии и Швейцарии и для начала ввести в программу кадетских корпусов предмет «история русской музыки и пения», а также создать несколько крупных тематических сборников произведений русских музыкантов. Патриотическая хрестоматия должна была состоять из двух частей: «из четко сформулированных определений и воспитывающих и вдохновляющих чтений»³.

Таким образом, анализ взглядов военных теоретиков и передовой офицерской общественности показывает, что перед правительством стояла непростая задача. С одной стороны, необходимость создания современной массовой армии диктовала закономерное увеличение численности офицерского корпуса, с другой стороны, интеллектуальные качества новобранцев должны были улучшиться. Выполнить эти задачи одновременно военное ведомство считало

¹ Герштенцвейг В.К. О патриотическом воспитании в кадетских корпусах. СПб., 1911. С. 15.

² Там же. С. 35.

³ Там же.

достаточно затруднительным¹. В то же время для их реализации оно предприняло ряд мер, во многом учитывающих предложения военных.

По инициативе военного министерства были организованы поездки юнкеров к местам боевой славы². Например, в 1912 г. выпускники Пажеского корпуса посетили Бородино³.

С целью усиления патриотического воспитания в училищах, была увековечена память о выпускниках, героях русско-японской войны 1904-1905 гг.⁴. Для повышения мотивации в обучении при военно-медицинской академии были учреждены две стипендии забайкальского казачьего войска в размере 420 руб.⁵ и стипендия им. Николая I⁶.

В целях усиления религиозной составляющей образовательного процесса в военно-учебных заведениях военное министерство утвердило новую, более совершенную программу для кадетских корпусов по Закону Божьему⁷. Она лучше учитывала возрастные особенности обучающихся и позволяла более подробно изучить Святое писание⁸.

Для повышения квалификации офицеров-воспитателей кадетских корпусов при Главном управлении военно-учебных заведений с 1900 г. стали работать специальные педагогические курсы⁹.

Для борьбы с революционным движением и повышения политической грамотности офицерского корпуса, в учебную программу военных училищ был

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 6. Оп. 2/12. Д. 99. Л. 106.

² Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1913 г. СПб., 1915. С. 15.

³ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 г. СПб., 1914. С. 13-14.

⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 24. Оп. 97/3. Д. 9. Л. 40 об.

⁵ Приказ по Военному ведомству мая 16-го дня 1913 года № 225 // Военный совет, журналом ... СПб., 1913 С. 945.

⁶ Приказ по Военному ведомству сентября 12-го дня 1913 года № 488 // Военный совет, журналом ... СПб., 1913 С. 1380.

⁷ Приказ по военному ведомству февраля 1913 года № 60 // Программа Закона Божия для Пажеского корпуса и кадетских корпусов ... СПб., 1913. С. 165.

⁸ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1913 г. Отчет по Главному управлению военно-учебных заведений - СПб., 1915. С. 14.

⁹ Приказ по военному ведомству № 213 от 1900 г. // О педагогических курсах ... СПб., 1913. С. 455.

введен новый курс «учение о социалистических теориях»¹. Также для сближения офицеров с солдатами в программу отдела законоведения были внесены сведения о быте и экономическом положении рабочих и крестьян².

Общей тенденцией новых программ обучения было не зазубривание информации, а формирование конкретных умений и навыков у воспитанников³, которыми они смогли бы воспользоваться на практике.

После русско-японской войны 1904-1905 гг. критика профессиональной подготовки в училищах продолжились с новой силой. При анализе воспитательной работы в военных и юнкерских училищах военные находили их подготовку также далекой от совершенства. Если кадетские корпуса ругали за раннюю специализацию, то недостатком высших учебных заведений считали практически полное отсутствие практической направленности в учебной программе.

Мнения высказывались противоречивые. Доходило до предложений отменить лагерные сборы, поскольку те, якобы подрывают представления воспитанников о реальной службе. Ряд публицистов, как например П. Пильский, полагали, что выпускники юнкерских училищ оторваны от реалий обычной жизни и попросту не готовы к ней⁴.

Генерал-майор Генерального штаба Е.И. Мартынов вспоминал: «офицеров заставляли запоминать ... количество баранов и свиней, приходящихся на одну квадратную версту в Галиции, а между тем никто не позаботился познакомить их, хоть в самых общих чертах, с Манчжурией, где русской армии в действительности пришлось вести войну. ... Занимаясь пустословием о воображаемой тактике Чингисхана, ... офицеры выходили из академии, ... не имея никакого представления о А.В. Суворове и М.И. Кутузове»⁵.

¹ Новицкий В.Ф., Шварц А.В., Величко К.И. Военная энциклопедия. Т. 3. СПб., 1912. С. 616.

² Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 г. Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1912. С. 15.

³ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1910 г. Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1912. С. 12; Новицкий В.Ф., Шварц А.В., Величко К.И. Военная энциклопедия. Т. 3. СПб., 1912. С. 616.

⁴ Пильский П. Армия и общество. Питомники // Мир Божий. 1906. № 6. С. 33.

⁵ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 101.

Военный писатель-беллетрист Г.Г. Елчанинов, печатавшийся под псевдонимом Егор Егоров, вспоминая свою подготовку в училище, подчеркивал, что за два года обучения из него получился хороший строевой офицер, но «училище не давало и тени самой элементарной практики в, так называемом, инструкторском деле. Идеальный рядовой, делавший не менее идеально ружейные приемы, став офицером, не мог преподать солдату даже этого несложного отдела: не было метода, не было сноровки, не было умения говорить понятным солдату языком»¹.

М.С. Галкин, генерал-майор русской армии оценивал процесс обучения в военных учреждениях: «юнкер ни разу не видел казармы, понятия не имеет об условиях, в которых живет и служит нижний чин. ... Вуз ничего, кроме солдатской муштры, ему не дает. ... И первое чувство, которое его охватывает при входе в казарму, – это чувство растерянности и беспомощности»².

В схожем ключе высказывался и известный военный писатель Н.Д. Бутовский, публикуя еще в 1895 г. заметки из дневника подпоручика Н, он дал схожую картину подготовки в военных учебных заведениях. «Я прошел с успехом оба курса военного училища, но о пользе приобретенных знаний и дальнейшем продолжении своего образования почти не думал. ... Поступив в полк, я не имел должного представления о дисциплинарной и служебной вежливости. Мой бывший взводный офицер, поставив мне 12 баллов за ответ по дисциплинарному уставу, едва ли догадывался о том, что в практическом приложении этого устава я окажусь порядочным неучем»³.

Отмечая свое отличное знание строевого устава, автор признавал, что при обучении младших чинов он командовал не отчетливо и не под ногу, неловко оборачивался к взводу и путался в рассыпном строю. Ряд трудностей возникал из-за незнания правил этикета. Офицеру было положено в первый день приезда в часть нанести визиты всем офицерам, просить разрешения у товарищей, чтобы

¹ Елчанинов Г.Г. Третий сборник: Арм. рассказы, очерки и шаржи. СПб., 1914. С. 184.

² Галкин М.С. Новый путь современного офицера. СПб., 1907. С. 64.

³ Бутовский Н.Д. Промахи молодого офицера. СПб., 1895. С. 3.

закурить, аккуратно отдавать честь и, стоя, дожидаться дамы¹.

В целом Н.Д. Бутовский отмечал, что военное училище дает неплохой объем общетеоретических знаний, но при их воплощении на практике возникали проблемы. Автор предложил включить в программу юнкерских училищ изучение условий службы в конкретной части, в которой предстоит служить молодому офицеру.

Даже в литературных произведениях того времени встречались открытые призывы к практико-ориентированности учебных программ. Писатель А.И. Куприн устами Алеши Александрова высказал предложение, по которому все молодые люди после окончания кадетского корпуса должны были год отслужить рядовым в полку. После чего юноша допускался до обучения в военном училище².

Несмотря на все требования передовой офицерской общественности, Военное министерство так и не реализовало предложение о прохождении юнкерами во время обучения стажировки в войсках. Причины этого лежат в первую очередь в финансовых трудностях правительства. За четыре года с 1899 по 1903 гг. Военное министерство недополучило 4,5 млн. руб. В то же время А.Н. Куропаткин оптимистично докладывал, что «армия вашего величества и в современном ее составе, без значительного ее усиления, явится во всех случаях надежной защитой России от врагов ее»³.

Современники советовали поднимать уровень учащихся юнкерских училищ, считая его недостаточно высоким⁴. В комиссии по Государственной обороне обсуждение шло в таком ключе как «... если не хотите, чтобы солдаты пускали пули в спины своим офицерам, то оздоровите офицерский состав, избавьте его от юнкерских училищ и замените их военными»⁵

Негативную характеристику личности юнкеров давал М.И. Драгомиров.

¹ Бутовский Н.Д. Промахи молодого офицера. СПб., 1895. С. 4.

² Куприн А.И. Юнкера: роман. Париж, 1933. С. 289 с.

³ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1899 г. СПб., 1901. С. 4.

⁴ См. напр.: Бернацкий В.А. Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений // Педагогический сборник. 1911. С. 67; Гарлинский Д.Н. Армия и ее живая сила. СПб., 1911. С. 55.

⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3332. Л. 6.

Командующий Киевским военным округом считал их слабохарактерными, не способными к работе и недостаточно развитыми. «Помочь делу можно было бы, увеличив для них образовательный ценз»¹.

По мнению И.И. Защука, в обществе воспитанники юнкерских училищ приобрели кличку «не погибших, но не милых созданий». Они пропитаны хронической ленью и ненавистью к науке, ... по окончании каждого экзамена в выпускном классе уничтожали не только свои тетради, но даже учебники»². Виной всему он считал руководство юнкерских училищ, которое зачисляло всех абитуриентов под лозунгом «Придите ко мне все ленивые и неспособные»³.

Удовлетворительную оценку умственному развитию юнкеров давало руководство военного министерства⁴. П.Н. Краснов в 1905 г. на страницах «Русского инвалида» давал более красноречивую характеристику типичного учащегося юнкерского училища: «Было три сына – старший умный был детина – пошел в инженеры путей сообщения. Средний был и так и сяк – сделался присяжным поверенным, младший вовсе был дурак – был отдан в юнкерское училище»⁵.

Причин плохого несения службы выпускниками юнкерских училищ несколько. Во-первых, это невысокий конкурс при поступлении, который приводил к зачислению не самых достойных. По данным за 1887 г., при поступлении в юнкерские училища на 1097 мест приходится 1381 абитуриентов⁶. Значит, проходной бал, составляющий 7,5 баллов, можно было получить даже в случае двух неудовлетворительных ответов. Но даже с такими не самыми сложными испытаниями справлялись не все. По данным за 1876 г., несмотря на

¹ Цитата по: Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. М., 1973. С. 240.

² Защук И.И. Заметки из строевой службы. СПб., 1908. С. 11.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 243.

⁵ Защук И.И. Заметки из строевой службы. СПб., 1908. С. 11.

⁶ Защук И. Наши юнкера // Разведчик. 1893. № 126. С. 226.

наличие свободных мест, 243 вольноопределяющимся было отказано в приеме из-за слабой подготовки¹.

По мнению современников, с целью улучшения подготовки военнотружущих и ликвидации дистанции между солдатами и офицерами, необходимо было введение в учебные программы новой дисциплины «Военная психология и педагогика». А.И. Дрозд-Бонячевский на страницах Военного сборника с сожалением отмечал, что «офицер не получает никакой теоретической подготовки в области военной психологии. Выйдя из училища, он даже не подозревает, что одна из его обязанностей будет состоять в умении влиять на ум и сердце своих подчиненных, на их психику»².

Необходимость введения нового курса понимали не только профессиональные военные. В 1909 г. студенты артиллерийской школы при анонимном анкетировании высказали мнение, что дух части, воспитание в ней воинской доблести, составляют «первейшую и главнейшую заботу командира части, поэтому, казалось бы, своевременным и необходимым ввести в курс артиллерийской школы, как предмет преподавания, психологию воспитания солдата»³.

Подобные просьбы были не единственными. Студенты, опираясь на слова де-Бонналя, французского профессора, сравнившего хорошего начальника с психологом⁴, выступили с инициативой изучения не устройства копыта и кровообращения лошади, а об уделении внимания элементам нравственности и психологии бойца, а также душе каждого военнотружущего.

Справедливость замечаний военных подтверждается анализом образовательных программ военно-учебных заведений. В программах военных училищ отсутствовали предметы психолого-педагогической направленности.

¹ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1876 г. Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1878. С. 38-39.

² Дрозд-Бонячевский А.И. Нравственный элемент как основа управления // Военный сборник. 1907. № 11. С. 44.

³ Деятельность офицеров артиллерийской школы в 1907-1911 гг. по мнению офицеров переменного состава школы. Царское село, 1912. С. 23.

⁴ Там же. С. 92.

Например, в Николаевской инженерной академии наиболее близкими дисциплинами были «Война как явление общественной жизни. Связь политики и стратегии» и «История военного искусства»¹.

Несколько лучше обстояло дело в академии Генерального штаба, в которой слушатели изучали раздел тактики «Дисциплина и военный дух», и в Александровской военно-юридической академии, где воспитанники изучали «Право» и такой вспомогательный предмет как «Психология и логика»².

Военное руководство многократно информировали о сложившейся проблеме. В докладной записке С. Толузакова, специально командированного в Японию для изучения военного опыта этой страны, находим прямое предложение «создать в училищах курс военной педагогики «Воспитание и обучение солдата»³.

После событий революции 1905 г. правительство предприняло ряд мер с целью дополнительного патриотического воспитания нижних чинов. В полках разных военных округов распространялись антиреволюционные брошюры, «разъясняющие нижнему чину истинный смысл правительственных мероприятий»⁴.

Другой кризисной тенденцией офицерского корпуса было низкое состояние специальной военной подготовки у офицеров пехоты. Большинство офицеров в графе образование писали «грамотен»

Треть личного состава имели полное среднее образование. Высшее образование было лишь у 5% генералов, а среди строевых офицеров таковых не было⁵. По данным 1912 г., потомственные дворяне составляли абсолютное большинство среди генералов - 89,6%. Среди них - 4,8% имели высшее образования, 90,8% - среднее, 3,2% - домашнее и 1,2% - низшее. На трех строевых офицеров приходился один не строевой⁶. Таким образом, офицерский корпус

¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. фонд. Оп. 22/6. Д. 2087. Л. 12.

² Новицкий В.Ф., Шварц А.В., Величко К.И. Военная энциклопедия. Т. 1. СПб., 1911. С. 250.

³ РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 30. Л. 6.

⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 150. Л. 86 об.

⁵ Режепо П.А. Статистика генералов. СПб., 1903. С. 12-15; Режепо П.А. Статистика полковников. СПб., 1905. С. 12.

⁶ Там же. С. 13.

постепенно стал социально неоднородным.

Еще одной причиной слабой военной подготовки молодых юнкеров можно считать отсутствие у них начальной военной подготовки, которую получали выпускники кадетских корпусов, что сказывалось на формировании их морально-волевых качеств.

Недостаточное материальное обеспечение младших офицеров со стороны государства создавало большие трудности офицерам из разночинных слоев населения в период службы.

Итоги русско-японской войны 1904-1905 гг. показали такие слабые стороны офицерского корпуса как отсутствие твердой воли, проявление слабых черт характера в момент испытаний, что приводило к «чрезмерному употреблению некоторыми офицерами спиртных напитков, склонностью к кутежам и увеличением числа рапортующих больных»¹. Последнее не способствовало поднятию авторитета офицеров в глазах их подчиненных.

После проведения военной реформы 1874 г. и реализации принципа все сословности, произошла демократизация офицерского корпуса. Как отмечал военный историк А.А. Керсновский, в начале XX в. появилось понятие политической благонадежности личного состава и войск в частности². Воинская служба считалась школой воспитания и использовалась для исправления вольнодумцев. Генерал П.С. Ванновский шумных студентов, мешавших учебному процессу, отдавал в солдаты для коррекции поведения.

Аналогичные действия привели к падению престижа вооруженных сил³. «Армейский офицер не играл в обществе никакой роли. Большею частью он и учится, как говорит русская пословица, только на медный грош. Выражение «армейский» имеет почти презрительный оттенок»⁴. Официальные документы, такие, как материалы комиссии Государственной думы по вопросам укрепления обороны государства, подтверждали, что «во главе лучших сынов крестьянства

¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. фонд. Оп. 22/380. Д. 2368. Л. 23.

² Керсновский А.А. Наша будущая армия // Царский вестник. 1931. № 194. С. 212.

³ Елчанинов Г.Г. (Егоров Егор). Преимущества военных // Разведчик. 1908. № 932. С. 591-592.

⁴ Базедов, Г.Б. Путевые впечатления о военной России: (Пер. с нем). СПб., 1911. С. 24.

становятся худшие сыны интеллигенции, отличительной чертой которых является пьянство и глубокий разврат»¹.

Таким образом, объектом критики военных чаще всего была система подготовки в юнкерских училищах. Однако сравнительный анализ программ военных и юнкерских училищ показал, что они были практически идентичны.

Так в соответствии с инструкциями как для юнкерских, так и для военных училищ, ключевыми компонентами военного воспитания были ответственность, честность, исполнительность, дисциплинированность и коллективизм². Различия были незначительными. Например, в отношении к юнкерам, совершившим дисциплинарный проступок, применялось более строгое наказание – предание провинившихся юнкеров суду³.

Правительство и военное министерство предприняло ряд мер для улучшения профессиональной подготовки будущих офицеров. Вторая Петербургская военная гимназия на базе педагогических курсов⁴ готовила будущие профессиональные кадры для работы в военных гимназиях и кадетских корпусах.

Еще одной дискуссионной темой, активно обсуждавшейся в военной среде, была проблема подготовки квалифицированных преподавателей для военно-учебных заведений. Однако причины противоречий заключались не только в разном видении военными задач подготовительных военно-учебных заведений. Во многом на их точку зрения оказывал влияние субъективный фактор, связанный с условиями службы, денежным довольствием и карьерным ростом.

Например, в 1903 г. на страницах Педагогического сборника один из офицеров-воспитателей указывал преимущества, которые получал военный от карьеры преподавателя. Среди них: «возможность воспитывать детей при себе и

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3332. Л. 6.

² Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. СПб., 1901. С. 3; Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в военных училищах. СПб., 1900. С. 1.

³ Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. СПб., 1901. С. 35-36.

⁴ Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа: (Из опыта кадетских корпусов и воен. гимназий в России). М., 1958. С. 208.

вообще обеспечить им образование; сокращенный срок выслуги пенсии (не 35, а 25 лет) и, наконец, самое важное – ускоренное производство в чине до полковника включительно. Что же касается до мотива, коренящегося в призвании быть воспитателем, то что бы ни говорили, а этот мотив является в виде исключения».¹

Выпускник Тифлисского кадетского корпуса 1892 г. В.А. Самонов отмечал, что каждый из офицеров строя шел преподавателем в корпус как на выгодную лазейку, чтобы обогнать своих товарищей и скорее попасть в штаб-офицеры, а потому смотрел на корпус как на проходной двор².

Таким образом, исходя из данных публикаций, следует, что льготы и привилегии, которые с одной стороны должны были создать конкурс на вакансии преподавателей в военно-учебных заведениях, в то же время подталкивали случайных людей к выбору профессии педагога. Данный вывод верен лишь отчасти и скорее служит примером отражения той дискуссии, которая сложилась между преподавателями военных учреждений и строевыми офицерами.

Ситуация сложилась непростая: офицеры военных училищ и военных корпусов имели возможность ускоренного производства в чине в сравнении с офицерами строя. Офицеры-преподаватели в корпусах и училищах быстрее своих ровесников из армии получали чины обер-офицеров, но имели мало шансов на занятие штаб-офицерских должностей.

Офицер-воспитатель кадетского корпуса не мог иметь чин выше чина капитана армии. Командиры рот находились в чине подполковников или полковников. Поскольку в каждом корпусе количество рот было меньше количества воспитателей, то перемещение на следующую должность для офицера-воспитателя было затруднено. Офицер в чине подполковника, оставленный на штатной должности воспитателя по распоряжению начальства, получал меньшее жалование в сравнении с жалованием строевого подполковника.

В соответствии с положением Военного совета о кадетских корпусах, высочайше утверждённое 14 февраля 1886 г., ротные командиры военных училищ

¹ Х. Несколько слов о наших кадетских корпусах // Педагогический сборник. 1903. № 7. С. 577.

² Самонов В.А. Мысли современного офицера. Тифлис, 1907. С. 28.

получили право назначаться на должности командиров рот кадетских корпусов наряду с лучшими офицерами-воспитателями самих кадетских корпусов. Так как в военных училищах штаб-офицерскими должностями считались должности батальонного (эскадронного командира), начальника училища, а также классного инспектора, то перспективы должностного роста ротных командиров были незначительны. В кадетских корпусах эти офицеры со стороны составляли конкуренцию офицерам-воспитателям и неохотно принимались на службу директорами корпусов.

Данная ситуация диктовала офицерам военно-учебного ведомства следующую модель поведения: ротные командиры и воспитатели из училищ и корпусов по достижении чина полковника или подполковника переводились на штаб-офицерскую должность в строй, но они были значительно моложе своих новых сослуживцев.

Военная пресса отразила бурные дискуссии «коренных строевиков», возмущенных такими действиями преподавателей. В журнале «Разведчик» автор, пожелавший остаться неизвестным, с возмущением отмечал: «перевод в строй военных педагогов из-за карьеры прямо-таки оскорбителен. Еще заметнее это стало после войны. Молодой летами, но уже «старый» штаб-офицер из личных выгод переходит в строй, где сидят седые капитаны, зачастую побывавшие в боях, заслуженные, раненые, а он, дитя с опытом и военной наукой, становится начальником их»¹. Военных педагогов автор назвал «классными дамами»² на спокойной и обеспеченной службе.

Полемику строевых офицеров с преподавателями продолжил ноябрьский номер журнала, в котором один из авторов, печатавшийся под псевдонимом «классная дама-южанка», опровергал легкость педагогической службы. Он подчеркивал, что при назначении командиров пехотных полков директорами корпусов, а также назначении строевых офицеров на должности начальников юнкерских училищ всегда приветствовались педагогами ради улучшения

¹ В.О. Перевод в строй из-за карьеры // Разведчик. 1909. № 984. С. 509.

² Там же.

педагогического дела. Автор призывал строевых офицеров с пониманием отнестись к назначению достойных педагогов на строевые должности¹.

В ответ офицер, под псевдонимом П.В., не скупился в выражениях и называл военных педагогов эгоистами, избравшими «благую часть - стоять в стороне от черной работы строевого офицера»². Итог в споре подвела статья редакции, ставшей на сторону строевых офицеров, указав, что педагоги «имеют порядочную прибавку к содержанию и спокойную жизнь, и службу в хорошем городе, все это - вместо томительных занятий в грязной казарме где-нибудь в Тмутаракани»³.

Споры о привилегиях офицеров-воспитателей продолжались на страницах «Педагогического сборника», «Русского инвалида», «Офицерской жизни» и других изданий. В журнале «Разведчика» некто П. Р-н. указывал на «странное явление, небольшая группа офицеров-воспитателей, капля в море офицеров русской армии, служит мишенью безосновательной зависти и бесконечных нападок за некоторые ... небольшие, колоссальным трудом приобретенные преимущества»⁴.

Против подобной критики выступил директор суворовского кадетского корпуса генерал-майор А.Н. Ваулин. Его статья содержала ответ А.Ф. Турибину за обвинения в адрес воспитателей, которые с его слов идут работать не по призванию, а по причине немалых выгод профессии педагога⁵. По мнению А.Н. Ваулина, выгоды были весьма сомнительные. Учителя имели право на выслугу пенсии в 50 лет в 743 рубля, и сравнительно быстрое производство в полковники, но на этом их карьера и заканчивается. Чин полковника, отмечал А.Н. Ваулин, являлся предметом зависти строевых офицеров, которые и высказывались резко против того, чтобы воспитатели могли перейти на службу в строй.

Не понравилась А.Н. Ваулину и идея о назначении директором корпуса

¹ Классная дама-южанка. Перевод в строй из-за карьеры // Разведчик. 1909. № 991. С. 603.

² П.В. Переводы в строй // Разведчик. 1909. № 995. С. 668.

³ Пенсионный вопрос // Разведчик. 1909. № 996. С. 705.

⁴ П. Р-н. Хорошо там, где нас нет // Разведчик. 1912. № 1142. С. 625.

⁵ Ваулин А.Н. К вопросу о воспитании в кадетских корпусах // Офицерская жизнь 1910. № 212. С. 1665-1668.

строевого генерала. Автор убежден, что знаний одной войсковой жизни недостаточно для управления корпусом и необходимо знание педагогики. Воспитание же взрослых и детей имеет существенные отличия. Хорошим примером, по мнению А.Н. Ваулина, может послужить карьера С.О. Макарова, который будучи отличным воспитателем, ранее служил в строю¹.

Дальше всех из воспитателей зашел Т. Лошмаков, предложив не только не ограничивать привилегии воспитателей, но и расширить их. Он рекомендовал переводить воспитателей кадетских корпусов в строй на должность не ниже батальонного командира в целях использования их опыта и повышения их материального положения².

Данная дискуссия привела к изменению законодательства в 1912 г., когда был составлен законопроект, предусматривающий изменение размера пенсионных выплат командирам рот и офицерам-воспитателям корпусов³. Предполагалось упразднить ускоренное чинопроизводство для офицеров-воспитателей и командиров рот, отменить возможность получения пенсии с одновременным продолжением службы и увеличить размеры окладов. С целью омоложения офицерского состава предполагалось принимать на должности воспитателей в чине не выше штабс-капитана (по положению 1886 г. капитана армии).

Авторы проекта выступали за введение возрастного ценза и ограничение службы 25-30 годами с целью омоложения состава и более эффективной работы офицеров на должностях воспитателей и ротных командиров⁴. Обязательным условием приема на должность офицера-воспитателя было прохождение курсов учебной подготовки. Реализация проекта началась в 1913 г. и была прервана Первой мировой войной 1914-1918 гг.

Однако не все рекомендации военных носили полярный характер. Ряд предложений был направлен на улучшение профессионального уровня офицеров -

¹ Ваулин А.Н. К вопросу о воспитании в кадетских корпусах // Офицерская жизнь 1910. № 212. С. 1665.

² Лошмаков Т. Служебное и материальное положение офицеров воспитателей кадетских корпусов // Офицерская жизнь. 1910. № 203. С. 1525-1526.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 309. Л. 1-48.

⁴ Там же. Л. 33.

воспитателей. Некто А.С. отмечал, что воспитатели кадетских корпусов назначаются из “выдающихся” по своим служебным качествам офицеров. Они прямо из строя поступают в корпус, где находятся на испытании два года, по истечении которых, они переводятся в военно-учебное ведомство. Автор уверен, что этого недостаточно.

Он предложил при Главном Управлении военно-учебных заведений создать педагогические курсы для подготовки педагогических работников, по типу курсов, которые выпускают преподавателей гимнастики, фехтования и ручного труда. Такие курсы совмещали бы в себе и теоретическую и практическую подготовку. В состав теоретической подготовки вошли бы основы физиологии и психологии применительно к воспитанию, история педагогики и подробный анализ положений Инструкции. Практическая подготовка состояла бы в посещении столичных кадетских корпусов, изучении принятого порядка, присутствие на педагогических комитетах¹.

По мнению автора, должна измениться не только подготовка преподавателей военно-учебных заведений, но и подготовка офицеров-воспитателей в частях. Автор считал, что для офицеров-воспитателей в частях должны быть введены соответствующие испытания, как это сделано для преподавателей. После двух лет пребывания в корпусе, воспитатели должны проходить испытание по известной программе при Главном Управлении военно-учебных заведений и только после успешной сдачи экзамена переводиться в военно-учебное ведомство².

Подобная мера, по мнению автора, поможет сократить случаи назначения на должности воспитателя лиц, вовсе не способных к педагогической деятельности, и изолировать от службы тех, кто совершенно не знаком с педагогической литературой и ничего не читает по своей специальности.

Тему продолжил В.О. Тоз, выступавший против практики, при которой воспитатель начинает учиться воспитывать, только поступив на должность, то есть уже в самом кадетском корпусе. Также к недостаткам, действующей системы

¹ А.С. К вопросу о педагогической подготовке офицеров воспитателей кадетских корпусов // Педагогический сборник. - 1899. № 6. С. 586-590.

² Там же. С. 586-590.

воспитания, он относил появление после преобразования военных гимназий в кадетские корпуса ротных командиров, которым напрямую стали подчиняться воспитатели, тем самым отодвинув последних от воспитанников. Как многие военные, В.О. Тоз указывал на то, что карьеру педагога многие выбирали из личных выгод¹.

Для решения этих проблем автор выдвинул новые требования к личности офицера-воспитателя. По мнению автора, преподаватель должен обладать уже солидной преподавательской практикой. Для этого он предложил расширить число обучающихся на педагогических курсах при Главном Управлении военно-учебных заведений для подготовки офицеров к воспитательской деятельности.

Возникновение дискуссий в военной среде по проблеме задач военно-учебных заведений не были случайными и были ответом офицерской общественности на реформирование системы военного образования. В ходе реорганизации военных гимназий в кадетские корпуса произошел переход к специализированному военному воспитанию с военизацией внутреннего режима заведений и отказом от общего военного воспитания. По мнению большинства военных педагогов, кадеты будут самой надежной частью офицерского корпуса, поскольку они с детства воспитываются в закрытых учебных заведениях и мотивированны на воинскую службу. Недостатком сложившейся педагогической системы было назначение на воспитательские должности офицеров, не имеющих специальной педагогической подготовки, что привело к отсутствию единого подхода на методы нравственного воспитания. Поэтому проблематика дискуссий военных теоретиков чаще всего сводилась к определению форм организации учебного процесса и постановке задач подготовительных военно-учебных заведений. Их позиции во многом определялись профессиональной сферой деятельности.

Строевые офицеры видели одной из главных причин, тормозившей процесс воспитания в частях, в слабой подготовке в военно-учебных заведениях. По их мнению, рутина, отсутствие мотивации к службе во многом была связана с тем,

¹ Тоз В.О. Из заметок офицера воспитателя // Педагогический сборник. 1903. № 12. С. 576-583.

что военные выбрали свою профессию не по призванию. Также недостатки воспитательного процесса они видели в слабой профессиональной компетенции преподавателей и в отсталости программ обучения. Преподаватели же военных заведений связывали трудности воспитания учащихся с дурной наследственностью, низким конкурсом при поступлении, негативным влиянием коллектива, отсутствием единых педагогических требований среди преподавателей. Общим в их позициях было то, что большинство военных считало нецелесообразным реформирование системы воинского воспитания в частях, пока не ликвидированы, существующие недостатки в системе профессиональной подготовки в военно-учебных заведениях.

Не меньшую критику у военных вызывал и процесс прохождения службы в частях. Одним из недостатков называли затрудненное чинопроизводство. Как признавал генерал А.Ф. Редигер, при продвижении по службе уровень образования не играл решающей роли. Знание, усердие и любовь к военному делу никак не влияли на продвижение по службе. Командирами отдельных частей становились не все, и большая часть офицеров «на долгие годы оставались в полках, не принося пользы и задерживая служебное движение младшим»¹. В армейской пехоте было наиболее тяжелое положение, поскольку в запас уходило 65 % капитанов, не дослужившихся до штаб-офицерских чинов².

К схожим выводам пришел К.И. Оберучев. Проанализировав списки генералов и офицеров по старшинству, он пришел к выводу, что полученное офицерами образование никак не влияло на продвижение по службе. Исключение составляли лишь академики и воспитанники пажеского корпуса. Так нестроевому элементу отдавалось большее предпочтение, чем строевому; деятелям мирного времени больше, чем боевым офицерам. Гвардейцы быстрее продвигаются по службе, чем артиллеристы³.

Формализм при повышении по службе способствовал снижению мотивации

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. М., 1999. С. 430.

² Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX - XX столетий. М., 1973. С. 188.

³ Оберучев К.И. Наши командиры. Опыт статистического исследования служебного движения офицеров. Киев, 1910. С. 23.

к самообразованию в среде офицерства¹. По словам генерала от инфантерии А.П. Скугаревского, «вся система назначения начальников в мирное время у нас не способствует, а затрудняет выдвижение людей с военными качествами»².

Личный быт военнослужащих строго регламентировался. Приказом от 26 марта 1911 г. по гвардейским войскам и Петербургскому военному округу военным запрещалось «посещать: 1) частные клубы и собрания, где производится азартная игра... 2) «Варьете», - Фонтанка, 81 (зимний кафе-шантан); 3) «Кафе-де-пари», - кофейная под Пассажем на Невском; 4) «Эден» - летний увеселительный сад, Глазовая улица № 23; 5) «Яр» - ресторан на Большом проспекте Петроградской стороны; 6) мелкие кинематографы; 7) рестораны и гостиницы низших разрядов; 8) все вообще трактиры, чайные, кухмистерские, кофейные, пивные, портерные, а также буфеты III-го класса на станциях железных дорог»³.

Жесткая регламентация служебных отношений, а также контроль армейского быта и личной жизни военнослужащих делал их беззащитными перед самоуправством со стороны командира. Офицеры вынуждены были держаться за военную службу в связи с низкой социально-бытовой защищенностью и низким материальным обеспечением. Данные тенденции вынуждали военнослужащих приспособляться к нравам командира частей, в которых они служили, а также препятствовали продвижению по службе более одаренных офицеров⁴.

Проблема тяжелого материального положения офицерского корпуса многократно отражалась в советской историографии. Однако эта проблема была значительно преувеличена и была не столь однозначна. На рубеже XIX-XX вв. заработок квалифицированного рабочего соответствовал окладу пехотного

¹ Почему бегут офицеры // Разведчик. 1908. № 912. С.265-267; Энель. Аттестование офицеров // Разведчик. 1901. № 550. С. 418.

² Скугаревский А.П. Очерки и заметки. Т. 3. Вильна, 1913. С. 26.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. фонд. Оп. 14/3. Д. 2642. Л. 35.

⁴ См. напр.: Глинский С. Улучшение служебного быта армейских офицеров // Разведчик. 1908. № 933. С. 597-600; Литвинов А.И. О возрасте офицерского состава нашей армии // Разведчик. 1894. № 177. С. 204; Положение и быт офицеров. СПб., 1901. С. 12; Сапер. Офицерский быт (Современные вопросы). СПб., 1902. С. 16-18.

поручика¹. Особенно гвардейские офицеры были обязаны поддерживать престижный образ жизни. Офицеры, имеющие другие источники дохода, легко могли позволить себе поддерживать высокий уровень жизни. В отчетах военного министра П.С. Ванновского отмечалась дороговизна жизни и трудность удовлетворения скромных потребностей военных на существующие оклады.²

С другой стороны, офицеры не бедствовали, в современном понимании этого слова. Они получали, кроме жалования, существенную добавку в виде различных специальных выплат на наем квартиры, продовольствие, фураж, проезд, для семей, проживающих в отдаленной местности – специальные пособия на воспитание детей и пропитание. Если сравнить денежное довольствие российских офицеров с размером жалования военнослужащих тех же чинов крупнейших европейских армий во второй половине XIX в., то средняя величина денежного содержания офицеров в странах Европы относительно жалования русского офицера составила бы следующий процент: для австрийской армии 103 %, для германской – 130%, для французской – 157%³.

Оставляло желать лучшего качество жизни офицеров пенсионеров, так как с 1839 г. размер казенных пенсий не менялся. Исправить ситуацию должна была эмеритальная касса, созданная правительством в 1859 г. В нее поступало 6% отчислений от офицерских окладов, которые в 1865 г. были увеличены на 35%⁴. С ростом числа пенсионеров за 1880-1890 гг. доходы кассы резко сократились с 50 % до 4 %.

Военный министр П.С. Ванновский в 1896 г. докладывал императору о том, что вопрос об увеличении пенсий офицерам относится к наиболее важному. Обеспокоенность П.С. Ванновского связана не только с желанием повысить материальное положение офицерского корпуса, но и с необходимостью сократить поток абитуриентов в кадетские корпуса. Николай II постановил ежегодно

¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 233; Зайончковский П.А. Указ соч. С. 220.

² Морозов С.Д. Сиделец в кабаке более офицера получает. Офицерский корпус России на рубеже XIX-XX вв. // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 4-15.

³ Подсчитано по: Волков С.В. Указ. соч. С. 346.

⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1144. Л. 63.

выделять кассе 1,2 млн. руб., а предложение Государственного совета об отмене выплат эмеритальной пенсии семьям военнослужащих отменил¹.

Таким образом, по материальному достатку офицерский корпус конца XIX в. стал относиться к среднему классу против высшего в начале века². Такое изменение социального статуса офицерского корпуса объяснялось приходом в армию большого числа разночинцев, имеющих плохое материальное обеспечение, а также экономическим кризисом в помещичьих хозяйствах.

Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Д.П. Парский считал, что «лицам, по своему положению далеко стоящим от армии, не понять унижительной и удручающей обстановки бедности в офицерском звании»³. Данная тенденция приводила к падению авторитета воинской службы и увеличению пропасти между гражданским населением и армией.

Военное руководство не связывало необходимость увеличения содержания военнослужащих с качеством выполнения их профессиональных обязанностей. Военный педагог, полковник В.Л. Райковский отмечал, что в своей деятельности офицер должен руководствоваться не «жирными окладами» и материальными благополучиями, а идеей служения делу, доблестью, честью и патриотизмом⁴. Герой русско-японской войны 1904-1905 гг., вице-адмирал С.О. Макаров подчеркивал, что движущими силами поведения русского офицера является священный долг и призвание, а не материальное вознаграждение⁵.

Таким образом, престиж воинской службы определялся не величиной жалования, а принадлежностью к офицерскому корпусу, который традиционно связывали с правящим классом империи. Служба всех Романовых в армии свидетельствовала о почетной роли офицеров в войсках и обществе. Продвижение по воинской службе открывало путь в дворянское сословие. Личное дворянство

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1144. Л. 64 об.

² Хрусталева С.В. Размер денежного довольствия // Военно-исторический журнал (далее ВИЖ). 1997. № 1. С. 6.

³ Парский Д.П. Что нужно нашей армии. Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. СПб., 1908. С. 109.

⁴ Райковский В.Л. Военное воспитание. М., 1908. С. 19.

⁵ Каменев А.И., Ефремова И.И. Офицерский корпус русской армии: опыт самопознания. М., 2000. С. 497.

присваивалось с первым офицерским чином, а право на потомственное дворянство имел офицер в звании полковника. Данная тенденция объясняет тот факт, что хундордные офицеры были социально приемлемы высшим светом.

На рубеже XIX-XX вв. государственный аппарат формировался из числа военных, в частности из офицеров гвардии. Поэтому старые армейские связи могли сослужить выгодную службу не только в армии, что широко использовалось выходцами из непривилегированных сословий.

Все указанные кризисные тенденции тесно переплетались и в сумме образовывали еще одну: негативное влияние организации службы в частях на образовательный и культурный уровень офицерства. Генерал А.Ф. Редигер отмечал, что военнослужащие в части «не только не пополняли своих знаний, но даже забывали прежние»¹. С ностальгией вспоминая прошлое, А.И. Деникин следующим образом описывал свободное время от воинской службы в артиллерийской бригаде: «Одни и те же разговоры и шутки. ... Ни один лектор, ни одна порядочная группа не забредала в нашу глушь. Одним словом, серенькая жизнь, маленькие интересы. ... Мы собирались поочередно друг у друга, по вечерам играли в винт, умеренно пили и много пели»².

Формализм, рутина и однообразие приводили не только к отсутствию в офицерской среде интереса к службе, но и провоцировали многих из них к пьянству и военно-богемному образу жизни. Современники называли эту тенденцию господством в частях духа «военного ремесленничества».

Еще одной актуальной темой, была проблема, связанная с расколом в армейской среде между различными родами войск, на которую обращали внимание и сами военные. Например, Е. Кривцов отмечал, что даже в таких избитых вопросах, как понятия воинской чести, определение дисциплины, военного воспитания у военных нет единого мнения. Гвардеец не понимает армейца, строевой начальник - юриста или врача, отец кадета - воспитателя, офицер азиатских корпусов – офицера из столицы. Антагонизм между офицерами

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. М., 1999. С. 430.

² Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 58.

Генерального штаба и строевой офицерской массой связан не столько с завистью на привилегированное положение первых, сколько с духовной отчужденностью. Армия создала собирательный образ в отношении строевых и нестроевых офицеров.

«Так офицер генерального штаба сразу представляется нам как «момент», то есть беспочвенный теоретик и говорун. Интендант или инженер – человек, легкомысленно относящийся к казенному интересу. Юрист – буквоед, с которым лучше не связываться даже по пустякам. Врач – либерал и штатский человек. Гвардеец – парадер и карьерист. Кавалерист – модник (моншер), хлыщ и пустой человек. Адъютант – лакей и мыловарь. Артиллерист – слишком самонадеянный умник. Пехотинец – невежда, бурбон, «мухой», неряха. Казак – груб и плутоват»¹. Кроме этого, очень часто в армейской среде приходится слышать слова: «Ну, какой вы офицер генерального штаба», «Он хоть и гвардеец, но душа человек», «Вы совсем не похожи на казака». В собрании Армии и Флота в Петербурге или в гарнизонных собраниях даже на праздновании Нового года уже не было общего стола, а вместо него накрывали маленькие столики по родам оружия.

Проблема взаимного приветствия была одним из признаков неблагополучия в офицерском корпусе. Она широко обсуждалась в печати. «Свод правил воинского чинопочитания и отдания воинской чести»² регламентировал правила отдания чести не только подчиненными начальнику, но и младшими старшим³. Возникающие конфликтные ситуации регламентировал Приказ № 176 по Военному министерству от 30 октября 1885 г.

Воинское приветствие, по мнению генерала А.А. Брусилова, должно быть обязательным атрибутом каждого офицера. Он обязан не допускать небрежности и четко отвечать на приветствие. С ним соглашался М.И. Драгомиров, подчеркивая необходимость отвечать на приветствие нижних чинов. С другой стороны, в 1902 г. он

¹ Кривцов Е. Общественная жизнь офицера // Военный мир. 1912. № 4. С. 17.

² Свод правил воинского чинопочитания и отдания воинской чести: (Сост. согласно Воинского устава о гарнизонной службе, изд. 1874). СПб., 1891.

³ Устав внутренней службы в пехотных войсках. СПб., 1877. С. 158.

стал недооценивать важность воинской традиции, написав, что воинское приветствие «торжественно провалилось и провалилось правильно, ибо оно не в русском духе»¹.

Ритуал взаимного офицерского приветствия был символом армейского единения, признание подчиненности лицу, которое приветствуется. Необходимость выполнения данной нормы входила в обязанность для всех нижестоящих чинов, а для лиц более высокой иерархии были послабления, считающиеся оправданными. Дискуссии по вопросу об уклонении от такой воинской обязанности как отдавание воинской чести свидетельствует о кризисных явлениях в армии. По мнению М.И. Драгомирова, обсуждение таких мелких вопросов («наших делишек») нельзя было считать безобидным, поскольку постепенно разрушались основы воинской дисциплины². Чиновники военного ведомства были информированы о существующих проблемах в воинских частях и предпринимали меры по улучшению организации воспитательной работы путем нормативно-правовой регламентации действий военнослужащих.

Таким образом, большинство офицеров в строевых частях стремились «царствовать на должности», то есть не стремились к самообразованию и к кропотливой работе по воспитанию нижних чинов, а также мешали продвижению по службе более молодых и инициативных офицеров, прибывших из военных учебных заведений. Молодые офицеры, видевшие свою службу как выполнение долга перед Отечеством, не видели реальных перспектив для претворения в жизнь своих инициатив и теряли мотивацию к дальнейшей службе. Лишь поступление в военную академию или увольнение, могли изменить социальную среду и послужить выходом из сложившейся ситуации. В худшем случае подобные тенденции приводили к полной апатии и равнодушному отношению к служебным обязанностям.

Все данные кризисные тенденции не могли не оказывать свое влияние и на организацию военно-профессиональной подготовки нижних чинов, что нашло отражение в резолюциях собраний, проведенных в войсковых подразделениях

¹ Драгомиров М.И. Наши делишки // Разведчик. 1902. № 630. С. 1021.

² Там же. С. 1021.

после падения самодержавия. В данных документах отмечалось об унижении человеческого достоинства солдат. Представители государственной Думы, объехав 142 версты боевых позиций северного фронта, делали неутешительный вывод «...рукоприкладство в армии настолько укоренилось, что многие не могут от него отстать»¹. На офицерских собраниях также рассматривали вопрос о человеческом достоинстве солдат. На собрании 175-го пехотного полка в селе Медведь близ Новгорода данная проблема обсуждалась 150 офицерами и была встречена овациями². Солдаты предлагали изменить систему судопроизводства, введя в состав военно-полевых судов солдат. Данная мера, по их мнению, должна была способствовать более справедливому восприятию наказания³.

Конечно, приведенные данные, не дают возможности делать далеко идущие выводы о матерой дедовщине и унижительном положении нижних чинов. В то же время подобные оценки русской армии были характерны для послереволюционного периода.

Эффективность судебной системы, стоящей на страже закона, была невысокой. То же можно сказать о системе инспекторских смотров и опросов жалоб со стороны командиров и начальников от батальонного звена и выше⁴. После военных реформ 1860-1880-ых гг., несмотря на демократизацию, судебная система продолжала сохранять карательный характер. Отсутствовала состязательность сторон, и были ограничены права военных на обжалование решения суда, то есть полковой суд рассматривался законодателем «не столько судебный орган, сколько учреждение, содействующее военным начальникам в охране порядка и осуществлении предоставленной им власти»⁵.

Состав полковых судов был однородный и представлен исключительно офицерами⁶, поэтому не отражал интересы низового звена русской армии. Сложившаяся система приводила к желанию солдат заменить военные суды на

¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 287.

² Там же. Л. 41.

³ Там же. Л. 281.

⁴ Лобко П.Л. Записки военной администрации для военных училищ. 2-е изд. СПб., 1869. С. 172.

⁵ Цит. по Российское законодательство X-XX вв. Т. 8. М., 1984. С. 383.

⁶ Военное законодательство Российской империи. Кодекс РВС. Вып. 10. М., 1996. С. 191.

общие, а также наделять солдат правом подавать жалобы в гражданские суды минуя батальонные суды.

Строгость и субординация казарменных порядков нивелировалась деятельностью священников русской православной церкви. В воинской части они имели относительно независимое положение от полкового начальства в силу своего двойного подчинения. С одной стороны, подчинялись командованию воинских частей, с другой - протоиереям, главным священникам округов¹. Последние находились в распоряжении протопресвитера, который подчинялся напрямую Священному Синоду².

Полковые священники были сильно удалены от офицерского корпуса. Они не могли быть постоянными членами полковых собраний, они не принимали участия в решении и обсуждении главных вопросов офицерской жизни и даже к заемному капиталу могли быть допущены лишь на правах добровольных участников. Все эти тенденции часто приводили к тому, что полковой священник не был знаком с офицерами, с их семьями и виделся с ними лишь на причастии и исповеди.

Благодаря двойному подчинению священники православной церкви могли противостоять грубому обращению начальника части к своим подчиненным, но, в большинстве случаев, не хотели портить отношения с командирами, от которых зависели. Как отмечалось в «Вестнике Военного и Морского Духовенства»: - «правдивое слово, сказанное лично начальству о части, может послужить во вред священнику»³. Принципиальная позиция в конфликтных ситуациях требовала от священнослужителей мужества, которым обладали далеко не все.

Найти общий язык с военным руководством удавалось далеко не всем священникам. Анализ документов духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства синода показывает, что количество жалоб на полковых священников выросло, особенно после русско-японской войны 1904-

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10771. Л. 22.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10771. Л. 16.

³ Слово о наших полковых священниках // Вестник Военного и Морского Духовенства. 1912. № 18. С. 6.

1905 г. Войсковым священникам ставилась в вину неуживчивость с военным руководством, чрезмерное употребление спиртных напитков и грубое отношение к офицерам и нижним чинам. Так за пьянство был объявлен выговор священнику шестого Финляндского полка Федору Положенскому¹. Подобные случаи не были единичными, так 19 мая 1889 г. был уволен из военного ведомства священник 99-го пехотного Ивангородского полка Амаликов, «в связи с его не трезвой жизнью»². Неоднократно становились предметом обсуждений проступки Жемчужина - священника 141 пехотного Можайского полка. Военное руководство обвиняло его в «крайней строптивости, высокомерии, пререкательности, самомнении и небрежном к делу божьему»³ отношению.

Другой моделью поведения священнослужителей было взятие ими в свои руки обязанностей командиров. Такие духовные наставники зачастую нравились только недалёковидным руководителям, а у большинства солдат вызывали разочарование. Они ждали от священников духовного посредничества между солдатами и офицерами, считали, что они должны заботиться о каждом солдате, невзирая на его личные качества. Священнослужитель в виде казенного чиновника вызывал у солдата негативное отношение, отталкивающее от духовного наставника. Права священника были защищены нормативно-правовыми нормами воинской дисциплины, вплоть до революции 1917 г.

Таким образом, преобразования 70-ых гг. XIX века, основанные на принципе бессловности, привели к изменению традиционной системы социальных отношений. Представители недворянских сословий получили возможность попасть в офицерский корпус, но после отмены социального и экономического цензов во многом выбор карьеры военного был обусловлен не столько социальным происхождением или призванием к военной службе, сколько желанием получить доселе недоступный и почетный в обществе статус офицера. Изменения социального состава армии не учитывались в сложившейся системе подготовки военных кадров, и старые требования, предъявляемые к офицерскому

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 6128. Л. 1.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 840. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 848. Л. 7.

корпусу, оказались завышенными для новых офицеров из разночинных слоев населения.

Все кризисные тенденции необходимо рассматривать комплексно. Среди них сложно выявить главную. Ранняя специализация офицеров, несовершенство педагогических кадров и образовательных программ, тяжелое материальное положение, строгие этические требования и слабая практико-ориентированность курсов приводили к тому, что молодые офицеры, попадая в часть, были не подготовлены к реальной военной службе. Они чувствовали себя чужими и бесполезными. Крушение надежд приводило к отсутствию не только интереса к службе, но и цели в жизни, а значит к постепенному снижению образовательного и профессионального уровня офицеров, тем самым активируя в ретроспективе процесс деградации всего офицерского корпуса.

1.3 Морально-психологический облик армейского офицерского корпуса

Полноценный анализ представлений военных теоретиков невозможен без выявления ценностных ориентиров офицерского корпуса. Эти ориентиры не только определяли отношение военнослужащих к пропагандируемым государством ценностям, но и оказывали существенное влияние на самих военных теоретиков, во многом определяя круг проблем и тематику их работ.

Нравственные идеалы офицерства определялись условиями социальной среды, анализ которых необходимо проводить комплексно. К таким условиям можно отнести: морально-психологический облик; социально-правовое положение и семейные отношения.

Переход к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности закономерно вызвал за собой изменения в социальной среде офицерского корпуса, повлекшие к трансформации их морально-психологического облика и нравственных ориентиров.

Первой основой триады С.С. Уварова было православие. Из воспоминаний

флигель-адъютанта Николая II С.С. Фабрицкого: «Государь был искренно верующим человеком и убежденным фаталистом, ничто не могло поколебать веру государя в Господа Бога и убеждения, что ни один волос не упадет помимо Воли Всевышнего»¹.

О важности православия в Российской империи свидетельствуют воспоминания генерал-лейтенанта Н.П. Михневича, сделанные им в своем дневнике об генерал-инспекторе по инженерной части А.П. Вернадере. «Он рационалист, без веры, вот влияние лютеранства. ... В разговоре я почувствовал в нем немца, не любящего русских. Я заметил, что русские - ужасные революционеры; вечно будируют. Он ответил: «И всегда под чьим-нибудь сапогом!» Каково! Вот здесь и обнаружился взгляд немца на славян, что это женственная раса, рожденная для подчинения, а не для власти. О, Господи!! Может быть, они и правы, сознавая условия властвования современным. А в будущем: неужели власть будет правом насильников? Думаю, что духовное начало постепенно будет брать верх, скорее будут подчиняться добру и сердцу милостивому, чем насилию и горделивости. Как жаль, что, по-видимому, хороший человек, но серый и без веры»².

Ярко выраженные православные взгляды на мир и общество характеризовали все же людей зрелого и пожилого возраста. Среди молодого поколения офицерского корпуса официально не было неверующих. Однако на практике выполнение религиозных обрядов не всегда было искренним и часто исполнялось автоматически, как само собой разумеющееся.

Представление А.И. Деникина о том, что «человек - существо трех измерений - не в силах осознать высшие законы бытия и творения, отметаю звериную психологию Ветхого завета, но всецело приемлю христианство и православие. С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего»³. Эти взгляды разделяли многие офицеры русской армии, так Г.Н. Бенуа считал, что все

¹ Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 116-117.

² Отел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 490 – Н.П. Милютин. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.

³ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 32.

православные должны «верить слепо, не рассуждая, как простая баба»¹, что вера закреплена их генетическим кодом.

Воспоминания А.А. Игнатьева о первом экзамене в Киевский кадетский корпус свидетельствуют о бездумном и формальном выполнении церковных обрядов. «Выскочил вперед, встал лицом в угол и с неподражаемой быстротой пробормотал молитву, из которой до меня, читавшего ее дома ежедневно, донеслись последние слова: «церкви и отечеству на пользу». Никто даже не перекрестился»².

В рассматриваемый исторический период в светских и молодежных кругах происходило вытеснение православия нигилизмом, религиозность не приветствовалась³ и отдельные офицеры не желали демонстрировать свою религиозность и веру в Бога. Таким образом, такие нравственные ценности как вера и религиозность перестают быть актуальными в повседневной жизни офицерского корпуса⁴.

Второй важной составляющей триады был монархизм, который с детства воспитывался у будущих офицеров⁵. Преданность офицеров престолу характеризуют слова А.Ф. Редигера «... я в нем воспитан был с детства. Зато я к самодержавию предъявлял большие требования: самодержец должен чувствовать себя слугой государства и ... ставить впереди интересы России; он лично должен быть безупречным»⁶. Об отношении военных к личности самодержца, говорят сами за себя заметки Н.П. Михневича, в своем дневнике он писал: «...царь приласкал грудными глазами. ... Государь осчастливил меня разговором. ... Царь,

¹ Бенуа Г.Н. Сорок три года в разлуке (Воспоминания) // Простор. 1967. № 9. С. 73.

² Игнатьев А.А. На фронте. 50 лет в строю. М., 2013. С. 55.

³ Цветков А. Значение религии в жизни воина // Вестник Военного и Морского Духовенства. 1912. № 13-14. С. 477.

⁴ См. напр.: Пастырский собеседник. О молитве в военное время (Из походных воспоминаний) // Смоленские Епархиальные Ведомости. 1888. № 2. С. 78-81; Религиозная теплохладность // Вестник Военного и Морского Духовенства. 1910. № 2. С. 54-55; Служение священника на войне (Из наблюдений участника русско-японской войны) // Вестник Военного и Морского Духовенства. 1912. № 19. С. 660-662.

⁵ См. напр.: Бутовский А.Д. Годы моего учения в Петровско-Полтавском кадетском корпусе. Петроград, 1915. С. 49; Бенуа Г.Н. Указ соч. С. 70.

⁶ Редигер А.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 284.

сделал мне особую милость, обратившись ко мне лицом»¹.

Монархизм, соединяющий идеи самодержавия и патриотизма, можно считать идеологической основой офицерства, который всячески поддерживался как духовенством, так и школой военной подготовки офицерских кадров. Верность офицеров монархической идеи была характерна для всего периода начала XX в., вплоть до Первой мировой войны 1914-1918 гг., изменившей социальный состав офицерского корпуса.

В то же время из анализа многочисленных воспоминаний офицеров², следует, что для многих военнослужащих понятие «Отечество» не было одухотворенным, то есть пропущенным через душу. Не случайно в редакции 1911 г. «Положения об обучении пехоты» подчеркивалось, что необходимо «избегать делать вопросы в форме раз и навсегда принятой. ... Это ведет к бессознательным и заученным ответам ... особенный вред в этом отношении представляют, так называемые, вопросники»³. Однако нововведение нельзя назвать в полной мере своевременным.

В повседневной жизни офицерского корпуса «никому в голову не приходило говорить о Родине, о которой никто не вспоминал»⁴. В воинских частях некоторые офицеры сознательно, преследуя собственную выгоду, злоупотребляли служебным положением⁵. Подобные действия ряда офицеров не говорят об отсутствии у них любви к Отчеству, а лишь служат показателем нравственного воспитания отдельных личностей, а не всего воинского коллектива в целом.

Символом Отечества для каждого военного было Боевое Знамя полка. Все торжественные мероприятия начинались с выноса знамени. Боевому Знамени полка отдавали честь, присягали и старались соблюдать культуру речи, находясь

¹ ОР РНБ. Ф. 490 – Н.П. Милютин. Д. 2. Л. 134, 136.

² См. напр.: Голосов В.П. Строевой офицер - воспитатель и учитель. М., 1909. С. 1; Бенуа Г.Н. Указ. соч. С. 70; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 73; Самонов В.А. Мысли современного офицера. Тифлис, 1907. С. 23; Кузьминский К. Под впечатлением пережитого (Из маньчжурских наблюдений) // Александровец. 1906. № 3. С. 21.

³ Положение об обучении пехоты. Проект высочайше утвержденного 22 декабря 1911 г. СПб., 1911. С. 15.

⁴ Бенуа Г.Н. указ. соч. С. 71.

⁵ См.: Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 2003. С. 71; Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 269-270.

рядом ним. Как вспоминал В.С. Трубецкой «в полковом строю штандарт встречали особой музыкой и при его появлении брали «на караул», обнажая холодное оружие и салютуя им»¹. Важную воспитательную функцию штандарта отмечал А.И. Деникин, подчеркивая заинтересованность офицеров в изучении исторических традиций пехотного Архангелогородского полка, насчитывавшего 200-летнюю историю и его боевых знамен².

В то же время в условиях реального боя «священная хоругвь» оказывала заметно меньшее влияние на подъем патриотических чувств воина. Нередки были случаи, когда в офицерской среде, по воспоминаниям А.А. Игнатъева, во время полковых учений для лучшей конспирации своих высказываний от солдат штандарт называли Эрнестом³. Офицеры Генерального штаба даже предлагали упразднить боевые знамена. По подсчетам молодых офицеров в Мукденском сражении во время русско-японской войны 1904-1905 гг. была острая нехватка строевых частей, но полковые знамена охраняла почти дивизия⁴. «Разве знаменами дерутся, разве знамена - оружие?»⁵, - говорил генерал М.Д. Скобелев, хотя сам во время русско-турецкой войне 1877 - 1878 гг. использовал знамена для поднятия патриотического духа военнослужащих в критические моменты боя.

Таким образом, Боевое Знамя являлось символом Родины и было важной составной частью воинских ритуалов. В повседневной службе офицеров штандарт был данью традиции и представлял, в большей степени, лишь исторический интерес. В условиях военных действий знамя ассоциировалось не с патриотическим подъемом, а с бесполезным отвлечением боевых сил. Девизы «За Россию!», «За Отечество» оставались для офицеров идеологическими штампами, отражающими противоречие между пропагандируемыми идеями и реалиями службы, в которой доминировали корпоративные нравственные ценности, такие как воинский долг и служение, личное мужество и героизм, взаимовыручка и товарищество.

¹ Трубецкой В.С. Записки кирасира. М., 1991. С. 105.

² См. напр.: Деникин А.И. Указ. соч. С. 212.

³ Игнатъев А.А. На фронте. 50 лет в строю. М., 2013. С. 55.

⁴ Игнатъев А.А. Указ соч. С. 322.

⁵ Цит. по: Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М., 1993. С. 187.

В основе системы морально-нравственных ориентиров офицерского корпуса было понятие офицерской чести, что позволяло военным ощущать себя единой социальной группой, призванной быть верной Престолу и войсковому братству. Официальные документы подтверждают значимость соблюдения требований кодекса офицерской чести среди военнослужащих. Создание и функционирование в частях судов офицерской чести являлось важной составляющей воспитательной работы и находилось под личным контролем императора. Правом отменить решения суда офицерской чести обладал только монарх, но, несмотря на большие полномочия, он этим правом пользовался крайне редко¹.

Военное руководство путем реформирования нормативно-правовой базы, пыталось прийти к единому пониманию воинской этики и регламентировать допустимые пределы поведения военнослужащих. Иллюстрацией к этому служит докладная записка на имя Николая II в защиту «Правил для ведения дел чести», поданная генерал-лейтенантом А.А. Киреевым². Несмотря на прилагаемые усилия представителей Военного министерства единого понимания о нравственном и безнравственном в офицерской среде так и не сложилось в силу традиционного военного корпоративизма, лежащего в основе системы нравственного патриотического воспитания³.

Офицеры каждой военной части имели свои традиции и понятия об офицерской этике, что формировало моральный кодекс каждого военнослужащего. Итогом такой организации системы воинской подготовки стало разное понимание воинской чести. Для одних военных один и тот же поступок был связан с бесчестьем и мог закончиться только дуэлью, разрешенной законом 1894 г.⁴, а для других был обычным инцидентом, не заслуживающим никого внимания. Историк П.А. Зайончковский указал на последствия подобного толкования понятия офицерской чести и чести полка, приводившие к тому, что «тот или иной офицер, совершивший бесчестный поступок, изгонялся не из

¹ Зайончковский П.А. Высшее военное управление // П.А. Зайончковский 1904-1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 79.

² Омельченко Г. Дуэль по-русски // Офицеры. 2004. № 3. С. 18.

³ Труды Первого Съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов. СПб., 1909. С. 4.

⁴ Приказы по военному ведомству // Приказ № 118 от 20 мая 1894 г.

армии, а лишь из полка, так как понятия чести запрещали «выносить сор из избы»¹.

Какие разнообразные и порой противоположные взгляды существуют в кругу одной и той же полковой семьи на офицерскую честь, можно было узнать, посетив в 1906 г. постановку пьесы Л.Г. Жданова «Вопросы чести» в театре В.А. Немецки². Автор пьесы показал личную трагедию капитана Зарина, влюбившегося в деревенскую девушку и переехавшего из части в деревню к ней жить. Действия капитана вызвали непонимание в обществе офицеров и привели к дуэли с лучшим другом³. Со временем, офицер разочаровывается в любви, осознал, какая пропасть разделяет его и неразвитую крестьянскую девушку, но Зарин считал бесчестным прекратить отношения и оказывается непонятым своими сослуживцами. Примечателен диалог между капитаном Е.И. Мартыновым и врачом, не понимающим, почему понятие чести у статского, у военного и у всех людей не может быть одним и тем же. Капитан ответил: «Что остается делать мне, если нас обидели? Идти в суд. Получить выкуп. Заставить обидчика уплатить штраф. А если обидчик человек остроумный и внесет сразу двойную сумму - и тут же обидит вторично. Чувствуете ли вы, какой нелепостью звучат ваши слова об одной общей для всех чести»⁴.

Таким образом, понимание воинской чести в офицерской среде сводилось к соблюдению внешних атрибутов: правил чинопочитания, светского такта и воинской вежливости. Подобное понимание позволяло завуалировать неблагоприятные поступки отдельных представителей офицерского корпуса.

В сложившейся системе военно-патриотического воспитания Российской империи храбрость и мужество были неразрывно связаны с личностью офицера и выступали в качестве индикатора его морально-нравственного состояния. Как считал М.Д. Скобелев, «офицеру, никем не командующему, инстинкты самосохранения извинительны, а от ротного командира и выше трусам нет

¹ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX – XX столетий. М., 1973. С. 247.

² Иалин Н. Вопросы чести. Пьеса из военного быта // Офицерская жизнь. 1906. № 1. С. 63.

³ Жданов Л.Г. Вопросы чести. СПб.: Худож. типо-лит. А.К. Вейерман, 1906. С. 56.

⁴ Иалин Н. Вопросы чести. Пьеса из военного быта // Офицерская жизнь. 1906. № 1. С. 63.

никакого оправдания»¹. Похожее высказывание принадлежит генералиссимусу А.В. Суворову: «Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество»².

Таким образом, такие качества как храбрость и мужество всегда были свойственны русскому офицерству и подразумевали ответственность руководителя за своих подчиненных и сохранение солдатских жизней в бою. В годы русско-японской войны 1904-1905 гг. русские офицеры демонстрировали примеры личного мужества и героизма³. Сотрудники распорядительной комиссии по эвакуации пленных приводили данные, что из 74 тыс. военнопленных только 33 солдата и 4 офицера характеризовались боевыми товарищами, как забывшие присягу и поправшие преданность царю и Отечеству.

В то же время, русско-японская война 1904-1905 гг. показала недостаточный уровень профессиональной подготовки военнослужащих. Как указывал генерал Н.А. Епанчин «умирать мы умели, но водить войска, за малым исключением, нет»⁴. Многие части, отправляемые на маньчжурский театр военных действий, оказались сборными, не профильтрованными в морально психологическом отношении, что приводило к массовому дезертирству дальневосточной группировки и ведению руководством переговоров по обмену дезертирами, их розыску и наказанием через суд.

Мужество офицеров фронта резко выделялись на фоне морально-психологического состояния офицеров тыла. Как указывал военный историк А.А. Керсновский, хорошо зарекомендовавшие себя в мирное время офицеры в условиях первого же боя сказывались контуженными⁵ и каждый полк

¹ Немирович-Данченко В.И. Указ соч. С. 52.

² О долге и чести воинской в русской армии: Собрание материалов, документов и статей. М., 1991. С. 45.

³ См. напр.: Гедке Письма военного корреспондента в русско-японскую войну 1904-1905гг // Братская помощь. 1907. № 10. С. 91; Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 31; Степун. Ф.И. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 288.

⁴ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 251.

⁵ Вересаев В.В. На японской войне. Т. 4. СПб., 2014. С. 133-135; Глинский С. Воскресшие покойники // Разведчик. 1906. № 828. С. 79; Куропаткин А.Н. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 4. Варшава, 1906. С. 79.

недосчитывал 4-5 офицеров¹. Данные обстоятельства приводили к целому столпотворению в тылу² и недостаточности строевых частей на позициях. По мнению Е.И. Мартынова, тыл выступал в качестве центра армии, а фронт был его придатком³. Его слова подтверждал А.А. Игнатъев⁴. Таким образом, если в мирное время выбиться в командиры было проблематично, то в период военных действий происходил массовый отказ штабных офицеров принимать командование полком⁵. В связи с поступлением в тыл большого числа офицеров, имеющих протекцию, все тыловые штатные места были заполнены и составлялись временные штаты для прикомандирования офицеров.

Среди офицеров запаса прослеживалась схожая тенденция. По данным МВД от 22 мая 1904 г. наблюдался значительный рост офицеров и чиновников запаса, увольняемых со службы. Генерал-губернаторы восприняли эти сведения как желание офицеров уклониться от участия в военных действиях. Участились случаи конфликтов между старшими и младшими офицерами, что подрывало моральный дух армии.

Однако указанные недостатки морально-психологической обстановки в тылу свойственны для любого военного конфликта. Кроме этого, сложная историческая обстановка начала XX в. приводила к разной оценке офицерской доблести командованием и гражданским обществом. Военное руководство обвиняло военных в неспособности контролировать ситуацию в зоне боевых действий, а общество видело в военных неудачах «кризис верхов» и неумение защитить страну.⁶

На несправедливость нареканий в отношении офицеров Генерального штаба, которых все считали главными виновниками проигрыша в войне, указывал генерал-майор М.В. Алексеев. С ним был солидарен начальник Николаевской академии Генерального штаба 1904-1907 гг. генерал-лейтенант Н.П. Михневич,

¹ Керсновский А.А. История русской армии. Кн. 4. М., 1999. С. 249.

² Рябинин А. На войне // Братская помощь. 1907. № 7. С. 15.

³ Мартынов Е.И. Из печального опыта русско-японской войны. СПб., 1906. С. 138.

⁴ Игнатъев А.А. Указ. соч. С. 243.

⁵ Лемке М.К. Указ. соч. С. 209.

⁶ Ростунов И.И. История русско-японской войны. М., 1977. С. 370.

который потребовал публичных извинений от редакции газеты «Русь» за подмену фактов и необъективность оценки действий военнослужащих академии¹.

Таким образом, несмотря на факты героизма, проявленные офицерами во время боевых действий, общественность связала причины поражения в войне не с недальновидной политикой правительства, а с отсутствием патриотизма в офицерском корпусе, что предопределило негативное отношение гражданского населения к военным. Примеры массового героизма офицеров в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг. свидетельствуют о результативности созданной государством системы военно-патриотического воспитания.

Специфичным индикатором как нравственного, так и образовательного уровня офицерского корпуса являлся запрос армейских офицеров на чтение литературы. По мнению военного министра 1909-1915 гг. В.А. Сухомлинова, самым популярным изданием среди офицеров была газета «Новое время». Однако далеко не все его современники были с ним согласны. В приказах по одной из пехотных дивизий был объявлен список книг, которые офицеры одного полка хотели приобрести в офицерскую библиотеку. Этот список состоял из заглавий: «бес девка», «дневник горничной», «дневник падшей женщины», «красавец Фердинанд». Этих книг предполагалось выписать на сумму 200 руб., тогда как на военно-научные сочинения определялось всего 17 руб.

В целом анализ читательских симпатий офицерского корпуса показывает, что взгляды воспитателей на то, какие книги следует читать их воспитанникам, со временем претерпевали значительные изменения. А.Н. Острогорский в 1884 г. не понимал причины популярности у подростков Жюль Верна и Майн Рида², которых на следующий год внесли в список книг для чтения. На рубеже XIX – XX вв. сотрудники военных учреждений перешли от критики приключенческих романов, к осуждению детективов, искренне удивляясь, почему их воспитанники вместо В.О. Ключевского и Н.И. Костомарова предпочитают читать Конан Дойля

¹ Шаров А.В. Война застала нас врасплох // Военно-исторический журнал. 2002. № 7. С. 29.

² Острогорский А.Н. К установке критерия при оценке книг для детей // Педагогический сборник. 1884. № 7. С. 445.

и Пинкертон¹.

В 1910-ые гг. И.А. Завадский, воспитатель Николаевского кадетского корпуса, уже с ностальгией вспоминал прошлое десятилетие, когда молодежь зачитывалась детективами, но понятия не имела о «сборниках цинизма, пошлости и самого возмутительного разврата»². Н. Михайлов, описывая свои годы обучения в кадетском корпусе, вспоминал, как все воспитанники, зачитывавшись в свободное время на уроках романом Поль де Кока «Девочка, которую долго считали за мальчика». Это чтение, по его мнению, неблагоприятно отразилось не только на нравственности кадет, но и на их учении. «Ему захотелось самому искать ласки какой-нибудь женщины, и он решил воспользоваться первым же отпуском для этой утехи»³.

Бывший выпускник 1-го Московского кадетского корпуса И.С. Симонов, вспоминая годы своего обучения в кадетском корпусе, с сожалением отмечал бессистемность в выборе литературы для прочтения. В шестом классе кадетского корпуса он прочитал и законспектировал роман В.В. Крестовского «Петербургские трущобы». Напомним, что произведение написано «блатным» жаргоном и его главными героями являются проститутка, вор и убийца⁴. В следующем году И.С. Симонов еще в рукописи прочитал «Крейцерову сонату» Л.Н. Толстого, запрещенную на тот момент цензурой не только в России, но и в Америке. С «Войной и мир» же он познакомился лишь в военном училище.

Подобные воспоминания могут быть достаточно субъективными, поэтому больший интерес представляют статистические сведения, опубликованные в журнале «Разведчик». Он приводит данные о том, сколько и какой литературы заказывали офицеры в библиотеках. Поскольку организация досуга в разных частях страны могла сильно отличаться друг от друга, полученные данные могли

¹ М-й Н.С. Статистический материал к самостоятельному чтению кадет // Педагогический сборник. 1910. № 11. С. 409.

² Завадский И.А. Некоторые задачи воспитания средних классов // Педагогический сборник. 1911. № 3. С. 312.

³ Михайлов Н. Кадетские годы Сергеева. СПб., 1900. С. 78.

⁴ Симонов И.С. Что читают старшие воспитанники наших кадетских корпусов // Педагогический сборник. 1905. № 2. С. 210-215.

носить частный характер и не отражать общий уровень чтения офицерства. Поэтому журнал собрал и свел воедино материалы из разных библиотек, находящихся как в уездных и губернских городах, так и в удаленных казармах.

Полученные данные, в целом, представляются вполне достоверными, несмотря на ряд особенностей. Во-первых, не учитывается вклад в чтение той части офицерства, которая могла выписывать литературу самостоятельно. Однако доля таких офицеров была минимальна, поскольку выписка литературы была связана с крупными материальными затратами и носила скорее эпизодический характер. Во-вторых, данные библиотечных заказов скорее преувеличивают реальный уровень чтения, чем занижают его. Офицеры могли заказывать литературу, как для себя, так и для членов своих семей. Кроме этого, факт запроса книги еще не означает ее прочтения.

Данные Таблицы 1 показывают среднее количество книг, прочитанных одним офицером за год. В среднем на каждого офицера в год приходилось по 0,7 военных книг и журналов, 0,6 общеобразовательных книг и по 4,7 беллетристских сочинений. Таким образом, из 5-6 прочитанных книг, в среднем меньше 1 книги приходится по военной или общеобразовательной тематике. Другими словами, значительная часть офицеров (30 – 40 %) вообще не читают книг.

Среди всей литературы наибольший интерес у офицерства вызывает беллетристика. Особой популярностью она пользовалась среди женатых офицеров¹, которые, по-видимому, заказывали литературу не только для себя, но и для членов своих семей. Поэтому реальные статистические данные по уровню чтения офицерства несколько ниже.

Из таблицы 1 видно, что больше всех читают младшие офицеры (подпоручики и поручики), а меньше всех капитаны и штаб-офицеры. Также по мере карьерного роста заметно повышение интереса к военным книгам. У поручиков этот показатель составляет 0,5, а у штаб-офицеров - 1,03, что связано также с увеличением продолжительности службы. В этой связи низкими показателями чтения заметно выделяются капитаны. Возможно, это связано с

¹ Н. Р-р Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 951. С. 43.

выполнением ими функций командира роты и отсутствием у них свободного времени. В чтении беллетристических сочинений прослеживается обратный процесс, среднее количество прочитанных книг уменьшается от младших чинов к старшим.

В силу специфики темы исследования более подробно следует проанализировать первый раздел литературы, состоящий из военных книг и журналов. В него входят периодические издания, уставы и справочные книги, военно-учебные книги и другие военно-научные сочинения. Наибольшее внимание офицеры уделяли прочтению отдельных военно-литературных сочинений, а затем периодических изданий. Военно-учебные книги, а также уставы и справочная литература не пользовались особой популярностью и их доля в общем объеме чтения не значительна.

Среди периодических изданий офицеры заказывали: «Военный сборник», «Разведчик», «Варшавский военный округ», «Оружейный сборник» и «Досуги Марса». Последние три издания имели наименьший объем читателей и составляли только 2 % от общего объема чтения. Также не имеет смысла приводить статистику по газете «Русский инвалид», поскольку официально ее читали все. Наибольшей популярностью пользовались «Военный сборник» и «Разведчик»¹.

Таким образом, среди всей массы периодических изданий офицеры отдавали наибольшее предпочтение Военному сборнику (68 %). Больше всех читали штаб-офицеры, штабс-капитаны и поручики. Меньше всех капитаны и особенно подпоручики, читательский интерес которых в среднем сводится к 0,06 периодических изданий в год.

Объем чтения уставов и справочной литературы среди офицеров был минимальным. Он был скорее показателем не столько отсутствия читательского интереса к данному виду литературы, сколько наличия таких офицеров, у которых не было своих экземпляров уставов и наставлений, и они были вынуждены пользоваться библиотечными. Доля таких офицеров не велика, но первое место

¹ См. Приложение 3.

по-прежнему занимают капитаны¹.

Все военно-учебные книги можно разделить на 5 групп: учебники по тактике, топографии, администрации, фортификации и артиллерии².

Наибольшее внимание офицеры уделяли чтению учебников тактики (50 %), а наименьшее артиллерии и администрации, которым принадлежат менее 10 % всех требований. Основной контингент читателей военно-учебных книг – это младшие офицеры, что связано, видимо, с их стремлением поступить в Академию.

Последняя группа военных книг и журналов представлена остальными военно-литературными сочинениями³. Общий интерес офицерства сводился к чтению сочинений по военной истории (47 %), а книги по тактическим вопросам, практически не использовались.

Однако приведенные статистические данные являются усредненными, они не могут быть в полной мере объективными и отражать реальный уровень чтения офицерства. На основании данных, приведенных в Таблице 6, всех офицеров можно разделить на три разные группы, в зависимости от объема их чтения: тех, кто за 3 года не прочитал ни одной книги (37,9 %), тех, кто прочитал от 1 до 5 книг или от 0,36 до 1,6 книг в год (48,5 %), и тех, кто прочитал от 6 до 21 книг (13,6 %). Именно последняя группа, представленная чаще всего одним или двумя читателями, значительно превышала средний процент чтения офицеров. Если исключить влияние последней группы на средние показатели чтения, то получим, что 40,7 % офицеров не читают совсем, 52,2 % читают от 1 до 5 книг за 3 года и 7,1 % читают от 6 до 10 книг⁴.

Таким образом, исследование показывает, что читатели последних групп, увеличивают общий процент читавших на 2,8 %. На основании Таблиц (1, 3, 4, 5, 7) видно, что по мере карьерного роста и продвижения по службе, объем чтения и количество читающих офицеров уменьшается. Из таблиц (4 и 5) следует, что стремление к самообразованию среди офицеров достигает максимума в чине

¹ См. Приложение 2.

² См. Приложение 4.

³ См. Приложение 5.

⁴ См. Приложение 7.

поручика и значительно ослабляется при дальнейшей службе и достигает своего минимума в чине капитана. Значит, снижение читательского интереса не связано с появлением у офицеров материальных средств и возможности выписывать литературу самостоятельно, не пользуясь услугами библиотек. Поэтому стремление к самообразованию не зависит от материального положения офицерства. Причины снижения читательского интереса лежат как в скудности полковых библиотек, так и в несовершенстве кадровой политики правительства и в большей степени зависят от нехватки мотивации и поощрения офицерства в ходе службы.

Еще одной темой, не меньше волновавшей офицерский корпус, была проблема незаконных («гражданских», в нашем понимании) браков военнослужащих. Тема семьи и брака относится к обыденным и повседневным темам истории, однако именно семейные отношения являются показателем состояния самого общества и во многом определяют его нравственный облик. Особую роль играет нравственное состояние офицерского корпуса, составляющего основу армии и отвечающего за боеготовность Вооруженных сил.

Все сферы жизни военнослужащих подвергались строгой регламентации со стороны государства: от внутреннего распорядка и несения службы, до личной жизни. В соответствии с приказом военного министерства от 6 января 1867 г., всем офицерам в возрасте до 23 лет запрещалось вступление в брак. Офицеры могли вступать в брак в возрасте до 28 лет только с письменного разрешения начальства и при имущественном обеспечении не менее 250 руб. годового дохода¹.

Например, было заведено дело на протоирея Бакинской портовой церкви Николая Масютина за то, что он 9 января 1889 г. повенчал браком свою дочь Надежду с поручиком 5-го закаспийского стрелкового батальона Лебедевым без разрешения на то строевого начальника. Только после того, как священник предоставил письменную телеграмму от командира батальона с разрешением

¹ Полн. собр. законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание 2. 1866. Т. XLI. От. 2. № 43940. СПб., 1868. С. 343.

заклучить брак, дело было закрыто¹.

На рубеже XIX-XX вв. правительство неоднократно возвращалось к теме офицерских браков, создавались комиссии, активно обсуждались возможные изменения действующего закона.

Ярким тому подтверждением является резкий рост в периодической печати публикаций по данной теме в 1898 г., связанный с работой комиссии под председательством генерал-лейтенанта Ю.В. Любвицкого, об увеличении окладов содержания строевых офицеров (1898-1899).

Суть проекта сводилась к еще большему ограничению числа офицерских браков. Члены комиссии были уверены, что холостой офицер по своим морально-нравственным качествам является более пригодным для ведения войны, чем семейный. Неженатый офицер лучше готов «на всякие непредвиденные назначения и командировки», а в военное время он проявляет «безусловное спокойствие, высокое мужество и храбрость, граничащую с самопожертвованием»². Кроме этого, пересмотр действующего положения о браках был связан с материальными трудностями государства, с необходимостью содержания офицерских семей в случае потери кормильца.

Комиссией предполагалось внедрить ряд мер. Повысить возраст присвоения офицерского звания с 23 до 25 лет. Вступление в брак без реверса (материального обеспечения) допустить только для офицеров, получающих не менее 1200 рублей содержания (без учета квартирных). От остальных офицеров требовалось такое обеспечение, чтобы доход с него вместе с получаемым содержанием равнялся 1200 руб., что составит для младшего офицера от 9 до 13 ½ тыс. руб. Решение вопроса о возможном вступлении в брак предполагалось передать от командира части к его непосредственному начальнику – командиру корпуса. Подобная мера, по мнению реформаторов, должна была исключить влияние личных отношений на исход дела³.

В соответствии с предложениями комиссии брак должен отвечать

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 819. Л. 1-3.

² Д-в Д.Д. Браки офицеров XV // Разведчик. 1898. № 420. С. 942.

³ Редакция Браки офицеров // Разведчик. 1898. № 407. С. 674-676.

требованиям благопристойности, то есть невеста по своему воспитанию, нравственности и происхождению не могла уронить достоинство и доброе имя жениха. Данный вопрос о благопристойности невесты должен решаться командиром части. Действующий закон о наказаниях за вступление в брак без разрешения начальства предлагалось ужесточить¹.

Данные нововведения не распространялись на чиновников военного ведомства, поскольку многие из них женились еще в нижнем звании и, следовательно, при достижении классного чина были уже женатыми². Нельзя не согласиться с выводом В.А. Веременко о том, «что реализация такого плана означала бы переход офицеров в сословие «военных монахов»³.

Неудивительно, что перспектива принятия подобных мер с целью «увеличения окладов содержания офицеров» вызвала негодование в офицерской среде, что наглядно видно на примере писем в редакции газет и журналов. В них военные выделили ряд возможных последствий, к которым могут привести требования реверса с офицеров при вступлении в брак. Среди них они называли отток молодых, нравственных и трудолюбивых офицеров со службы на какую-нибудь другую казенную или частную службу. Предостерегали о возможном представлении фиктивных реверсов, взятых у знакомых, что поставит офицеров в еще более тяжелое нравственное и материальное положение. Прогнозировали, что вынужденное безбрачие офицеров приведет к снижению уровня общественной нравственности, усилению полового разврата, увеличению числа венерических больных, распространению незаконных сожительства и увеличению числа незаконнорожденных детей⁴.

В. Булыгин высказал пожелание членам комиссии, чтобы их проект

¹ Редакция Браки офицеров // Разведчик. 1898. № 407. С. 675.

² Там же. С. 676.

³ Подробнее см.: Веременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). 2-е изд. СПб., 2009. С. 84-94; Веременко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы междунауч. конф. / отв. ред. В.А. Веременко. СПб., 2014. С. 157-164.

⁴ Булыгин В. О браках офицеров // Разведчик. 1898. № 410. С. 733; Путилова А.В. Мысли матери // Разведчик. 1898. № 412. С. 771; Выходцевский В. Браки офицеров // Разведчик. 1901. № 561. С. 646; Аркан О браках офицеров XII // Разведчик. 1898. № 414. С. 811.

«осуществился в далеком будущем или лучше никогда»¹. Он отметил, что при существующем положении, браки легально чаще всего заключаются после достижения офицером 28 лет, то есть в возрасте, дающем право на брак без обеспечения. Принятие же положения Ю.В. Любвицкого приведет к тому, что офицеры смогут вступить в брак лишь в возрасте 33-36 лет, когда их оклад составит 1200 руб. в год. В столь зрелом возрасте, по мнению В. Булыгина, военные уже отвыкнут от семейной жизни и так и останутся холостыми.

Автор, печатающийся под псевдонимом Д.Х. (вероятно Д.А. Хомяков)², указывал, что введение предполагаемых мер приведет к тому, что офицеры в большинстве лишатся даже того незначительного круга штатских и военных интеллигентных знакомых, поскольку общество офицерской молодежи принимается в домах с определенной целью, как возможных женихов³.

Против предложений комиссии Ю.В. Любвицкого выступила даже редакция журнала “Разведчик”, отмечая, что в настоящее время московский купец боится завести знакомство с офицером из опасения, что он может сбить его сына с толку, привлечь в военную службу и этим нарушить преемственность купеческой профессии и расстроить все торговое дело. Внедрение же новых мер только ухудшит положение, будут практиковаться противозаконные сожительства и «поколеблется нравственность замужних женщин, так как, не давая обет монашества, холостой офицер делается невольным подражателем кукушки»⁴.

А. Августов указывал на отрицательное нравственное влияние холостых офицеров на своих солдат. Отмечая, что нередко молодые офицеры пользуются услугами казенной прислуги для доставки себе живого товара. Такое отношение, конечно, далеко от нравственных идеалов, но при умении держать себя в обществе и при хорошем исполнении службы оно несколько не мешает получить от командира части в аттестационном списке отметку: «в нравственном отношении –

¹ Булыгин В. О браках офицеров V // Разведчик. 1898. № 410. С. 733.

² Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. М., 1956. С.319.

³ Д.Х. О браках офицеров II // Разведчик. 1898. № 409. С. 714.

⁴ Там же.

отличный»¹.

«Жутко становится при мысли, что все доводы за брак пойдут впустую»², - писал в редакцию «Разведчика» Сергей Налабордин. Он отмечал, что если бы комиссия увидела, как проводит свое время на окраинах скучающая офицерская молодежь, то они немедленно отказались бы от некоторых пунктов своего проекта. Семья и забота о ней сделают жизнь молодого офицера осмысленной и отвлечет от того грязного разгула, к которому волей-неволей тянет теперь молодежь гнет скучной окраины жизни.

Барон А.Н. Гиллесс считал, что этот вопрос должен быть разработан не на основании мнений старшего поколения, которое уже забыло, что такое брак, а на основании взглядов самих офицеров. «Командир части, как бы хорошо не знал солдат, он не может быть выразителем духовного мира подчиненных. ..., исчезнет роковая причина многих самоубийств – неудовлетворенная любовь за неимением материального обеспечения»³.

Все авторы были не согласны с мнением комиссии о том, что холостые демонстрируют большую храбрость и готовность к самопожертвованию, чем женатые. Наоборот, семейный офицер более исполнительен и аккуратен при несении службы, поскольку чувствует ответственность за семью⁴. Женясь, офицер крепко связывает себя со службой. Он не рискнет при первых неудобствах оставить службу, так как если холостой сможет пару месяцев перебиваться без места службы, то женатый нет⁵.

Некто Д.Х. отмечал, что чувство самосохранения - есть чувство природное и законное и оно будет присутствовать как у холостого, так и у женатого. Но громче всего будет говорить «голос совести, и свой долг, долг честного солдата исполняют как тот, так и другой беспрекословно и не задумываясь, а сильные опасности

¹ Августов А. О браках офицеров IV // Разведчик. 1898. № 409. С. 714-715

² Налабордин С. Браки офицеров XIV // Разведчик. 1898. № 416. С. 853.

³ Гиллесс А.Н. Нелегальные браки // Разведчик. 1902. № 619. С. 782-784.

⁴ Августов А. О браках офицеров IV // Разведчик. 1898. № 409. С. 714-715; Н-ъ П.К. О браках офицеров VI // Разведчик. 1898. № 410. С. 733-734.

⁵ Л-ов С. Браки офицеров XIII // Разведчик. 1898. № 415. С. 835.

вдохновят одинаково как того, так и другого на подвиг»¹.

Также военные указывали, что семья является огромным стимулом в бою, в тяжелые минуты военных действий мысли о доме, семье и детях придают новые силы и бодрость духа, появляется желание жить и вернуться домой².

Кроме необходимости отмены всех денежных ограничений на вступление в брак, военные сформулировали ряд мер дополнительного материального стимулирования офицерского корпуса. Среди них чаще всего отмечали необходимость увеличения денежного содержания, предоставления офицерам казенного жилья³ и возможность бесплатного обучения детей⁴. Материальное обеспечение семейств офицеров предлагали осуществлять за счет введения обязательного страхования семейных офицеров в той или иной форме⁵.

Авторы сходились во мнении, что решение о возможности вступления в брак должен принимать полковой командир, а также к решению этого вопроса стоит привлечь членов суда общества офицеров⁶. Корпусный же командир находится слишком далеко от офицеров и руководствуется при разрешении или запрете брака чисто формальным и сословным принципом пристойности брака, то есть обращает внимание лишь на сословное происхождение невесты.

О туманности понятия «пристойность» и отмене негласного сословного ценза при вступлении в брак говорил Н.С. М-й. Он отмечал, что в соответствии с п. 15 приказа по военному ведомству от 15 сентября 1884 г. в собрание офицеров имеют право входа незамужние сестры офицеров, а значит, они вполне могли быть женами военнослужащих. Однако на деле известны многочисленные случаи, когда командир части не разрешал брак по причине того, что невеста была из

¹ Д.Х. О браках офицеров II // Разведчик. 1898. № 409. С. 714.

² Л-ов С. Браки офицеров XIII // Разведчик. 1898. № 415. С. 835.

³ О. О браках офицеров III // Разведчик. 1898. № 409. С. 714-715.

⁴ Булыгин В. О браках офицеров V // Разведчик. 1898. № 410. С. 733.

⁵ Редакция журнала О браках офицеров XVI // Разведчик. 1898. № 426. С. 1083-1084.

⁶ С-ов. Н. О браках офицеров VIII // Разведчик. 1898. № 411. С. 756; Гомулицкий В.И. По вопросу о браках офицеров // Военный сборник. 1898. № 9. С. 186-197; Л-ов С. Браки офицеров XIII // Разведчик. 1898. № 415. С. 835.

крестьянского сословия¹. Например, брак подпоручика Тиши с крестьянкой Марфою Корольковой не соответствовал критерию благопристойности и 11 февраля 1893 г. был признан не действительным².

В итоге неизбежен конфликт между офицером и войсковым товариществом, связанный с трансформацией в офицерской среде понятия о воинской чести. «Влюбленный офицер видит в своей возлюбленной все совершенство мира, а голос власти говорит: «она не может быть вашей женой, ее нельзя допустить в нашу среду, она этого не достойна. Той, которую вы считаете идеалом совершенства, мы и дети наши не можем протянуть руки»³.

Наглядной иллюстрацией такого конфликта служит пьеса Л.Г. Жданова «Вопросы чести». Она была удостоена одобрения на конкурсе А.Н. Островского и шла с большим успехом в Санкт-Петербурге в театре В.А. Неметти в 1906 г.⁴ В ней автор показал личную трагедию капитана Зарина, влюбившегося в деревенскую девушку и переехавшего из части в деревню к ней жить. Действия капитана вызвали непонимание в обществе офицеров и привели к дуэли с лучшим другом⁵.

Тему «пристойности брака» продолжил поручик С. Л-ов, предложивший избавиться от стереотипов сознания, и под понятием «пристойность» понимать в первую очередь нравственность и отчасти уровень образования, но никак не сословность⁶.

Таким образом, все офицерское общество по вопросу о браках высказывалось исключительно единодушно, не было выявлено ни одной позиции в защиту проекта комиссии об ограничении вступления в брак. Все военные сходились во мнении, что разрешение на вступление в брак не должно быть обусловлено ни денежным, ни имущественным обеспечением⁷. Единственный

¹ М-й Н.С. Пристойность брака для гг. офицеров // Разведчик. 1895. № 241. С. 488; Л-ов С. Браки офицеров XIII // Разведчик. 1898. № 415. С. 835.

² РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 877. Л. 3.

³ Кашин Несколько слов об офицерских браках // Офицерская жизнь. 1906. № 34. С. 526.

⁴ Иалин Н. Вопросы чести. Пьеса из военного быта // Офицерская жизнь. 1906. № 1. С. 63.

⁵ Жданов Л.Г. Вопросы чести. СПб., 1906. С. 106.

⁶ Л-ов С. Пристойность брака офицеров // Разведчик. 1896. № 307. С. 762.

⁷ Гомулицкий В. По вопросу о браках офицеров // Военный сборник. 1898. № 9. С. 186-197.

критерий, на который указывали военные, был возраст офицера. А. Августов предлагал установить минимальный возраст для вступления офицера в брак в соответствии с гражданским законодательством, то есть с 18 лет¹. Также с интересным предложением выступил В.И. Гомулицкий², предложив запретить вступление в брак молодым офицерам, еще не прослужившим в части 3-х лет. За этот срок офицер должен привыкнуть к новой обстановке и уже не будет принимать поспешных решений³.

Позже в 1912 г. ряд авторов также указывали на необходимость запретить ранние браки. Автор пожелавший остаться неизвестным, отмечал, что поздний брак, когда мужчина пресытился свободной любовью и жаждет только покоя, а женщина наоборот – пересытилась покоем и жаждет любви, никак не может быть причиной неудачных браков. Наоборот, юный «мальчишка, в большинстве случаев не изведав бурь любви, устремится к ним из тихой пристани своего супружеского очага и начнет жаждать любви на стороне»⁴. Автор считал, что в таком серьезном деле, как брак, нельзя ставить альтернативу, или «изношенный старичок, годный для слюнявых вздыханий, либо безусый юнец». Обязательно должна быть золотая середина.

Повсеместные случаи вступления в брак без выплаты реверса, рост числа венерических заболеваний и нелегальных сожительства, по мнению автора, не могут сравниться с теми последствиями, к которым может привести вступление в брак в юном возрасте. Последствиями ранних браков он называл огромное количество разводов, рост числа разновозрастных браков, искалеченные судьбы офицеров и их детей, рост числа самоубийств. Ведь внутри у молодого офицера вместо твердых понятий о нравственности, чести и долге нередко только и есть что танцы и куплеты⁵.

В дальнейшем вопрос о браках еще не раз поднимался на страницах

¹ Августов А. О браках офицеров IV // Разведчик. 1898. № 409. С. 714-715.

² Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. - М., 1956. С. 290.

³ Гомулицкий В.И. По вопросу о браках офицеров // Военный сборник. 1898. № 9. С. 186-197.

⁴ Дх. Офицерские ранние браки // Военный мир. 1912. № 12. С. 12.

⁵ Дх. Офицерские ранние браки // Военный мир. 1912. № 12. С. 12.

периодической печати, однако все предложения носили схожий характер. Подполковник Н.С. Лыкошин, печатающийся под псевдонимом «Один из многих»¹, в начале войны с Японией призывал срочно решить вопрос о судьбе семей, которые не занесены в послужной список, в случае если они лишатся единственного своего кормильца².

В 1906 г. генерал-лейтенант И.И. Защук предложил ряд мер, направленных на поднятие престижа строевой службы. Он предложил на остатки средств, образующихся от сокращения штатного состава офицеров, установить выдачу семейным офицерам небольшого пособия на содержание жены и каждого ребенка. Также он предлагал распространить действие закона, действующего в Кавказском и Закаспийском военных округах, на территорию всей страны, тогда семейным офицерам будут отпускаться квартирные деньги. Лагерные и походные деньги необходимо делить на оклады для семейных офицеров и для холостых, как это делается на флоте, считал И.И. Защук³.

Генерал-лейтенант Ф.К. Гершельман отмечал сильный вред снисходительного отношения руководства к проступкам офицеров. Практически никто не несет ответственность за незаконную женитьбу. Все дела заканчиваются лишь наложением формальных, шаблонных дисциплинарных взысканий. Ф.К. Гершельман считал, что будет гораздо лучше, если этот закон совсем отменить, нежели его все будут сознательно нарушать⁴.

Стоит отметить, что правительство прислушалось к позиции военных, но лишь отчасти. Предложения комиссии под председательством генерал-лейтенанта Ю.В. Любвицкого так и остались на бумаге. В остальном же правительство пошло своим путем.

Уже 19 марта 1901 г. были введены новые изменения в действующий закон об офицерских браках, разработанные комиссией под председательством генерал-

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т.4. М., 1958. С.374.

² Лыкошин Н.С. Несколько слов о семьях, не занесенных в послужные списки // Разведчик. 1904. № 722. С. 862.

³ Защук И.И. Заметки из строевой службы. СПб., 1908. С. 26-27.

⁴ Гершельман Ф.К. Распущенность в войсках // Военный сборник. 1908. № 3. С. 91-106.

майора С.И. Бибикова. Повысился статус военных, дающих свое разрешение на брак. Теперь вопрос о пристойности брака решал командир отдельной части, предоставляя свое заключение начальнику дивизии, который непосредственно давал разрешение на вступление в брак¹. Таким образом, данная мера была неким компромиссом между предложением комиссии Ю.В. Любвицкого и предложениями офицерского корпуса. Еще одной новой мерой была возможность для офицеров старше 23 лет создать семью в случае, если их доход от государства был больше 1200 руб. в год².

Оценка «пристойности» брака значительно не изменилась, и параметр сословности остался. Командир отдельной части обращал особое внимание на благовоспитанность, нравственность и общественное положение невесты. Однако с 1902 г. критерии «пристойности» брака стали распространяться на офицеров, которые вступили в брак в отставке, и затем вновь решили поступить на военную службу³. В 1903 г. снова было введено обязательное материальное обеспечение для офицеров, не достигших 28 лет, а для отдельных категорий офицеров суммы реверса были сокращены на 50%⁴. Только в 1909 г., как и предлагали военные, вопрос о пристойности брака начал решаться судом офицеров. Реверс для офицеров младше 28 лет был отменен, а минимальный возраст для вступления в брак - 23 года, так и остался вплоть до революции 1917 г.⁵

Таким образом, за более чем 50 лет непрерывной законотворческой деятельности в области брачного законодательства, в целом все комиссии обсуждали схожие вопросы. Основные дискуссии развернулись по проблемам определения минимального и предельного возраста офицеров для вступления в брак, наличия и размера материального обеспечения. Подробно обсуждались боевые качества женатых и холостых военнослужащих, требования, которым

¹ Приказ по Военному ведомству марта 19-го дня 1901 года № 102 // О браках офицеров ... СПб., 1903. С. 9-11.

² Там же. С. 9-11.

³ Приказ по Военному ведомству августа 24-го дня 1902 года № 323 // О браках офицеров... СПб., 1903. С. 15-16; Клокачев В.П. Брак офицеров. Законоположения главных государств Запада. История развития и современное положение вопроса в России. СПб., 1907. С. 104-106.

⁴ ПСЗ РИ. Собрание 3. 1903. Т. XXIII. От. 1. № 22588. СПб., 1905. С. 116.

⁵ ПСЗ РИ. Собрание 3. 1909. Т. XXIX. От. 1. № 31633. СПб., 1912. С. 213-214.

должна соответствовать невеста офицера, и сама процедура заключения брака. Пути же решения этих вопросов во многом зависели от экономического и политического положения внутри страны и в меньшей степени от мнения офицерского корпуса.

Сами реформаторы называли ряд причин столь масштабных ограничений. Во-первых, это отсутствие возможности материального обеспечения семей офицеров. После русско-японской войны 1904-1905 гг. 40450 детей офицеров остались без отцов¹. По данным военного министерства, всего более 90 тыс. детей военнослужащих потеряли своих кормильцев². 2 января 1905 г. государство оказало посильную помощь в виде установления пенсии вдовам нижних чинов и семьям офицерам-защитникам³, однако ее размер был не высокий. После длительных дискуссий и дебатов военного министерства с министерством финансов компромисс был получен. С 1 января 1912 г. новый пенсионный устав утвердил минимально допустимый размер пенсии, он составил 300 руб⁴.

Также сохранение возрастного и имущественного цензов при вступлении в брак, реформаторы объясняли своим желанием сохранить нравственность офицерского корпуса и направить все силы офицеров на воинскую службу. Однако на практике в военной среде на интимные излишества офицеров смотрели снисходительно, но запрещали вступление в брак, который не соответствовал требованию благопристойности, понимаемой многими достаточно широко.

Таким образом, на практике прослеживается желание властей оградить офицерский корпус от влияния разночинных слоев, которые со временем могут подорвать основы теории официальной народности. Неудивительно, что использование подобных двойных стандартов, вызвало резкую критику со стороны офицерского корпуса, но в рамках верноподданнических настроений. Практически все предложения и рекомендации военных, направленные на отмену денежных и имущественных ограничений при вступлении в брак, не были

¹ ОР РНБ. Ф. 781. И.И. Толстой. Д. 430. Л. 15.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 142. Л. 109 об.

³ РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 479 б. Л. 264.

⁴ РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 479 б. Л. 249 об.

услышаны реформаторами. Новые же законы и поправки чаще всего принимались с целью исключить возможность нарушения действующего законодательства.

Несмотря на многочисленнее нарушения закона и распространенную практику незаконных браков, связанную с отсутствием материального обеспечения, в офицерской среде существовали четкие представления о необходимости законной регистрации брачных союзов и об усыновлении внебрачных детей. Изменение социального состава офицерского корпуса в ходе Первой мировой войны 1914-1918 гг. приведет к исчезновению данной проблемы.

Таким образом, введение всеобщей воинской повинности закономерно привело к увеличению числа офицеров из недворянских сословий. Государство вынуждено было реагировать и принимало ряд мер по усилению патриотического воспитания в войсковых подразделениях и уменьшению притока в офицерский корпус демократически настроенных военных. Подобная политика приводила к перекосу социальных показателей между строевыми, штабными и гвардейскими офицерами и предопределила искажение основополагающих компонентов Уваровской триады.

Выводы по главе

В конце XIX - начале XX вв. моральный облик офицерства базировался на патриотизме и таких морально-нравственных ориентирах как воинский долг, честь и товарищество, храбрость и мужество. Главным системнообразующим компонентом менталитета офицерства был монархизм, который воспринимался военными служащими как не требующая осмысления догма.

Политика властных структур по отношению к офицерскому корпусу была двойственна. С одной стороны, она поддерживала беспрекословную преданность царю, а с другой, была заинтересована в аполитичности офицерства. Офицеры не могли участвовать в выборах в органы законодательной власти, им запрещалось состоять в политических партиях, они не могли принимать участие в работе земств. Единственными способами выражения своего мнения по вопросам совершенствования политической системы были: публикации в периодической печати о строевой службе, записки о внешних угрозах безопасности страны и рапорты, характеризующие военную подготовку русской армии и ее возможных противников.

Идеологической основой офицерского корпуса был монархизм, который объединял идеи русского самодержавия и патриотизма. Патриотические идеалы, лежащие в основе триады, почитались офицерским корпусом формально и в повседневной жизни военных не являлись ведущими ценностями по ряду причин.

К социальным причинам относится утрата к началу XX века офицерским корпусом своего высокого социального статуса в обществе, а также своей социальной однородности за счет призыва на воинскую службу лиц недворянского происхождения, что привело к снижению культурно-образовательного уровня офицерства и трансформации ценностных ориентиров. Изменяется отношение к идее патриотизма как любви к Отечеству. При решении вопроса идти на войну или нет, начинают доминировать не «родина и Георгий», а собственная выгода и интерес.

Сознательное сохранение «триады» в виде архаичной идеологической базы воспитания приводило к непониманию офицерами содержания пропагандируемых

ценностей. Преобладание групповой формы воспитания над индивидуальной способствовало формальному соблюдению воинских ритуалов и этических требований.

К политическим причинам можно отнести недальновидную политику государства, применявшего явно устаревшие методы комплектования и воспитания офицерства в условиях всеобщей воинской повинности. Это связано как с охранительной политикой самодержавия, так и с несовершенством самой организации процесса реформирования.

Перечисленные социальные и политические причины дополнялись рядом экономических трудностей, связанных с материальной необеспеченностью офицеров и тяжелыми условиями службы. Главными причинами морально-психологического кризиса армейского офицерства были изменение социального статуса офицерского корпуса, связанное с его демократизацией и недальновидная политика правительства при проведении военных реформ.

Таким образом, в начале XX в. законодательные учреждения старались поставить армию на гражданский контроль, что побудило власть для самосохранения усилить охранительно-сдерживающий элемент в системе воспитания военнослужащих. Консерватизм русской военной школы, обособленность военнослужащих от гражданского населения, слабая политическая и общеобразовательная подготовка позволяли сохранить патриотический и монархический менталитет армейского офицерства. Властные же реформы вооруженных сил 1905 - 1912 гг. свелись к техническому перевооружению армии и материальному стимулированию военнослужащих.

Глава 2. Проблемы воинского воспитания в представлении офицерского корпуса русской армии во второй половине XIX – начале XX веков

2.1 Становление и развитие понятия «воинское воспитание»

Перед анализом взглядов военных теоретиков и передовой офицерской общественности на проблему военного воспитания военнослужащих, необходимо определить, что подразумевалось под понятием «воинское воспитание»¹, как оно было закреплено в основных нормативно-правовых актах. Все эти положения были для военных ученых неким исходным ориентиром, отталкиваясь от которого они писали свои работы.

Несмотря на то, что сам термин «воинское воспитание» (или «военное воспитание») неоднократно использовался военными, четкого его определения долгий период времени не существовало. В большинстве случаев у каждого военного было свое определение, что такое воспитание воина. Однако общей была мысль о понимании воспитания, как набора определенных качеств бойца, которые необходимы ему для победы в сражениях. Набор качеств различался.

Начальник штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, а в прошлом, преподаватель академии Генерального штаба К.И. Дружинин под воспитанием понимал формирование воинского духа. Последний состоял из: «мужества, храбрости, воинственности, благородства, дисциплины, самоотверженности, веры в свои силы, инициативы, бодрости, выносливости»².

Экстраординарный профессор Александровской военно-юридической академии С.А. Друцкой³ был иного мнения. Он отдал приоритет в военном

¹ Лазарев К.В. Определение понятия «воинское воспитание» военными теоретиками конца XIX – начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2016. № 3. С. 30-33.

² Дружинин К.И. Воинский дух. Варшава, 1911. С. 2.

³ Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград, 1914. С. 855.

воспитании дисциплине, и все воспитательные меры свел к различным способам подчинения солдата воле командира¹.

От подобного, одностороннего понимания военного воспитания предостерегал известный военный теоретик и создатель собственной системы подготовки и воспитания войск М.И. Драгомиров. Он отмечал, что тот «кто сказал воспитание, тот сказал и нравственное и физическое воспитание. Кто сказал муштра, сказал только дрессировка рук и ног, которая не включает в себе нравственного воспитания, а иногда даже исключает его. Не муштруйте, а воспитывайте»², призывал М.И. Драгомиров.

Под нравственным воспитанием он понимал нравственную упругость. Она состояла из 1) находчивости, доведенной до того, что боец не теряется ни от какой неожиданности; 2) решимости и упорства; 3) способности обсудить хладнокровно свое положение в самые критические минуты³.

Главную задачу воинского воспитания он видел в формировании у солдата «чувства долга, ... готовности пожертвовать собой для выручки товарища, неустрашимости, находчивости, беспрекословного повиновения воли начальника, во всем касающемся службы. Способности выносить тяготы и лишения венного времени, безропотно и без быстрого истощения сил»⁴. Для других родов войск задачи военного воспитания существенно не отличались⁵.

С М.И. Драгомировым были согласны далеко не все. Так некто, скрывающийся под псевдонимом М.Б., видел главной задачей нравственного воспитания «умение преодолеть дурные стремления, развитие великодушных черт (доброты, любви к истине и прекрасному), а также в воспитании воли»⁶.

¹ Друцкой С.А. Военная дисциплина и способы к ее улучшению // Разведчик. 1905. № 786. С. 852-856; Друцкой С.А. Военная дисциплина и способы к ее улучшению // Разведчик. 1905. № 787. С. 874.

² Драгомиров М.И. Муштровка или воспитание Беседа эрцгерцога Иоанна с примечанием М.И. Драгомирова // Военный сборник. 1844. № 3. С. 61-86.

³ Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. СПб., 1904. С. 18.

⁴ Драгомиров М.И. Учебник тактики. СПб., 1879. С. 34.

⁵ Там же. С. 145.

⁶ М.Б. Основы военного воспитания во Франции // Братская помощь. 1907. № 2. С. 34.

Другой автор, Кашин, под нравственным элементом понимал «совокупность тех психических настроений, которая в своем целом придает войску уверенность в себе и решимость победить противника ... в решимости скорее всем погибнуть ..., чем уступить врагу»¹.

Несколько иную трактовку структуры воинского воспитания предложил капитан 2-го ранга И.Г. Энгельман, выделив в нем пять разделов, во многом дублирующих друг друга. По его мнению, военное воспитание состоит из нравственного, гражданского, общественного, физического и военного воспитания. Под нравственным воспитанием он понимал религиозность и нравственность. К гражданскому воспитанию он относил преданность государю императору, любовь к родине и уважение законов. К общественному воспитанию - любовь и уважение к родным, к физическому - сохранение своего здоровья, к военному - соблюдение присяги, почитание знамени, дисциплины и прочие элементы воина².

Ряд исследователей под воспитанием подразумевали обучение, например, барон А.В. Каульбас. Для улучшения воспитания в войсках он предложил составлять расписание таким образом, чтобы можно было свободно распределять различные отделы обучения между офицерами³. Эта мера позволила бы, по его мнению, уделить большее внимание «западающим» разделам боевой подготовки.

Француз Ж. Дюрьи, работы которого в России были не только переведены, но и разобраны на цитаты⁴, по-своему видел задачи воинского воспитания. В нем он видел средство борьбы против принципов социализма, которые, по его мнению, разлагающе действовали на армию. Под военным воспитанием он понимал принятие офицерами на себя роли воспитателя, руководителя нравственной и духовной жизни солдат⁵.

¹ Кашин Роль психологии в военном деле // Офицерская жизнь. 1906. № 41-42. С. 613-614.

² Энгельман И.Г. Воспитание современного солдата и матроса. СПб., 1907. С. 34.

³ Каульбарс А.В. Конница мысли и работа. СПб., 1903. С. 27-28.

⁴ См. напр.: А.Б. Офицер воспитатель. Ж. Дюрьи // Офицерская жизнь. 1906. № 22. С. 346.

⁵ Дюрьи Ж. Современная социальная роль офицера, офицер-воспитатель. Перевод с французского. СПб., 1906. С. 32.

Первым задачу систематизировать и обобщить всю информацию, отражающую основные принципы и обязанности воспитания в армии поставил перед собой в 1908 г. полковник В.Л. Райковский. Многие его рекомендации основаны на многолетнем служебном и строевом опыте и необходимы для проведения в жизнь.

Под задачами воспитания он понимал не только «воспитание отдельного бойца и целых масс, но и самовоспитание всех качеств и достоинств высшего порядка в офицерском составе, для успешного выполнения всех сложных и ответственных операций в военное время и в систематической, кропотливой работе мирного времени, в целях наилучшей подготовки и воспитания отдельного бойца и целых масс их, а также начальников низших, средних и высших степеней для конечной цели, каковой является опять же война»¹.

Неудивительно, что обобщение В.Л. Райковского ясности в определение структуры воспитания не внесло. Поэтому вполне объективным представляется рекомендация артиллерийского офицера Д.Н. Вердеревского о срочной необходимости «формулирования четкого понятия «воспитания», понятного для широкого круга офицерства»². Последнее поможет вселить в офицера живой дух и избежать повторения неудач русско-японской войны 1904-1905 гг.

Единственный кто решил обратиться к действующим нормативно-правовым актам, был Штабс-капитан 163-го пех. Ленкоранско-Нашебургского полка К.Ф. Бородич. Автор отметил, что в соответствии с инструкцией военного воспитания 1899 г. оно «должно заключаться в развитии чувства долга в образовании честного, строгого, исполнительного характера, в упрочении сознания о высоком значении воина, призванного к защите престола и Отечества и в прочном усвоении воинской дисциплины и чинопочитания»³.

Характерно, что в словарях второй половины XIX в. определения понятия «воинское воспитание» тоже нет. В современном понимании термина, встречались лишь его отдельные составные части, такие как «патриотизм», «военный дух» и

¹ Райковский В.Л. Военное воспитание // Братская помощь. 1908. № 6. С. 10.

² Вердеревский Д.Н. О воинском воспитании // Морской сборник. 1909. № 1. С. 45-68.

³ Бородич К.Ф. Воспитание и обучение юношества // Офицерская жизнь. 1912. № 3 (303). С. 43.

«воспитание»¹. Однако, как показало исследование, для многих военных эти понятия не были связаны с военным воспитанием.

Трактовка воинского воспитания претерпевает серьезные изменения лишь после русско-японской войны 1904-1905 гг., когда военные теоретики увидели причины поражения России в войне в отсутствии воли и слабости боевого духа войск.

Необходимость усиления военной подготовки нашла отражение в официальных документах. В отчете 8-ой Восточно-Сибирской стрелковой бригаде указывалось: «нижние чины, прибывшие в полки из запаса в 1904 г. ... забыли всю солдатскую науку, а многие из них никогда и не служили в строю, а потому их приходилось обучать тоже, как и молодых солдат, причем строевая выучка давалась им гораздо труднее, чем первым»². Начальникам частей рекомендовалось использовать новые формы воспитательной работы³, более пристальное внимание уделять формированию у нижних чинов уважения к армии, развитие в них таких качеств как патриотизм, чувство долга и гордости за боевые подвиги предков.

В 1907 г. с интересной трактовкой понятия «военное воспитание» выступил П.А. Кавтарадзе, понимая под ним «организацию внутренних сил человека, приобретенных привычек и намерений (навыков), руководящих поведением солдата в бою и на войне»⁴. Автор разграничил понятия «невоспитанного» и «воспитанного солдата». Первый, по его мнению, не способен противостоять врагу в новых, незнакомых условиях боя. Второй, «воински воспитанный», напротив, находчив, сообразителен и, опираясь на прошлый боевой опыт, а также

¹ См. напр.: Березин И.Н. Русский энциклопедический словарь. Т. 5. СПб., 1875. С. 434; Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь Т. 6 А. СПб., 1892. С. 269; Брокгауз Ф.А. Указ соч. Т. 23. СПб., 1898. С. 36-37; Леер Г.А. Энциклопедия военных и морских наук. Т. 2. СПб., 1883. С. 253; Русский энциклопедический словарь издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И.Н. Березиным. Отдел III. Т. III. СПб., 1876. С. 327.

² Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. фонд. Оп. 22/380. Д. 2368. Л. 2.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. фонд. Оп. 14/3. Д. 2760. Л. 121.

⁴ Кавтарадзе П.А. Психологические основы воспитания солдата. (Очерки воен. педагогики). СПб., 1907. С. 18.

руководствуясь понятиями «чести», «долге», «храбрости», готов с легкостью решить любую боевую задачу, даже в новой обстановке¹.

Нетрудно догадаться, что приобретение у воинов этих «привычек и намерений» и формирование у них «отвлеченных понятий о долге и чести»² достигалось, по мнению П.А. Кавтарадзе путем дрессировки и муштры, то есть в традициях «прусско-гатчинской школы» военного воспитания. Примечательно, что судьба семьи Кавтарадзе напрямую связана с историей Гатчины. Старший брат П.А. Кавтарадзе Николай был полицмейстером этого города в начале XX в.³

В 1912 г. тему военного воспитания не обошел стороной коллектив авторов, разрабатывавших Военную энциклопедию под редакцией полковника Генерального штаба В.Ф. Новицкого. Под военным воспитанием они понимали ключевой раздел боевой подготовки, задачей которого было нравственное, умственное и физическое развитие воина⁴.

Нравственное воспитание, по мнению авторов, заключалось в формировании у бойца таких высших побуждений, которые должны были помочь ему победить врага, в том числе путем подавления личных, эгоистических инстинктов, например, инстинкта самосохранения. Среди таких высших нравственных качеств В.Ф. Новицкий выделил «религиозность, патриотизм, чувство долга, чувство чести, честолюбие и славолубие, чувство общности (корпоративности)»⁵.

Под религиозностью авторы понимали покорность военной судьбе и отсутствие страха смерти. Под патриотизмом подразумевалась любовь к своему Отечеству, национальности и Государю. Чувство долга выражалось в покорности законам и правилам службы, то есть в дисциплине. Под чувством чести, честолюбием и славолубием понималась любовь к славе и уважение к званию. Под корпоративностью – взаимопомощь и взаимная выручка.

¹ Кавтарадзе П.А. Психологические основы воспитания солдата. (Очерки военной педагогики). 2-е изд. СПб., 1907. С. 18.

² Там же.

³ Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1907 г. СПб., 1907. С. 649.

⁴ Новицкий В.Ф., Шварц А.В., Величко К.И. Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912. С. 485.

⁵ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 33.

Умственное военное воспитание сводили к пониманию военными поставленных перед ними задач, формирование у них глазомера, чутья, то есть способности быстро оценивать обстановку и проявлять находчивость и смекалку.

Целью физического воспитания было укрепление здоровья военнослужащего и превращение его в сильного, выносливого, неприхотливого, доброго, ловкого и смелого бойца. Меры военного воспитания должны быть направлены на формирование военнослужащего, обладающего «непоколебимой преданностью военному делу, выдающейся сознательностью поступков, предприимчивостью, самостоятельностью и находчивостью, покорностью военному долгу и дисциплине, неистощимой телесной и духовной энергией, высокой честностью, склонностью к тесному служебному товариществу, а главное – беззаветным мужеством, храбростью, твердостью, решимостью и самоотверженностью»¹.

Таким образом, в основе всех компонентов воинского воспитания лежали христианские ценности, которые тесно переплетались и взаимно дополняли друг друга. Это дает возможность комплексно рассматривать представления военных теоретиков о системе воспитания в Российской империи.

Интерес военно-теоретической мысли России к теме нравственного воспитания военнослужащих не был случайным и был ответом на вызовы времени. Можно выделить ряд социально-политических, военных и моральных факторов, определивших эту историческую необходимость.

Социально-политические факторы определялись обострением геополитической обстановки, демократизацией офицерского корпуса и обобщением отечественными теоретиками зарубежного опыта военного строительства².

Изменение социально-политической обстановки вызвало бурный рост военного дела и военной науки. В научных исследованиях Д.А. Милютин,

¹ РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17. Л. 33.

² Создание военных обществ было общемировой тенденцией, так в Великобритании действовало Альдершотское военное общество, во Франции – «Общество артиллерийской службы», в Германии – «Берлинское военное общество». См.: Вестник Общества ревнителей военных знаний. 1899. № 5. С. 3.

М.И. Драгомирова, Г.А. Леера, Н.П. Михневича разрабатываются вопросы тактики и стратегии. Другие военные выступили с критикой действующей системы военного образования. Чаще всего среди ее недостатков называли: разрыв образовательных программ с реальной практикой¹, непрофессионализм командования в условиях военного времени², отсутствие у офицеров интереса к службе³, слабую профессиональную подготовку и низкий уровень морально-психологического состояния офицерского корпуса⁴.

Сложившееся положение способствовало активизации военных в поиске путей решения существующих проблем. Однако поделить результат своих исследований офицерам было непросто. На рубеже XIX-XX вв. в Российской империи действовало шесть центров развития военного дела: центральные военно-научные учреждения, военные округа, военно-учебные заведения, военно-научные общества и комиссии, военно-исторические музеи и военно-периодическая печать.

Центральные военно-научные учреждения были представлены Генеральным и Главным штабами. Основным направлением их работы в данный период стало совершенствование официальных документов - уставов и наставлений, определявшие боевую деятельность войск. Контент-анализ результатов работы Генерального и Главного штабов показывает, что за 28 лет было пересмотрено и введено 30 новых уставов и наставлений. Все они стали соответствовать требованиям времени.

Вторым направлением деятельности центральных военно-научных учреждений было изучение и обобщение опыта военной истории. В ведении военно-исторического отделения Главного штаба находился Военно-ученый архив, который занимался обработкой документов и созданием военно-

¹ См., напр.: Бутовский Н.Д. Промахи молодого офицера. СПб., 1895. С. 3.

² См., напр.: Драгомиров М.И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956. С. 10-12.

³ См., напр.: Редигер А.Ф. История моей жизни. Т. 1. М., 1999. С. 430; Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 58.

⁴ См., напр.: Парский Д.П. Что нужно нашей армии? СПб., 1908. С. 66; Краевский В.И. Наши военно-образовательные учреждения (офицерские собрания). М., 1886. С. 2.

исторических работ. При Главном управлении Генерального штаба постоянно создавались различные комиссии с целью обобщения опыта и систематизации документов по минувшим войнам¹. В состав комиссий входили профессионалы своего дела, участники минувших войн. Также активно публиковались работы на иностранных языках о военном деле за рубежом².

В целом военные комиссии внесли заметный вклад в изучение военного дела. Однако их основная научная работа была направлена на систематизацию и обобщение военного опыта, без формулирования глубоких выводов, которые могли бы стать программой для военных преобразований. Не был издан первый том истории русско-турецкой войны 1877-1878 годов, созданный комиссией под председательством М.А. Домантовича, как подрывающий авторитет военного руководства³.

Вторым не менее важным центром развития военной науки были военные округа. Среди офицеров создавались специальные кружки, в которых изучалась новая литература, проводилась подготовка по разработке военно-теоретических исследований, переводу иностранной литературы, проведению теоретических занятий и военных игр. На заседании присутствовали командующий округом, строевые командиры и офицеры штабов. В ходе этих научных сообществ подробно анализировались крупнейшие военные сражения в русской и зарубежной истории, влияние научных изобретений на совершенствование техники и изменение тактики. Наиболее активная работа была в Московском, Петербургском, Варшавском, Виленском, Киевском военных округах.

В Варшавском военного округе, под руководством В.И. Гурко и начальника штаба А.К. Пузыревского, издавался Варшавский военный журнал. В Петербургском военном округе на «военных беседах» выступали А.М. Зайончковский, Н.А. Епанчин, А.А. Гулевич, П.А. Гейсман, А.Г. Бутаков, В.А. Макшеев, Г.Г. Христиани - ведущие военные ученые того времени. На одной

¹ Масловский Д.В. Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1894. 21 с.; Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. СПб., 1904. 322 с.

² Сборник Главного Управления Генерального Штаба. СПб., 1918. С. 80.

³ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. М., 2012. С. 74.

из таких бесед А.М. Зайончковский дал сравнительную характеристику сражений под Ловчей, Плевной и Шейново, проанализировал влияние ружейного огня на способы ведения атаки¹. Н.А. Епанчин раскрыл состояние и военный потенциал болгарской армии, ознакомил слушателей с действиями отряда генерал-адъютанта И.В. Гурко.

Контент-анализ военных бесед штаба войск гвардии Петербургского военного округа выявил, что за 16 лет с 1885 по 1901 гг. было издано 98 публикаций. Все выступления военных можно условно разделить по тематике на пять групп. Больше всего исследований посвящено различным вопросам тактики и стратегии отдельных родов войск – 32,7 %. Приблизительно одинаковое число публикаций посвящено анализу русских военных кампаний (28,6 %) и обобщению иностранного военного опыта (25,5 %). Другие актуальные темы составляют 12,1 %. По военному воспитанию была издана только одна работа, в общем объеме публикаций она составляет 1,1 %².

Не меньший интерес на офицерских собраниях вызывало обсуждение событий русско-японской войны 1904-1905 годов³. Главными причинами поражения в войне считали ряд тактических и стратегических ошибок, нерешительность командования, сбивчивую работу штабов.

Другим крупным научным центром военной науки были высшие военно-учебные заведения, в которых готовили офицерские кадры для русской армии и флота и проводили большую научно-исследовательскую работу. К началу XX в. к числу высших учебных заведений относились Николаевская Академия Генерального штаба, Николаевская инженерная академия, Михайловская артиллерийская академия, Александровская военно-юридическая академия, Николаевская морская академия. Внутренняя структура и организация научного процесса была однотипной. Собрание профессоров, которое называлось

¹ Зайончковский А.М. Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражении под Ловчей, Плевной. СПб., 1893. 230 с.

² Подсчитано по: Военные беседы, исполненные в Штабе войск гвардии и Петербургского военного округа. Вып.: 1-23. СПб., 1887-1901.

³ Сборник систематических сообщений по истории русско-японской войны, сделанный в Виленском военном собрании в течение зимнего периода 1907-1908 гг. Вильна, 1908. 426 с.

конференцией, занималось научно-учебными делами, оно составляло учебные программы и определяло направление военно-научных исследований. Кроме Конференции научная работа проходила в лабораториях, на кафедрах и в библиотеках академий.

Также научной работой активно занимались в различных научных обществах. Причины их создания лежали в несовершенстве условий научной работы и уровня получаемого образования. В 1896 г. в Петербурге инициативной группой офицеров было принято решение о необходимости создания военно-научного кружка для поддержания профессиональной подготовки. Учредителями кружка выступили: генерал-майор Е.М. Бибиков, подполковник А.А. Гулевич, полковник Л.В. Евдокимов, генерального штаба капитан В.Ф. Новицкий, штабс-капитаны Д.М. Левшин, Н.А. Болотов, капитан Н.А. Корф. В военно-научном кружке обсуждались актуальные темы военного развития, печаталась отечественная и зарубежная литература. Популярность кружка быстро росла и 25 июля 1898 года кружку присвоили официальный статус. Так возникло Общество ревнителей военных знаний (далее ОРВЗ), преследовавшее в первую очередь, образовательные цели.

В ОРВЗ могли вступать все лица, состоящие на военной службе (действительные члены) и лица, имеющие право входа в Офицерские собрания (члены-соревнователи). Анализ деятельности Общества показал, что за 15 лет своей работы с 1899 по 1914 гг. было проведено 330 заседаний, на которых присутствовало более 70 тыс. человек, издано 68 книг суммарным тиражом 56 тыс. экземпляров. Обсуждались актуальные темы военного искусства, развития техники, военной психологии, фортификации. Проводились экскурсии на поля сражений. Члены общества принимали участие в праздновании юбилейных мероприятий. В 1903 г. делегация от ОРВЗ была приглашена в Артиллерийский исторический музей на собрание в честь его 200-летия¹. Несмотря на широкий спектр деятельности, в целом деятельность общества носила пропагандистский характер без серьезного научного изучения военного дела.

¹ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 67. Л. 154.

Еще одним значимым центром развития военной науки было общество военных историков. С предложением по его созданию выступали многие: в первой половине XIX в. – Н.С. Голицын, в 80-ые – Н.Ф. Дубровин и Д.Ф. Масловский, а в 1901 г. – П.А. Гейсман и П.Н. Симанский.

С мертвой точки дело сдвинулось только после войны с Японией и событий Первой русской революции 1905-1907 гг. 10 марта 1907 г. А.З. Мышлаевский, профессор Академии Генерального штаба, разослал всем ему известным военным историкам приглашение стать учредителями военно-исторического общества, которое получило название императорское Российское военно-историческое общество (далее ИРВИО)¹. В его состав вошли: К.А. Военский, А.И. Григорович, В.В. Жерве, Е.С. Каменский, М.И. Кияновский, Б.М. Колубакин, А.С. Кротков, Е.И. Мартынов, С.А. Пунчулидзе, П.Н. Симанский, Д.А. Скалон, Д.П. Струков, Н.Д. Чечулин. Официально, целью работы Общества было объявлено изучение военной истории России².

Императорское Российское военно-историческое общество объединило всех видных военных теоретиков того времени и внесло значительный вклад в развитие военной науки на рубеже XIX-XX вв. В его работе можно выделить два направления - исследовательское и пропагандистское. Последнее начинает преобладать с 1910-х гг. Несмотря на «звездный состав» и финансовые возможности за время своей работы общество не выполнило первоначально поставленной цели. Оно не создало ни одного крупного обобщающего исследования по военной истории России. Тема минувших войн с Турцией и Японией была закрыта для исследователей. Проблема нравственного воспитания военнослужащих также не рассматривалась. Причины этого лежат как в отсутствии независимости ИРВИО от государства, деятельность которого выполняла государственный заказ, так и в идейном кризисе офицерского корпуса Российской империи начала XX века.

Военные историки при подготовке к 300-летию Дома Романовых и

¹ ПСЗ РИ. Собрание – 3. 1907. Т. XXVII. От. 1. № 29530. СПб., 1910.

² Устав императорского военно-исторического общества. СПб., 1907. С. 5.

обновлении экспозиции полковых музеев, выявили существование ряда легенд в официальных хрониках кавказских полков. Император пытался контролировать этот процесс, затрагивающий авторитет династии. В итоге на заседании ИРВИО 20 декабря 1912 г. представитель Генерального штаба заявил о желании Императора прекратить исследование данной темы¹.

Значительный вклад в дело военное воспитания войск внесли различные комиссии. В к. 1890-ых гг. Николай II учредил создание особой исторической комиссии о праздновании знаменательных дат российской военной истории². Несмотря на перерыве в работе связанные со смертью председателя и началом войны с Японией, работа комиссии позволила проводить воспитательную работу на примере лучших боевых примерах русской армии. В 1906 г. под председательством генерал-майора В.И. Гурко была создана Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны 1904-1905 гг.

Другими крупными центрами развития военной науки и системы воспитания в армии были военные музеи. Крупнейшие из них: Артиллерийский музей, Педагогический музей, Морской музей, музей А.В. Суворова в Петербурге. С 1864 г. множество музеев стали открываться при кадетских корпусах. Так при втором кадетском корпусе был открыт педагогический музей, в состав библиотеки которого вошло собрание книг генерал-лейтенанта А.П. Михневича (брата генерала от инфантерии Н.П. Михневича)³.

В Артиллерийском музее (с 1903 г. - Артиллерийский исторический музей) хранились все виды русского вооружения, начиная с конца XIV в., и военные трофеи, захваченные русской армией в ходе военных кампаний XVIII в. за рубежом. Архив музея содержал документы по истории металлургии и артиллерии, насчитывающие к концу XIX в. более 8000 связок дел. Руководителями музея были Н.Е. Бранденбург, Д.П. Струков - ведущие специалисты в области русской артиллерии. Научная работа проводилась в двух

¹ ОР РНБ. Ф. 1001 – Г.С. Габаев. Д. 161. Л. 14.

² Там же. Д. 283. Л. 1.

³ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912 г. Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1914. С. 24.

направлениях: описание музейных фондов¹ и научно-исследовательская работа². Первое направление было основным. Также проводилась работа по открытию новых музеев, о чем говорил Д.П. Струков на XV съезде археологов в Новгороде³. В 1903 г. был открыт музей Отечественной войны 1812 года, в 1904 г. – музей А.В. Суворова.

Важную роль в развитии военно-теоретической мысли играла деятельность периодической печати. По данным 1911 г. в Российской империи выпускалось 107 наименований военных периодических изданий⁴. В 6 публиковались официальные приказы и распоряжения⁵, 7 журналов освещали общие военно-научные вопросы⁶, 9 раскрывали жизнь флота⁷, 6 журналов издавались военно-учебными заведениями⁸, 5 были посвящены вопросам военной медицины⁹. Большинство журналов – 19, были вспомогательными по различным специальностям военного дела¹⁰, 14 посвящены различным родам войск¹¹, 12 изданий были адресованы

¹ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1889. 122 с.; Бранденбург Н. Е. 500-летие русской артиллерии. СПб., 1889. 118 с.; Струков Д.П. Главное артиллерийское управление. СПб., 1902. 533 с.

² Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России (Приказ артиллерии 1701-1720 гг.). СПб., 1876. 771 с.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 22. Оп. 92. Д. 85. Л. 4.

⁴ Новицкий В.Ф., Шварц А.В., Величко К.И. Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912. С. 596-597.

⁵ Приказы по военному ведомству, Циркуляры главного штаба, Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов морского ведомства, Сборник распоряжений разъяснений по военному ведомству, Приказы по военным округам, Вестник военного и морского духовенства.

⁶ Военный сборник, Журнал Общества Ревнителей Военных знаний, Известия императорской Николаевской военной академии, Военный Мир, Офицерская жизнь, Разведчик, Военная жизнь.

⁷ Морской Сборник, Известия общества офицеров флота, Известия Минного Класа, Записки по гидрографии, Русское судоходство, Море, Спасение на водах, Яхта, Вестник общества морских инженеров.

⁸ Педагогический сборник, Донец, Кадет, Кадет-Михайловец, Кадетский досуг, Юнкерские Досуги.

⁹ Военно-Медицинский Журнал, Вестник Красного Креста, Известия Императорской военно-медицинской академии, Медицинские прибавления к Морскому Сборнику, Морской врач.

¹⁰ Автомобиль, Автомобильное дело, Автомобилист, Аэро и автомобильная жизнь, Воздухоплаватель, Вестник Воздухоплавания, Летание, Научная и техническая библиотека по летанию и воздухоплаванию, Вестник воздухоплавания и спорта, Журнал Коннозаводства, Коннозаводство и коневодство, Русак и Скакун, Спорт, Конский спорт, Спорт и фавориты, Бега и скачки, Коннозаводство и спорт, Русский спорт, Бега и скачки.

¹¹ Артиллерийский журнал, Вестник русской конницы, Записки военно-топографического управления, Топографический и Геодезический журнал, Инженерный журнал, Интендантский журнал, Интендантское дело, Военное дело за границей, Сведения из области военного дела за границей, Сборник Главного Управления Генерального Штаба, Вестник офицерской стрелковой

нижним чинам¹. Также издавалось 7 технических журналов², 6 - листков военных обществ, главным образом осведомительного характера³, 1 журнал военной музыки⁴ и пограничной стражи⁵. Жизнь армии⁶ и флота⁷ раскрывали 14 газет⁸.

Однако, несмотря на столь большую массу периодических изданий, далеко не все из них соответствовали научному формату и касались проблем военного воспитания. Кроме этого, абсолютное большинство изданий были либо местными, рассчитанными на узкий круг читателей, либо казенными с неизменным тоном официального благополучия.

К проблеме нравственного воспитания военнослужащих передовая офицерская общественность обратилась не сразу. До 1904 г. на страницах периодических изданий тема военного воспитания затрагивалась косвенно: при обзоре системы военной подготовки за рубежом, при переиздании на русском языке работ иностранных военных. Чаще всего это были переводные статьи, либо рецензии на иностранную литературу, посвященную военному обучению и воспитанию⁹. Тематика публикаций была самой разной, но общий подтекст был

школы, Военно-исторический вестник, Военно-исторический сборник, Журнал Императорского Русского военно-исторического общества.

¹ Варшавский Военный Вестник, Виленский Военный листок, Витязь, Воин, Воин и Пахарь, Верность, Русский Воин, Досуги Заамурца, Досуг и Дело, Страж, Чтения для солдат, Вестник общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям.

² Всемирное техническое обозрение, Вестник общества технологов, Двигатель, Железнодорожное дело, Журнал министерства путей сообщения, Пути сообщения, Технический вестник.

³ Вестник общества ревнителей военных знаний, Листок главного экономического общества, Листок Виленского офицерского экономического общества, Листок Кавказского офицерского экономического общества, Сбережение, Справочный листок общества взаимопомощи классовых чинов служащих в артиллерийском ведомстве.

⁴ Партитурный сборник.

⁵ Пограничник.

⁶ Русский инвалид, Строевой офицер, Туркестанская военная газета, Уральские войсковые ведомости, Войсковой справочник, Вестовой, Голос Казачества, Кавказский военный переводчик.

⁷ Владивосток, Котлин, Кронштадтский вестник, Крымский вестник, Любавский вестник, Черноморский портовый вестник.

⁸ Подсчитано по: Новицкий В.Ф., Шварц А.В., Величко К.И. Военная энциклопедия. Т. 6. СПб., 1912. С. 596-597.

⁹ См., напр.: Иванов Н.Н. Дух Австро-Венгерской армии // Разведчик. 1892. № 114. С. 527; Новицкий Е.Ф. Нравственный элемент в руках Суворова. Генерального штаба полковника Сергея Гершельмана // Разведчик. 1892. № 158. С. 832-833; Сухотин Н.Н. Как изучать военную науку // Разведчик. 1894. № 184. С. 349-352; Михневич Н.П. Как и чем управляются люди. А.С.

сильно политизирован, что объясняется созданием Тройственного союза и формированием Антанты.

В 1892 г. во время подписания секретной конвенции между Российской империей и Францией неизвестный автор цитировал статью немецкого журнала *Militar Wochenblatt*, о том, что вся методика обучения и воспитания солдат немецкой армии основана на телесных наказаниях¹.

Делопроизводитель Главного штаба, а через год профессор Николаевской Академии Генерального штаба Ф.А. Макшеев², печатающийся под псевдонимом Отставной³, в другой статье рассказывает о злоупотреблениях в применении оружия офицерами германской армии относительно мирных граждан. «На днях еще один из офицеров ... в лучшей кофейне города требовал, чтобы двое ... берлинцев скакали через его палку как пуделя»⁴. Каких либо оценок или практических рекомендаций относительно использования и внедрения в отечественную систему военного воспитания зарубежного опыта авторы не давали⁵.

Военные теоретики академий были более беспристрастны в своих исследованиях, но их тоже, как и передовую офицерскую общественность в первую очередь интересовали вопросы будущей войны. Выдвигались предположения о характере и масштабах военных действий, моделировались возможные противники России и, наконец, подробно обсуждались способы достижения победы над врагом, среди которых все чаще начинают называть нравственный элемент. Со временем в рамках обсуждения последнего вопроса

Зыков. Опыт военной психологии // Разведчик. 1898. № 420. С. 945-959; Апухтин А.Н. Генерал-майор В. Голосов. Строевой офицер-воспитатель и учитель // Разведчик. 1910. № 1023. С. 343-344; Дмитриевский А. Гоше. Очерк психологии войсковой части и командования // Разведчик. 1911. № 1068. С. 245-246; Апухтин А.Н. Павел Кавторадзе. Потешные и воспитание // Разведчик. 1911. № 1097. С. 707-708; Вишняков Н.П. Ухач-Огорович. Военная психология // Разведчик. 1912. № 1110. С. 97.

¹ -й. Периодические издания // Разведчик. 1892. № 93. С. 186.

² Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е января 1908 года. СПб., 1908. С. 287.

³ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. М., 1957. С. 305.

⁴ Макшеев Ф.А. Корреспонденция разведчика // Разведчик. 1892. № 99. С. 274.

⁵ Лазарев К.В. Воспитательные аспекты армейской подготовки в военной публицистике конца XIX – начала XX веков // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 46-51.

возникла дискуссия о наиболее эффективном соотношении человека и техники на войне.

Изначально ряд исследователей лишь указывали на необходимость обратить особое внимание на состояние духа военнослужащих, от состояния которого может зависеть исход боя. Особой популярностью среди военных теоретиков пользовалась цитата Наполеона I Бонапарта о том, что в бою на $\frac{3}{4}$ успех зависит от нравственного элемента и только на $\frac{1}{4}$ от материальных условий. В большинстве случаев военные либо ограничивались цитированием французского полководца, либо более подробно раскрывали его мысль.

Так одним из первых об огромном значении на войне нравственного элемента заговорил известный военный теоретик и педагог, полковник Генерального штаба Г.А. Леер. Он отмечал, что нравственный элемент очень сложно измерить и подвергнуть теоретическому исследованию. Автор отмечал, что то, что еще вчера считалось невозможным, со временем может стать реальностью, поэтому не следует пренебрегать значением нравственного компонента в победе над врагом и возможно в будущем удастся раскрыть те законы, которые лежат в основе работы «ума и сердца при военной обстановке»¹.

Осторожную попытку проанализировать значение нравственного элемента в бою предпринял начальник штаба 2-го армейского корпуса, полковник С.К. Гершельман. Он хотел «только возбудить интерес к этой стороне военного дела»² и рекомендовал «обратить внимание на детальную разработку вопросов пользования нравственным элементом на войне»³.

Тема получила дальнейшее развитие и под нравственным компонентом многие стали понимать дух бойцов. Теоретик русского флота Н.Л. Кладо пришел к выводу, что единственной разницей между победителями и побежденными является их состояние духа. «У побежденного он убит, у победителя он же достигает высшей степени своего подъема. Материальные же потери разнятся

¹ Леер Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). Ч. 1. СПб., 1869. С. 25.

² Гершельман С.К. Нравственный элемент под Севастополем. СПб., 1897. С. 32.

³ Гершельман С.К. Нравственный элемент в руках М.Д. Скобелева. Гродна, 1902. С. 71.

очень мало»¹, считал Н.Л. Кладо. С ним был согласен полковник Генерального штаба Н.Н. Головин, подметивший, что бой прекращается не с истощением материальных ресурсов, а с психологическим «отказом от боя одной из сражающихся сторон»².

Генерал-майор Н.А. Ухач-Огорович продолжил разработку данной темы и, основываясь на цитате Наполеона I и историческом опыте, доказывал, что в любом сражении побеждает не орудие, а воинский дух. Косвенное влияние качества орудий на дух войск, он признавал, однако не преувеличивал значение этого влияния. Н.А. Ухач-Огорович отмечал, что «разница в вооружении должна быть очень значительной, чтобы заглушить нравственный элемент в войсках, плохо вооруженных бойцов»³.

Таким образом, вопрос о факторах, определяющих победу в бою, плавно перешел в дискуссию о соотношении человека и техники на войне. К его решению Г.А. Леер, например, подходил, опираясь на свою теорию о «вечных и неизменных» принципах военного искусства. Он в точности соглашался с известной идеей Наполеона I о преобладании в бою нравственного элемента над материальными силами. «Человек всегда был, - говорилось в одном из его произведений, - и навсегда останется главным орудием войны»⁴. Таким образом, Г.А. Леер игнорировал роль прогресса в военном деле. Он был уверен, что изобретение телеграфа, новых видов оружия и использование железных дорог на стратегию большого влияния не оказало⁵.

Новое, молодое поколение военных теоретиков не было столь категорично в своих суждениях. Непрерывный рост материальных средств борьбы и огромный эффект их применения в войнах конца XIX - начала XX вв. были столь очевидны, что отрицать роль техники в военном деле стало невозможно. Однако его

¹ Кладо Н.Л. История военно-морского искусства. Лекции, чит. лейт. Кладо. Ч. 1. СПб., 1901. С. 433.

² Головин Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. СПб., 1907. С. 165.

³ Ухач-Огорович Н.А. Психология толпы и армии. Киев., 1911. С. 52-53.

⁴ Леер Г. А. Коренные вопросы: (Военные этюды). СПб., 1897. С. 5.

⁵ Леер Г.А. Публичные лекции о войне 1870 года между Францией и Германиею до Седана включительно т. 1. СПб., 1873. С. 258-262.

последователи впадали в другую крайность, придавая решающее значение в достижении победы на войне оружию, они отодвигали человека на второе место. Е.И. Мартынов утверждал: «Чем дальше идет усовершенствование огнестрельного оружия, тем большее значение приобретает это последнее в ущерб значению личных свойств человека»¹.

Наиболее известным защитником нравственного начала на войне был М.И. Драгомиров. Он резко критиковал тех военных теоретиков, которые принижали роль морального фактора в достижении победы. М.И. Драгомиров отмечал, что «победа будет в руках той армии, в которой солдаты проникнуты решимостью добыть ее, хотя бы ценой собственной гибели, ибо тот только может победить, т.е. погубить другого, кто сам способен решиться на погибель».² Основное внимание М.И. Драгомиров отводил патриотическому воспитанию, отмечая, что пожертвовать своей жизнью сможет лишь тот, кто искренне любит свою страну и свою часть³.

М.И. Драгомиров внимательно следил за развитием военного дела. После каждого крупного военного конфликта в его учебник тактики вносились исправления и дополнения⁴. Он выявил изменения в обучении и воспитании войск, их тактике⁵. Среди важнейших факторов, изменивших боевую подготовку вооруженных сил, он называл появление нарезного оружия, которое увеличило меткость, скорость и дальность огня⁶.

Однако, признавая влияние прогресса на военное дело, М.И. Драгомиров, отрицал его влияние на тактику, полагая, что каждое сражение и дальше будет решаться штыковым ударом сомкнутого строя. Он отмечал, что в штыковой атаке

¹ Мартынов Е.И. Методическая стратегия и ее критики. СПб., 1894. С. 22.

² Драгомиров М.И. Учебник тактики. – 2-е изд. испр. СПб., 1881. С. 64.

³ Драгомиров М.И. 14 лет. 1881-1894 гг. СПб., 1895. С. 113.

⁴ Драгомиров М.И. Тактика: Курс, принаровл. К прогр. Воен. уч-щ. СПб., 1872. 319 с.; Драгомиров М.И. Учебник тактики. 2-е изд. испр. СПб., 1881. 488 с.; Драгомиров М.И. Учебник тактики. 3-е изд. перераб. Киев, 1906. – 809 с.; Драгомиров М.И. Учебник тактики. 4-е изд. доп. Киев, 1911. 590 с.

⁵ Драгомиров М.И. Влияние распространения нарезного оружия на воспитание и тактику войск. Оружейный сборник, 1861. № 1. С. 48-95.

⁶ Драгомиров М.И. О вероятных переменах в тактике вследствие распространения дальне- и скорострельного оружия. - Сборник оригинальных и переводных статей 1858-1880, Т. 1. СПб., 1881. С. 291-354.

«думать и соображать ... много не нужно, даже чем меньше думать, тем лучше»¹.

М.И. Драгомиров принижал роль в бою самоокапывания пехоты, был противником внедрения в войска пулеметов и стрельбы с закрытых позиций. Сторонников превозносить технический фактор в достижении победы в бою он иронически называл «огнепоклонниками».

Двойственность позиции М.И. Драгомирова в оценке роли человека и техники в бою отчасти связана с тем, что на основе опыта войн 2-ой половины XIX в., а также в условиях относительно длинного периода мирного времени 1878-1904 гг. было сложно сделать глубокие выводы. Только после русско-японской войны 1904-1905 гг., в 3-ей редакции учебника тактики военный теоретик отметил сильное влияние техники на развитие военного дела. Однако М.И. Драгомиров продолжал утверждать, что «совершенное оружие не изменило человека, а лишь оттенило потребность более рационального нравственного воспитания и образования войск в мирное время»².

Центристскую позицию в оценке соотношения человека и техники на войне заняли такие военные теоретики, как генерал-лейтенант А.П. Михневич, ординарный профессор Императорской Николаевской военной академии генерал-лейтенант Генерального штаба А.Г. Елчанинов³, генерал-майор А.А. Незнамов⁴ и генерал от инфантерии В.А. Черемисов⁵.

Признавая человека главной и решающей силой, необходимой для достижения победы в бою, эти военные в то же время отдавали должное оружию как одному из важнейших факторов, обеспечивающих успех любой военной кампании.

Например, Н.П. Михневич полагал, что свойства каждого рода войск определялись «нравственными и физическими качествами человека»⁶. В свою

¹ Драгомиров М.И. Лекции тактики, читанные в учебном пехотном батальоне. СПб., 1864. С. 54.

² Драгомиров М.И. Учебник тактики. Киев, 1906. С. 28.

³ Елчанинов А.Г. Ведение современных войны и боя. СПб., 1909. С. 39.

⁴ Незнамов А.А. Современная война: Действия полевой армии. СПб., 1911. С. 98.

⁵ Черемисов В.А. Основы современного военного искусства. Киев, 1910. С. 64.

⁶ Михневич Н.П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск, СПб., 1893. С. 50.

очередь нравственный элемент, по мнению теоретика, напрямую зависел от наличия у военнослужащего веры в собственные силы и эффективность своего оружия¹. Поэтому Н.П. Михневич настоятельно советовал всем военным руководителям следить за новыми «усовершенствованиями в военной технике и заботились о том, чтобы вооружение, снаряжение и обучение войск отвечали современным требованиям»².

Подобные взгляды Н.П. Михневича объясняются его концепцией развития вооруженных сил. Военное искусство он рассматривал как результат деятельности великих полководцев. Развитие стратегии и тактики определяли, по мнению Н.П. Михневича, помимо человека и оружия, также известные идеи, которые «вечны и неизменны», хотя способы их применения зависели от конкретных условий³.

А.Г. Елчанинов отмечал огромные перемены в военном деле начала XX в., связанные с развитием огня и техники⁴. Он же выступал горячим пропагандистом суворовского военного искусства. Успех военных действий, рассчитанных на уничтожение противника, был немислим, по его мнению, без инициативы солдат и творческой деятельности их начальников.

Большой интерес представляют взгляды Д.А. Милютин на роль человека и техники в войне⁵. Автор дал анализ состояния русской армии в начале XX в. и выявил причины поражения в войне с Японией 1904 - 1905 гг. Особо подчеркивалась мысль о возрастающем влиянии технического оснащения армии на успех военных действий. «Машина, - писал Д.А. Милютин, - все более и более будет брать верх над мускульной силой человека»⁶. Он выступал горячим сторонником развития воздухоплавания и автомобилизма. Предсказывал, что

¹ Михневич Н.П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск, СПб., 1893. С. 51.

² Там же.

³ Михневич Н.П. Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898. С. 2.

⁴ Елчанинов А.Г. Ведение современных войны и боя. СПб., 1909. С. 10.

⁵ Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Известия императорской Николаевской военной академии. 1912. № 30. С. 833-858.

⁶ Там же. С. 858.

автомобили «не только вполне заменят повозки в обозах, но проберутся даже в полевую артиллерию: вместо полевых орудий с конскою упряжью, войдут в состязание на поле сражения подвижные бронированные батареи, и битва сухопутная уподобится битве морской»¹.

Д.А. Милютин был убежденным сторонником идеи, что войска следует учить только тому, что пригодится на войне, выступал за комплексное воспитание и развитие в бою нравственных, физических и умственных качеств². Особую роль в деле военного воспитания он отводил духу боевого товарищества³ и чувству братства. Последнее, по мнению военного, было лучшей гарантией достойного поведения офицеров.

Автор отмечал, что развитие военного дела требовало не только увеличения в составе вооруженных сил специальных родов оружия, но и особой подготовки личного состава⁴. Д.А. Милютин отметил изменение характера боя, следствием чего явилось усиление значения инициативы каждого солдата, самостоятельных действий армии, корпуса, дивизии. Но, как писал он, следовало проявлять «обдуманную осторожность» в вопросе руководства боем, не допускать злоупотребления принципом инициативы, что могло «привести к ослаблению централизации»⁵. В статье подчеркивалась возросшая роль вооружения и боевой техники на войне. Автор указывал на необходимость постоянно совершенствовать техническое оснащение русской армии.

Таким образом, большинство представителей ученой элиты, представленной теоретиками Академии Генерального штаба, не отрицали значения развития оружия и военной техники и отстаивали положение о решающей роли на войне человека, его нравственной силы. Представители же строевого офицерства были иного мнения.

¹ Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Известия императорской Николаевской военной академии. 1912. № 30. С. 858.

² ОР РНБ. Ф. 1004 – П.М., М.Е. Ковалевские. Д. 4. Л. 79-80 об.

³ ОР РНБ. Ф. 208 – А.В. Головин. Д. 143. Л. 1-4 об.

⁴ Там же. С. 856.

⁵ Там же. С. 849.

Против идей Е.И. Мартынова выступил М.И. Ботьянов, предостерегавший, что увлечение одним лишь духом может привести к тому, что многие разделят участь эскадры вице-адмирала З.П. Рождественского. На ней «духовного подъема было не мало, но он разбился об японскую дальнобойную артиллерию, их снаряды с большей пробивной силой, умелую стрельбу и многочисленность миноносцев»¹. Автор призывал не надеяться только на дух, в противном случае он может оказаться бессильным.

Идейно близка по смыслу была позиция строевого офицера И. Еленева². Он предупреждал о большой опасности, которая таится в увлечении развитием одного только духа в ущерб техники. Под техникой он понимал «индивидуальное развитие воина - физическое и военное»³. Автор был уверен, и техника и дух должны развиваться гармонично. Более того, технику тоже можно использовать, как средство для поднятия боевого духа. И. Еленев указывал о срочной необходимости разработать средства и способы по его развитию⁴. Ключ к этому он видел во всестороннем гармоническом развитии личности, в которое он включал физическую подготовку. Обращаясь к историческому опыту, он доказывал, что народы были сильны духом до тех пор, пока не изменили и не испортили своего тела. «Славяне побеждают турок не одним духом, а превосходством тела»⁵, поэтому особое внимание он уделял физическому воспитанию, предлагал возродить городки, русские национальные танцы и другие русские традиции. В их отсутствии автор видел причины «упадка подвижности, отсутствие пылкости, да, пожалуй, и упадок патриотичного духа»⁶.

Однако, несмотря на ясность позиции автора, некто Скудре обвинил его в отрицании необходимости развития боевого духа в войсках и увлечении техникой.

¹ Ботьянов М.И. Статьи помещенные в печати в 1906-1908 гг. Моим оппонентам. СПб., 1908. С. 52.

² Еленев И. Развивайте технику // Офицерская жизнь 1912 № 49(349). С. 652-653; № 50 (350). С. 670.

³ Еленев И. Развивайте технику // Офицерская жизнь 1912 № 49(349). С. 652.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 653.

⁶ Там же. С. 653.

Под ней он понимал материальные силы сторон¹. На основании опыта минувшей войны с Японией, он доказывал, что духовный элемент имеет превалирующее значение над материальным влиянием, поскольку «сила любых факторов боя обуславливается исключительно духовными свойствами бойца»².

Духовное или моральное воспитание солдата Скудре видел в развитии в солдате чувства долга и любви к Отечеству, убеждения в пользе разумной дисциплины, чувства чести, преданности, самолюбия, доверия, товарищества. Реализацию этого широкого спектра мер автор предлагал осуществлять исключительно при помощи бесед офицера-психолога с солдатами.

Чтобы парализовать вредное влияние в бою таких элементов как самосохранение, страх, паника, Скудре предлагал «поддерживать, поднимать и экономить духовную силу в своих войсках», а для этого необходимо изучить психологию вообще и психологию отдельного бойца в частности. Техника не обретет ту разрушительную силу, которую от нее ждут. Главным средством для развития, поддержания и подъема духа в войсках Скудре считал не технику, а «духовное воспитание солдата и знание психики бойца, который, как отмечал Н.П. Михневич, «был, есть и будет главным орудием войны»³.

Не вызывает сомнений, что ошибки в авторстве высказываний Скудре, логичность его выводов и эффективность его практических рекомендаций, вызывали большие сомнения у строевых офицеров⁴.

Военные теоретики продолжили поиск универсальной формулы победы над противником. В 1890-ые гг. влияние нравственных сил бойца на исход сражения в военной среде были очевидны, однако вопрос о том, как их сформировать, оставался открытым. Ответ на него, по мнению большинства военных, могла дать военная психология.⁵

Разработкой вопросов военной психологии занимались специалисты

¹ Скудре. Техника и дух // Офицерская жизнь. 1912. № 45(345). С. 589-590.

² Там же. С. 589.

³ Там же. С. 590.

⁴ Еленев И. Развивайте технику // Офицерская жизнь. 1912. № 49(349). С. 652-653; № 50 (350). С. 670.

⁵ См. напр.: Бутовский Н.Д. Промахи молодого офицера. СПб., 1895. С. 3.

одноименного отдела, созданного на базе «Общества ревнителей военных знаний» (далее ОРВЗ) с целью повышения профессионального уровня офицерского корпуса. Инициаторами создания общества выступили в 1896 г. офицеры Петербургского гарнизона: старший адъютант Е.Ф. Новицкий, штабс-капитан Д.М. Левшин и капитан Н.А. Корф. Как только поступила информация об инициативной группе военных, которые вместо карт и выпивки спорят о проблемах психологии, тактики и стратегии, к ним присоединились генерал-майор Е.М. Бибиков, начальник канцелярии главного инженерного управления Л.В. Евдокимов, подполковник А.А. Гулевич и штабс-капитан Н.А. Болотов.

Военно-научный кружок сразу развернул практически научную работу: обсуждались актуальные темы военного развития, читались доклады, изготавливались карты. Заседания проходили на квартирах Е.Ф. Новицкого, А.А. Гулевича и Г.Г. Черткова. Популярность кружка быстро росла и на одном из его заседаний среди слушателей был опознан агент тайной полиции¹. После этого было принято решение покончить с нелегальным положением и составить проект устава Военно-научного общества.

В правительстве проект был встречен критически, особенно идея разработки Военно-научным обществом не только военных, но и общих вопросов. У военного руководства вызывало опасение широкое поле деятельности общества, которое может в итоге принять нежелательное для правительства направление. Главный штаб запретил обществу называться военно-научным и распорядился сосредоточиться исключительно на военных знаниях, но этого не произошло. Фразу: «Общество имеет целью распространять среди офицеров военные и общие знания»² цензор по недосмотру оставил без изменений. В результате учредители общества оказались практически полностью свободны в выборе направлений для своей деятельности.

Реальная работа началась только после 25 июля 1898 года, когда Николай II утвердил устав Общества. Вся деятельность ОРВЗ можно разделить на два

¹ Новицкий Е.Ф. К 30-летию создания Общества ревнителей военных знаний // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. 1929. № 10. С. 140-141.

² Там же. С. 142.

направления – просветительское и научное. В ходе первого направления проводились военные игры, поездки по местам боевой славы, юбилейные мероприятия, организовывались прения между слушателями. Научная работа состояла из подготовки научных сообщений, организации конференций с привлечением известных военных теоретиков, для поиска книг работало справочное библиографическое бюро¹.

Также для развития научной работы были созданы специальные отделы, объединяющие членов общества в соответствии с их интересами. Одним из таких отделов был созданный в 1908 году с подачи секретаря Общества полковника Н.Н. Головина отдел военной психологии². Председателем отдела был назначен доктор медицины Г.Е. Шумков, занимающий в период войны с Японией должность психиатра.

В ходе первого заседания Отдела военной психологии 26 марта 1908 г. в Офицерском собрании выступил барон Н.А. Корф с докладом о психике войск во время сражения. На примерах прошедшей войны с Японией он показал значимость научного изучения психологии для военного дела и сформулировал задачи Отдела. Новый орган должен был разрабатывать вопросы военной психологии и психологической борьбы.

После анализа существующих работ по психологии, созданных офицерами Генерального штаба, члены отдела перешли к разработке системы классификации вопросов военной психологии³. После короткого обсуждения собравшиеся пришли к выводу, что разработка подобной классификации невозможна из-за отсутствия научной базы исследования. Для сбора материала было решено отправить участникам войны с Японией специальное письмо от доктора Г.Е. Шумкова для собирания материала по психологическому наблюдению⁴.

За первый год работы в отделе психологии были подготовлены доклады на темы: историческая справка по военной психологии; очерк общей психологии;

¹ Годовой отчет деятельности ОРВЗ за 1-й год. С. 4.

² Отдел военной психологии // Вестник Общества ревнителей военных знаний. 1912. № 205. С. 2.

³ Хроника общества // Вестник Общества ревнителей военных знаний. 1908. № 187. С. 3.

⁴ Хроника // Разведчик 1909. № 963. С. 210.

научное обоснование психологии боя; военная психология как наука; мобилизация и перевозка войск; период ожидания боя; ночной бой; оборонительный бой; эскадронный бой; ощущение опасности и управление людьми; значение обстрелянности; психология раненых; невольные действия бойцов во время боя; анализ эмоций страха; о панике; причины моментального трупного окоченения в бою; военная гимнастика (присутствовал совет общества физического развития «Богатырь»); о национальных чертах в военном воспитании; сравнение психики японских и русских солдат; значение прибора д-ра Ремера для определения способности прицеливания; о значении синематографа в деле воспитания и образования войск¹.

На этом научная деятельность общества закончилась. Несмотря на то, что по данным вестника Общества за первый год работы Отдел военной психологии провел 25 заседаний², какой бы то ни было планирующей или отчетной документации за шесть лет своей работы отдел так и не выпустил. Единственными результатами работы отдела могут служить публикации его председателя Г.Е. Шумкова и его сподвижников в периодических изданиях.

Анализ публикаций журнала ОРВЗ показывает, что за восемь лет его существования было издано 148 сообщений, многие из которых затем отдельно переиздавались более большими тиражами. Из этих работ только десять (около 7 % от общей печатной массы) были связаны с военным воспитанием³. Исходя из практической значимости докладов, их можно условно разделить на две группы: научно-просветительские и пропагандистские.

В научно-просветительских докладах содержались конкретные предложения по совершенствованию сложившейся системы военного воспитания в Российской империи.

На определенную научность претендуют выступления доктора медицины, председателя отдела военной психологии ОРВЗ Г.Е. Шумкова. В первом своем

¹ Хроника // Разведчик 1909. № 963. С. 211.

² Отдел военной психологии // Вестник Общества ревнителей военных знаний. 1909. № 164. С. 2.

³ Подсчитано по: Вестник Общества ревнителей военных знаний. 1906-1913.

докладе в 1908 году он пытался определить роль психологического фактора в бою и обосновал необходимость научного исследования психики бойца во время боевых столкновений¹.

Роль психологического фактора в бою Г.Е. Шумков свел к традиционной для военно-теоретической мысли того времени проблеме соотношения человека и техники на войне. Автор задался поиском ответа на вопрос, применима ли к современности известная формула Наполеона I о том, что победа в войне на $\frac{3}{4}$ зависит от морального фактора и только на $\frac{1}{4}$ от технического. Поскольку Г.Е. Шумков не считал себя полностью компетентным в данном чисто военном вопросе, он проанализировал некоторые работы современных военных теоретиков по этой теме. Особый интерес для него представляли позиции С.К. Гершельмана, Н.А. Корфа, Н.Н. Головина и Г.А. Леера.

Так полковник Генерального штаба С.К. Гершельман отмечал, что с развитием техники «разведка и бой ... растянулись на столь долгий промежуток времени, в котором люди не выдерживают непрерывной внутренней борьбы с инстинктом самосохранения и, не имея больше сил довести бой до конца, отказываются его продолжать»².

Н.А. Корф тоже считал духовный фактор ключевым в достижении победы на войне: «победа оценивается не по количеству нанесенных потерь, а по достигнутым результатам и путь к ней не через трупы, а через сердца и головы людей»³.

Вызывает интерес и мнение Н.Н. Головина, считавшего, что «отказ от боя связан с истощением не материальных, а духовных сил бойца. ... Ценность самых наилучших машин всецело зависит не только от их качества, но главным образом от психики бойцов, управляющих ими. Психика ... есть первая ценность, главное орудие боя, а сама машина имеет ценность второстепенную»⁴.

Анализ Г.Е. Шумкова военно-теоретической мысли по вопросу о

¹ Шумков Е.Г. Психика бойца во время сражений. Введение обоснование, метод и систематизация материала // Общество ревнителей военных знаний. 1908. № 3. С. 1-51.

² Там же. С. 6-7.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

соотношении человека и техники на войне нельзя назвать полностью объективными. Не была представлена противоположная позиция, которой придерживались такие военные, как профессор Академии Генерального штаба подполковник А.А. Гулевич¹ и капитан Генерального штаба Е.И. Мартынов².

Во второй части своего доклада Г.Е. Шумков попытался обосновать необходимость научного исследования состояния психики бойцов во время боевых столкновений. Выделил ряд причин тормозивших развитие военной психологии. К ним он отнес слабую научную подготовку офицерского состава, необъективность исследователей современников событий и доминирование в военном деле технического фактора над духовным³. Далее Г.Е. Шумков сформулировал задачи и методы исследования предмета военной психологии.

В ходе своего второго выступления в 1912 году председатель отдела военной психологии ОРВЗ доктор медицины Г.Е. Шумков проанализировал влияние системы воспитания в болгарской армии на дух бойцов.

Несмотря на другую тему выступления, автор пришел к схожим выводам. Главной причиной побед Г.Е. Шумков считал не военную технику, а дух народа, проводником которого является офицерский корпус. Считал необходимым, чтобы военная подготовка была направлена на приучение к опасности, инициативе и сознательности воинов. Положительно отнесся к внедрению в процесс обучения в болгарской армии курса военной психологии⁴. Однако действующую систему военного воспитания в Российской империи автор критиковать не стал.

Затем Г.Е. Шумков дал общую характеристику военной психологии как науки. Сформулировал классификацию средств и методов воспитания. К внешним средствам он отнес воздействие начальника, среды, роль наград и наказаний. К внутренним средствам воспитания - совесть, культуру и чувства. Сформировав

¹ Гулевич А.А. Война и народное хозяйство. М., 1898. С. 60; Гулевич А.А. Сравнение экономического строя России и главнейших европейских государств с военной точки зрения. СПб., 1898. С. 1-2.

² Мартынов Е.И. Методическая стратегия и ее критики. СПб., 1894. С. 22.

³ Шумков Г.Е. Психика бойца во время сражений. Введение обоснование, метод и систематизация материала // Общество ревнителей военных знаний. 1908. № 3. С. 11.

⁴ Шумков Г.Е. Дух болгарской армии, как результат воспитания // Общество ревнителей военных знаний. 1912. № 4. С. 128.

культуру чувств, по мнению автора, воин сможет вытеснить страх другими эмоциями и развить страх и панику у неприятеля¹.

Таким образом, проблемы военной психологии еще только начинали разрабатываться ОРВЗ и сообщения Г.Е. Шумкова не преследовали глобальных научных целей, но они могли бы послужить для военных методологической базой для дальнейших научных исследований.

Идейно близок с позицией Г.Е. Шумкова был другой член отдела военной психологии, преподаватель фортификации Николаевской инженерной академии и училища, полковник В.Н. Полянский. Его труд «Психический элемент в области фортификации и его влияние на фортификационные формы»² был удостоен Михайловской премии. Вывод его работы сводился к необходимости при изучении форм фортификации, кроме тактики, учитывать и психологический элемент³.

Однако не стоит думать, что в военной среде позиция председателя отдела военной психологии была единственной. Выводы Г.Е. Шумкова, В.Н. Полянского и некого Ш-т, подверг критике А.С. Резанов, лютеранин по вероисповеданию, выпускник Александровской военно-юридической академии, автор работы «Психология толпы», занимавший в то время должность помощника военного прокурора Варшавского военно-окружного суда.

В своих более ранних работах А.С. Резанов поднимал вопрос о существовании отдельной науки военной психологии. Он подверг критике диссертацию Г. Безсонова о массовой преступности в общем и уголовном праве, за то, что он отрицает особую коллективную психологию, и все явления массового характера объясняет психологическим состоянием, обособленным нахождением индивида в толпе. А.С. Резанов был уверен, что военная психология, то есть

¹ Шумков Г.Е. Дух болгарской армии, как результат воспитания // Общество ревнителей военных знаний. 1912. № 4. С. 129.

² Полянский В.Н. Психический элемент в области фортификации и его влияние на фортификационные формы. СПб., 1912. С. 237 с.

³ Полянский В.Н. Моральный элемент в области фортификации. СПб., 1910. С. 40.

психология военных масс - самостоятельная дисциплина, которая сильно отличается от коллективной и социологической психологии¹.

Труд В.Н. Полянского А.С. Резанов иронически назвал «исключительным по богатству содержания и новизне» и резюмировал, что если он и «будет дочитан кем-то до конца, то послужит образцом того, как нельзя писать о военной психологии»². По мнению А.С. Резанова, психологический элемент влиять на фортификацию никак не может³.

Автор обвинил В.Н. Полянского в плагиате с профессора Карьева, указал на множество ошибок в фамилиях и на отсутствие цитат приведенных авторов. Считал, что автор не понимал отличия таких дисциплин как логика, психология, социология и смешивал их. Не понятна А.С. Резанову и суть таких использованных понятий как «реакция на страх», «страховая эмоция» и «эмитивная сфера»⁴.

Разногласия вызвало и понимание предмета военной психологии как науки. По мнению А.С. Резанова предмет военной психологии состоит из психики воинских масс и психики толпы. Особенно военного юриста расстроило то, что «Г.Е. Шумков в своей неудачной работе «Психика бойцов во время сражений» даже совершенно не обмолвился о психологии толпы, полагая, что все «духовные явления воинских масс можно объяснить законами индивидуальной психологии»⁵.

А.С. Резанов отмечал, что военная психология, по мысли авторов, должна изучать психофизиологическую жизнь воина, применять метод экспериментирования. Однако авторы не понимают отличий понятий: наблюдение, эксперимент, опыт. При эксперименте ученый может изменять его условия, но на войне это не возможно. Автор склоняется к позиции психолога И.А. Введенского, отмечавшего необходимость применять метод внешнего наблюдения, считая самонаблюдение невозможным. Военная психология не

¹ Резанов А.С. Из области военной психологии // Военный сборник. 1908. № 1. С. 179-198.

² Резанов А.С. Психологические ереси // Офицерская жизнь. 1912. №. 48(348). С. 636.

³ Там же. С. 635-636.

⁴ Там же. С. 635.

⁵ Там же.

может предсказать исход боя, о чем говорят Г.Е. Шумков и В.Н. Полянский, в силу неточности данной науки.

Затем А.С. Резанов перешел к критике классификации военной психологии, разработанной Ш-тенем. Он выделил: общую психологию (т.е. душу воина вообще, без разницы кто он солдат или генерал); военную индивидуальную психологию; групповую военную; коллективную; и патологическую военную психологию.

Вызывала сомнение у А.С. Резанова и классификация страха, предложенная Г.Е. Шумковым на заседании отдела военной психологии¹. Последний выделил в чувстве страха следующие фазы: боязнь, испуг, паника, ужас, столбняк. Классификацию он назвал «новостью в психологической литературе» и отметил, что «автор ... весьма часто испытывал на себе припадки этого чувства, так как подобную сложную классификацию, при трудности веского психологического анализа, без накопленного богатого жизненного опыта, установить нельзя»².

По мнению А.С. Резанова, страх – это идейное чувство. Боязнь, испуг – органическое чувство. Страх - присущ одному лицу, а паника - массе. Столбняк - не психологическое, а физиологическое понятие, так как связан с потерей сознания. Поскольку страх – это идейное чувство, то он неприемлем для любого воина, и Г.Е. Шумков не прав³.

В защиту членов отдела военной психологии выступил А. Дмитриевский. Он назвал А.С. Резанова «бесталантливым и бесчестным адвокатиком» и «жрецом психологии», справедливо заметив, что тот сильно увлекся не столько критикой нескольких работ, сколько личностей их авторов⁴.

Работа в ОРВЗ продолжалась. Особый интерес представляет сообщение полковника барона Н.А. Корфа «О воспитании воли военачальников»⁵. В своем

¹ Резанов А.С. Психологические ереси // Офицерская жизнь. 1912. №. 49(349). С. 650.

² Там же. С. 651.

³ Резанов А.С. Взгляд и нечто. Критика идей Г. Ш-ъ. и Г. Дмитриевского. // Офицерская жизнь. 1913. № 12(365). С. 226-238.

⁴ Дмитриевский А. В защиту личности и психологии. Критика на критику А.С. Резанова // Офицерская жизнь. 1913. № 20(370). С. 305-307.

⁵ Корф Н.А. О воспитании воли военачальников // Общество ревнителей военных знаний. 1906. № 1. С. 1-47.

докладе он выступил с критикой действующей системы военного воспитания. «Действительно, сознательно у нас почти ничего не делается в отношении духовной подготовки к бою войск, в деле воспитания мы возвращаемся лишь в области разных исторически сложившихся приемов»¹. Автор отмечал, что военные теоретики имеют упрощенное представление о духовной деятельности человека в бою. Они либо просто отмечают о его наличии, либо «описывают наиболее резко бросающиеся в глаза», либо понимают под ним лишь дух войск, забывая о духе командования, который во многом имеет решающее значение.

Причины, приведшие к поражению в минувшей войне, Н.А. Корф сводил к отсутствию воли и неподготовленности командования². Причем главный недостаток он видел не в отсутствии знаний, а в нехватке самостоятельности, то есть в страхе взять всю ответственность на себя.

Автор разработал классификацию разновидностей страха: страх за подчиненного, страх за успех дела, страх при предчувствии несчастья. Выделяет возможные причины страха - общественное мнение, сознание бессилия, чувство неуверенности в себе. Н.А. Корф считал, что сам человек не может влиять на чувство страха, а может только вытеснить страх другой - противоположной эмоцией.

Главной эмоцией, которую необходимо сформировать у бойца, Н.А. Корф считал - мужество. Борьба со страхом помогают такие эмоции как отчаяние и гнев, чувство взаимной выручки, самоуважение, гордость, любовь к одобрению, похвала общественного мнения, симпатия и уважение к начальнику.

Для совершенствования действующей системы военного воспитания барон Н.А. Корф сформулировал ряд выводов: уравнивать производство в чины хотя бы по родам оружия; утвердить отдельные награды, которые будут выдаваться только за военные заслуги; назначение на должности и производство в чины должно происходить за личные заслуги, а не за выслугу лет; выбор на определенную должность должен быть основан не на личной привязанности, а на основе единой

¹ Корф Н.А. О воспитании воли военачальников // Общество ревнителей военных знаний. 1906. № 1. С. 1.

² Там же. С. 2.

беспристрастной аттестации.

По итогам работы Н.А. Корф сформулировал ряд практических рекомендаций. Введение в систему обучения таких занятий, в ходе которых требуется принятия решений (маневры, двусторонние учения, игры). Сократить время на строевые занятия и отменить инспекторские смотры, которые не отражают реального состояния дел. «Воспитание воли начальника должно быть основано на свободе, ответственности и законности (то есть необходимости принятия решений, борьбе со страхом и долге)»¹.

Несколько иначе призывал воспитывать храбрость в бойцах неизвестный автор на страницах Военного мира. Главными он считал словесные методы и предложил «культивировать убеждение, что мы - русские воины - никого не боимся, кроме бога»².

Не меньший интерес представляет доклад видного военного педагога того времени, генерала от инфантерии Н.Д. Бутовского³, прочитанный на заседании Общества 7 января 1911 года. Главным недостатком системы военного воспитания автор видел в школе, которая игнорирует военную педагогику. «Наши молодые офицеры совершенно не умеют учить молодых солдат и заниматься с новобранцами. ... Только церковь и школа упорно сидят на своем чиновничьем формализме, в котором, как говорится, педагогика и не ночевала»⁴. Причины существующего кризиса в системе военного воспитания автор видел в узкой подготовке военных теоретиков Академии Генерального штаба. Н.Д. Бутовский убежден, что научить солдат и тем более разработать дельное руководство по военному воспитанию может только педагог, сам умеющий не в теории, а на практике руководить войсками. «Мы обращаемся с дружеским советом к молодым офицерам генерального штаба, отбывающим ценз батальонного и ротного командира, не только вникнуть в теорию педагогики, но и усердно изучить быт

¹ Корф Н.А. О воспитании воли военачальников // Общество ревнителей военных знаний. 1906. № 1. С. 47.

² Дх. Страх и мужество // Военный мир. 1913. № 2. С. 34.

³ Бутовский Н.Д. Наш офицерский корпус, его жизнь научное развитие и воспитание // Общество ревнителей военных знаний. 1911. № 4. С. 1-29.

⁴ Там же. С. 11-13.

войск, склад офицерской и солдатской жизни и службы, а главное внимательно присмотреться к примерам хороших отцов - командиров и учиться у них мудрости управления частью»¹.

Н.Д. Бутовский выделил критерии, которым должен соответствовать командир полка. Он должен обладать авторитетом и научной подготовкой, уметь увлечь за собой подчиненных, уметь грамотно распоряжаться средствами, отпускаемыми на содержание полка². Эти показатели, считал автор, должны быть включены в систему аттестации.

Интересен вывод, которым заканчивает свой доклад Н.Д. Бутовский: «настоящие люди нашей земли ни за что на свете не пойдут за Марксами и Каутскими, ибо никогда не назовут грех правдой. И в этом и заключается великая сила, которая сломала нашу революцию, и на которую только и можем надеяться ...»³.

Также с критикой действующей системы военного воспитания выступил генерал майор А.Ф. Турбин⁴. В начале, как и Г.Е. Шумков, А.Ф. Турбин приводит цитаты видных военных теоретиков прошлого и современности, доказывающих значимость научной разработки вопросов военного воспитания.

Автор отмечал, что в науке практически нет работ, исследующих нравственные силы бойца. В лучшем случае упоминаются слова Наполеона I о важности морального фактора при достижении победы на войне или отмечается необходимость разработки данной темы. Подобное положение А.Ф. Турбин связывает с отсутствием у военных интереса к научной работе по психологии. «Такая печатная работа обычное дело для авторов, без спроса в библиотеках, без читателей»⁵.

К другим недостаткам, действующей системы военного воспитания, автор

¹ Бутовский Н.Д. Наш офицерский корпус, его жизнь научное развитие и воспитание // Общество ревнителей военных знаний. 1911. № 4. С. 24.

² Там же. С. 25-26.

³ Там же. С. 29.

⁴ Турбин Воспитания в войсках дисциплина как основа этого воспитания // Общество ревнителей военных знаний. 1912. № 2. С. 1-46.

⁵ Там же. С. 7.

относит отсутствие воспитательного компонента в нормативных документах и в образовательных программах учебных заведений¹. Отдельной критики А.Ф. Турбин подверг Николаевскую Академию Генерального штаба за подготовку «не столько военачальников, сколько отличный в военном деле ученых деятелей»² и полное нежелание заниматься разработкой педагогических вопросов.

Борьбе со страхом посвящено сообщение А. Дмитриевского³. Он выделил несколько видов страхов: трусость, боязнь, робость, пугливость, мнительность, скверное предчувствие. А. Дмитриевский считал, что со страхом нельзя смириться, как это сделано в тактических рекомендациях, а необходимо бороться. Он выступил за включение в военную педагогику нового предмета, посвященного борьбе со страхом. Победить страх можно воспитанием храбрости. Такие упражнения как хождение по проволоке, бревну, джигитовка помогают победить страх, считал автор.

Ко второй группе сообщений ОРВЗ относятся выступления пропагандистского характера. Чаще всего они носили описательный характер и не содержали конкретных предложений по реформированию системы военного воспитания.

Характерным примером такого сообщения является выступление в 1908 г. капитана Демина с докладом на тему «Воспитание японского солдата». В вступлении автор отметил прекрасную подготовку японцев, их инициативу и дисциплинированность. Однако причины подобного успеха автор видел не в стройной системе военного воспитания, а в менталитете народа и «страшной бедности страны, которая дает трудолюбивого солдата, но вызывает рост антимилицаристских настроений в обществе»⁴.

Многочисленные примеры отваги японцев и совершение ими харакири

¹ Турбин Воспитания в войсках дисциплина как основа этого воспитания // Общество ревнителей военных знаний. 1912. № 2. С. 33.

² Там же. С. 33.

³ Дмитриевский А. Страх и борьба с ним. Психологический этюд // Общество ревнителей военных знаний. 1913. № 1. С. 58.

⁴ Демин Воспитание японского солдата // Общество ревнителей военных знаний. 1908. № 4. С. 66.

капитан Демин объяснял не силой духа, а деятельностью военной пропаганды. Последняя, по его мнению, была настолько сильна, что запугивала местное население, говоря, что в плену у русских их ждут зверские, нечеловеческие пытки¹. В заключении капитан Демин попытался ответить на вопрос, какой же солдат японский или русский является более пригодным для военной службы. Сам факт постановки данного вопроса во многом характеризует идеологический кризис офицерского корпуса начала XX века.

В схожем ключе была написана и статья поручика Грошева². Автор не дал личной оценки действующей системе военного воспитания и использовал слабую систему доказательств. Главный вывод, к которому пришел Грошев, заключался в том, что дух войск имеет огромное значение для войсковых частей³.

Особый интерес вызывает еще один доклад доктора медицины Г.Е. Шумкова, который исследует вопрос об употреблении спиртных напитков в сражении. Автор пытался использовать научный подход и аргументировал актуальность темы. «Когда мы постараемся проникнуть в силу бойцов во время сражений ... тогда мы сталкиваемся с вопросом об алкоголе в бою, ибо многие бойцы предпочитают идти в сражение в пьяном виде, будучи уверены в том, что выпивка дает храбрость»⁴.

Г.Е. Шумков пытался ответить на вопрос, чего больше в употреблении спиртных напитков на войне - вреда или пользы. Для этого он во время русско-японской войны 1904-1905 гг. записывал взгляды военных на выпивку и, как сам отмечал, старался быть максимально объективным. Г.Е. Шумков приводил девять мнений по данному вопросу. Семь человек считали, что употребление алкоголя негативно сказывается на боевой подготовке военного. Снижается меткость стрельбы, подавляется внимание, человек быстро устает.

¹ Демин Воспитание японского солдата // Общество ревнителей военных знаний. 1908. № 4. С. 67.

² Грошев. Нечто о духовном элементе // Общество ревнителей военных знаний. 1907. № 1. С. 126-130.

³ Там же. С. 130.

⁴ Шумков Г.Е. Пьяная храбрость или алкоголь в бою // Общество ревнителей военных знаний. 1909. № 1. С. 1-2.

Из семи человек опрошенных Г.Е. Шумковым, до и после боя не пили только двое, и то, испытывая сильные позывы. «Пьяная компания все же составляет какую-то сплоченность, товарищество, общность интересов и дружеское внимание. ... Хотя бы дело! Хотя бы сражения были! Говорили солдаты, томясь тяжестью ожидания и неприятным настроением»¹.

Только двое из опрошенных респондентов, утверждали о пользе употребления спиртного на войне, и то их позиция не была однозначной. Военный врач приводил в пример жизненный опыт своего знакомого, который постоянно ходил в бой пьяным. Последнее помогало ему проявлять в бою храбрость, выдержку и умелое руководство подчиненными. В то же время автор отмечал, что и он сам «чуть не стал выпивать, хорошо, что выдержал»².

Таким образом, семь из девяти (77 %) опрошенных отмечали негативные последствия употребления спиртного на войне. Поэтому автор сделал вывод, что алкоголь – в условиях войны несет в себе больше вреда, чем пользы. Для борьбы с алкоголем Г.Е. Шумков считал необходимым «изменить настроение - психофизиологическую природу человека – бойца»³, то есть занять его свободное время интересным и полезным делом.

Приведенные мнения очень субъективны и не дают возможности делать далеко идущие выводы. Однако, примечательно, что ни один из опрошенных не отрицал сам факт наличия пьянства в армии. Решению проблемы пьянства не способствовало и военное законодательство. Так в соответствии с ст. 190, книги 22 свода военных постановлений, употребление алкоголя военнослужащими относилось к категории маловажных проступков и упоминалось в одном ряду с играми и песнями. Показательно в этом отношении решение № 34 Главного военного суда за 1888 г., в котором под пониманием термина «военное пьянство» было закреплено употребление спиртных напитков до состояния, при котором

¹ Шумков Г.Е. Пьяная храбрость или алкоголь в бою // Общество ревнителей военных знаний. 1909. № 1. С. 6.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 27-28.

военнослужащий был не в состоянии выполнять свои служебные обязанности¹.

Таким образом, обращение доктора медицины Г.Е. Шумкова к данной проблеме свидетельствует об ее актуальности в офицерской среде и явно преследовало не научные, а воспитательные цели. Особенно это заметно при анализе его более ранней работы 1905 года «Рассказы и наблюдения из русско-японской войны», в которой автор изобразил достаточно печальную картину состояния боевого духа русской армии в ходе минувшей войны². Примечательно, что при описании пьянства в армии, Г.Е. Шумков приводит те же самые мнения очевидцев. Однако из четырех опрошенных только один (25 %) высказался против употребления алкоголя в бою³.

Чаще всего все исследователи были единого мнения о необходимости введения запретительных мер по распространению спиртных напитков в армии. Некто -Ин, призывал запретить продажу любой алкогольной продукции (легкого виноградного вина и пива) в буфетах и солдатских лавках⁴. А. Шилов был уверен, что все преступления в армии совершаются преимущественно под воздействием алкоголя⁵. С ним был полностью солидарен К. Штрейтерфельдт, который связывал нарушение дисциплины нижними чинами в 65% случаев с пьянством в частях. Для его искоренения автор предлагал ввести сначала чтения о вреде пьянства, но поскольку этого не достаточно, то он предложил ввести специальные образовательные курсы для нижних чинов⁶.

Последнее сообщение в данной группе генерала Энгельса раскрывает воспитание французского солдата⁷. Автор считал, что воспитание солдата - это воспитывать нравственные силы для борьбы с внешними врагами и противодействию современным утопическим учениям. В целом автор достаточно

¹ Столетие военного министерства. 1802-1902. Ч. 1. Кн. 2. отд. 3. СПб., 1903. С. 174.

² Шумков Е.Г. Рассказы и наблюдения из русско-японской войны. Киев, 1905. С. 34.

³ Шумков Е.Г. Рассказы и наблюдения из русско-японской войны. Киев, 1905. С. 44.

⁴ -Ин. Спиртные напитки в солдатских чайных буфетах // Офицерская жизнь. 1913. № 28(378). С. 400-401.

⁵ Шилов А.В. Преступность в армии и алкоголь. М., 1913. С. 24.

⁶ Штрейтерфельдт К. Кое-что о солдатском образовании // Офицерская жизнь. 1906. № 14. С. 200-201.

⁷ Энгельс Воспитание французского солдата // Общество ревнителей военных знаний. 1907. № 3. С. 33-77.

сдержан в личных оценках. Сообщение носит скорее информативный характер, нежели выражает взгляды автора.

Кроме журнала Общество с 1899 года издавало газету – «Вестник Общества ревнителей военных знаний», в которой публиковались отчеты о заседаниях, рецензии на книги, новости наук, сообщения, сделанные в Обществе. Контент-анализ содержания Вестника показывает, что за пятнадцать лет издания, на его страницах тема военного воспитания практически не поднималась.

Единственным исключением является анализ пехотного устава, в котором высказывалось пожелание, «чтобы наставления давало бы хоть какие-нибудь указания по части воздействия на дух войск»¹ и отдельные ссылки на работы военных теоретиков, в списке рекомендованной к прочтению литературы².

Определенное влияние на позиции военных по вопросам военной психологии играла иностранная военно-теоретическая мысль. Популярностью пользовалась работа командира батальона французской армии, офицера Генерального штаба Л.М. Гоше. Его работа не отличалась новизной, поскольку раздел военной психологии был копией работы Г. Лебона «Психология народов и масс», изданной во Франции в конце XIX в.³

Л.М. Гоше пришел к выводам, что каждый военный начальник непременно должен быть и психологом; целью военного воспитания является формирование физических и умственных рефлексов; толпа не слушает разум, а действует согласно чувствам⁴.

Немного сгущая краски, но в целом объективно, итоги работы деятельности военных в разработке вопросов военной психологии попытался подвести И. Еленев⁵. Он указывал на тот духовный подъем, который был в обществе после

¹ Письма о пехотном уставе // Вестник Общества ревнителей военных знаний. 1900. № 22. С. 155.

² Гершельман С.К. Нравственный элемент в руках М.Д. Скобелева. Гродна, 1902. 176 с.; Гершельман С.К. Нравственный элемент под Севастополем. СПб., 1897. 468 с.; Шумков Г.Е. Психика бойцов во время сражений. СПб., 1909. 51 с.; Зенченко М.В. Нравственный дух солдата в руках начальника. СПб., 1895. 40 с.

³ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Ф. Павленков, 1896. 329 с.

⁴ Гоше Л.М. Очерк психологии войсковой части и командования. СПб., 1910. С. 77.

⁵ Еленев И. Развивайте технику // Офицерская жизнь. 1912. № 50 (350). С. 670.

окончания войны с Японией 1904-1905 гг., как многие военные занялись разработкой вопросов военной психологии. «... даже образовалось целое общество. ... Но вот прошло 6-7 лет и в настоящее время дело обстоит еще хуже, чем тогда, когда кроме радужных надежд не было ничего. Мы присутствуем при психологическом банкротстве ... посмотрите на работы отдела военной психологии Общества ревнителей военных знаний ... сколько обещаний и сколько надежд ... и все это осталось в области благих пожеланий. Зато целый ряд уродливых, квази-психологических рассуждений, поражающих своим самодовлеющим невежеством. Военная психология стала измышлениями кучки профанов, а не ученых»¹.

Примечательно, что сам И. Еленев тоже не знал выхода из существующей ситуации. Решение проблемы он видел только в воспитании нового поколения военных теоретиков, которые смогли бы решить существующие проблемы. Для этого И. Еленев считал целесообразным в военных училищах ввести курс основ психологии, а разработку проблем военной психологии предоставить научным кафедрам.

Однако не стоит думать, что деятельность ОРВЗ была напрасна. Она породила ряд дискуссий в военной среде. К сожалению, они свелись к обсуждению предмета военной психологии, ее задач, а не к анализу конкретных методов психологического воздействия на военнослужащих для победы в бою. Если обобщить все практические рекомендации, то для развития храбрости военные советовали ходить по проволоке и бревну, использовать джигитовку, а также развивать у бойцов такие чувства и эмоции как гнев, взаимовыручка, гордость и похвалу.

Таким образом, анализ разработки проблем военного воспитания позволил проследить эволюция взглядов военных теоретиков и передовой офицерской общественности. Данная тема начинает разрабатываться с 1870-ых гг. представителями «академической школы» военно-теоретической мысли, главным образом работниками военных академий. Первоначально анализ значения

¹ Еленев И. Развивайте технику // Офицерская жизнь. 1912. № 50 (350). С. 670.

нравственного компонента на войне не привлекал внимание военных, поскольку с трудом поддавался количественному и качественному измерению. Затем в 1880-е М.И. Драгомиров сформулировал свою формулу победы над противником, главным компонентом которой был человек, его сила духа, патриотизм и преданность престолу, роль техники была вторична. Именно эта точка зрения была главенствующей в армии. Последователи М.И. Драгомирова в 1890-ые заняли центристскую позицию, они считали, что для победы в бою и технике и воинскому духу необходимо уделять равное внимание. В 1900-ые, после русско-японской войны 1904-1905 гг. проблему соотношения человека и техники на войне на страницах периодической печати стала активно обсуждать передовая офицерская общественность, резко критикуя «академическую школу» за увлечение духом в ущерб технике.

Анализ взглядов военных теоретиков и передовой офицерской общественности на определение понятия «воинское воспитание» показал непонимание военными предмета дискуссии. Сложилось своеобразное квипрокво, при котором, военные апеллировали одинаковым понятиям, но понимали под ним разное содержание. Так под «воинским воспитанием» некоторые военные в соответствии с уставом понимали дисциплину и чинопочитание, другие – воинский дух, а третьи подразумевали по ним нравственную упругость. Подобные расхождения объясняются борьбой консервативных и либеральных направлений в военно-теоретической мысли. Отсутствие единого понятийного аппарата неминуемо приводило к путанице в действиях. В сложившейся системе каждый начальник выступал сам себе воспитателем.

2.2 Военно-теоретическая мысль о воспитательных аспектах армейской подготовки

Проблемы нравственного воспитания военнослужащих в строю военные теоретики рассматривали в контексте ряда вопросов. Подробно обсуждались

требования к личности педагога-воспитателя и его полномочия; проблемы воспитания дисциплины; способы подготовки и аттестации командиров, проявляющих личную инициативу и умеющих действовать согласно обстановке.

Представления военных теоретиков о нравственном воспитании в период прохождения офицерской службы напрямую зависели от их взгляда на предмет и содержание самой военной науки. В армейской среде существовали две противоположные позиции по данному вопросу. Наиболее известным сторонником одной из них был профессор военного искусства Г.А. Леер, который с 1889 г. в течение 10-и лет занимал должность начальника Николаевской академии Генерального штаба. Г.А. Леер был сторонником существования самостоятельной военной науки, которая развивается по определенным законам, единым для всех¹. Поэтому главную задачу военного искусства он видел в разработке вопроса о теории стратегии.

«Стратегия в широком смысле, - писал он, - есть синтез, интеграция всего военного дела, его обобщение, его философия. Она является сведением в одно общее русло всех отдельных учений о войне, наукою всех военных наук»². Следовательно, Г.А. Леер ставит знак равенства между стратегией и военной наукой, сужая рамки предмета последней.

В своих работах Г.А. Леер подчеркивал значение военной науки. В его трудах содержатся высказывания о недопустимости отвергать в военной теории принципы и правила. Нужно проводить их глубокое теоретическое исследование и не останавливаться перед объяснением сущности природы военных явлений. Г.А. Леер писал, что «теоретическая подготовка военного человека должна клониться к тому, чтобы, воспользовавшись ею, он явился на поле действий во всеоружии заблаговременного знания всех явлений на войне, чтобы подвергаться возможно меньшему числу неожиданностей, являющихся самым опасным бичом на войне. Теория, бессильная в деле объяснения военных явлений»³.

¹ Леер Г.А. Коренные вопросы: (Военные этюды). СПб., 1897. С. 116.

² Леер Г. А. Стратегия: Тактика театра военных действий. 6-е изд. Ч. 1. СПб., 1898. С. 2.

³ Леер Г.А. Две отправные точки по отношению к задачам теории военного искусства // Военный сборник. 1883. № 11. С. 21.

Таким образом, Г.А. Леер, и его единомышленники, главным образом представители Николаевской Академии Генерального штаба, считали военное дело наукой с формулами и с конечным результатом в виде победы или поражения. Влияние нравственного компонента на исход боя они не отрицали, но они не могли его точно измерить. Поэтому вопросы военного воспитания представители академий рассматривали поверхностно, чаще всего лишь цитируя уже известную цитату Наполеона I о том, что $\frac{3}{4}$ успеха в бою зависит от нравственных сил бойца.

Вторая, альтернативная точка зрения наиболее полно была раскрыта известным специалистом в системе обучения и воспитания войск М.И. Драгомировым. Несмотря на работу в академии Генерального штаба, он позиционировал себя, как практик военного дела. Он считал, что военной науки, как самостоятельной отрасли нет и быть не может, «точно так же, как немислимы науки: поэзии, живописи, музыки»¹. Каждое военное сражение, по-своему, уникально, условия ведения войны и приемы боевых действий постоянно изменяются, а «вечного и неизменного» принципа военного дела нет. Поэтому М.И. Драгомиров главную роль на войне отводил человеку и его воспитанию.

Понятие «воинское воспитание» М.И. Драгомиров понимал достаточно широко. По его мнению, этот процесс состоял из формирования у военнослужащих целого набора качеств, главными из которых были чувство долга (то есть готовности пожертвовать собой ради спасения других) и выносливости (то есть возможности стойко переносить трудности)².

У солдата М.И. Драгомиров считал необходимым воспитывать «находчивость, доведенную до того, что человек не теряется ни от какой неожиданности; решимость и упорство; убеждение, что только для того успех возможен, кто выручку товарища ставит выше личной опасности; способность обсудить хладнокровно свое положение в самые критические минуты», писал М.И. Драгомиров⁵³.

¹ Драгомиров М.И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1. СПб., 1881. С. 444.

² Драгомиров М. И. Учебник тактики. СПб., 1881. С. 34.

К важнейшим формам воинского воспитания он относил воспитание патриотизма, дисциплины, стойкости и упорства, формирование чувства уверенности в себе. Новизна концепции воинского воспитания М.И. Драгомирова также заключалась в формулировке конкретных методов и приемов воспитательной работы. Среди них можно выделить следующие: доминирование воспитательного компонента над образовательным, применение не только словесных, но и наглядных методов обучения, использование анализа и синтеза.

Таким образом, в основе его концепции лежали взгляды А.В. Суворова. Все идеи М.И. Драгомирова можно было бы свести к одной: в экстремальных условиях боя военный способен выполнить не то, что требует от него данная боевая ситуация, а лишь то, чему его учили в мирное время. Поэтому вся программа обучения военных должна состоять только из того, что пригодится на войне¹.

Предложения М.И. Драгомирова встретили неоднозначно. Часть военных поддержали теоретика, другие выступили с резкой критикой его идей. Как правило, критика предложений М.И. Драгомирова происходила кулуарно. Некто Ч. И-в, вспоминал, как в 1901 г. в Харькове военнослужащие оценивали предложения М.И. Драгомирова относительно смотра стрельбы. «Многие доказывали, что старик окончательно зарпортовался. Он прямой абсурд несет. Извольте видеть, что процент попадания зависит, главным образом, от психики солдата, и если солдат совершенно спокоен, любит своего начальника, то он скорее даст отличную стрельбу»².

После неожиданных для русского общества итогов русско-японской войны 1904-1905 гг. и смерти М.И. Драгомирова, его идеи открыто подверглись критике. В. Грек считал именно М.И. Драгомирова ответственным за результаты войны с Японией и несовершенство русского оружия. «Преувеличивая значение

¹ Драгомиров М. И. 14 лет. 1881-1894: Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1895. С. 34-35, 135.

² Ч. И-в. Мысли о воспитании солдата // Офицерская жизнь. 1908. № 122. С. 330-331.

морального фактора и духа бойцов, генерал забывал про необходимость использования современного вооружения в бою»¹.

М.И. Драгомирова обвиняли в нарушении дисциплинарного устава и упрощенном понимании понятий «вина» и «дисциплина». П. Каменский указывал на то, что киевская программа военной подготовки, разработанная М.И. Драгомировым, не пригодна для использования, поскольку противоречит Своду военных постановлений². Так автор цитировал М.И. Драгомирова, который, ссылаясь на закон, указывал, что за последствия выполнения приказа несет ответственность только начальник. П. Каменский настоятельно рекомендовал М.И. Драгомирову обратиться к тексту дисциплинарного устава, в соответствии с которым «при беспрекословном исполнении подчиненными приказаний начальника он один отвечает за последствия своего приказанья, кроме случаев в военных законах именно указанных»³.

Кроме этого, по мнению П. Каменского, М.И. Драгомиров существенно изменил понятие воинской дисциплины, указывая, что подчиненный должен выполнять все приказанья начальника, кроме тех, которые направлены против государя. В уставе же о воинских наказаниях отмечалось, что «подчиненные несут ответственность при выполнении приказаний начальника в случае, если они повысили данное им приказание или если отданное приказание нарушало присягу и верность, или были преступными»⁴.

П. Каменский отмечал, что из-за подобного упрощенного понимания основ военного устройства, у строевых начальников Киевского военного округа и у представителей суда понимание виновности сильно отличалось. Поэтому при рассмотрении дела о выполнении военнотружущим даже и преступного приказанья начальника суд в соответствии с законом не может вынести оправдательного приговора. Невозможно оправдать рядовых, которые с подачи

¹ Грек В. По поводу статьи Прошлое и будущее драгомировский науки // Офицерская жизнь. 1908. № 114. С. 209-211.

² Каменский П. Немного о законности // Офицерская жизнь. 1906. № 10. С. 150.

³ Там же.

⁴ Там же.

взводного пытались убить фельдфебеля, хотя они не действовали против государя.

Таким образом, П. Каменский отмечал, что «принятая строевыми к руководству киевская программа, облегчающая первые трудные шаги обучения новобранцев, откололась от закона»¹, а ее автор нарушил 1-ю статью дисциплинарного устава, заключающуюся в строгом и прочном соблюдении всех правил.

Еще одним методом, за который критиковали М.И. Драгомирова, был так называемый «драгомировский метод искушения». Возник он случайно. Известный военный теоретик вступил в разговор с часовым, в это время присутствующие унесли у часового знамя, которое он охранял. В приказ по Киевскому военному округу был объяснен этот случай в назидание, как следует проверять должностных лиц. С тех пор в Киевском военном округе стала практиковаться проверка часовых и дневальных «драгомировским методом искушения». Особенно в рижском учебном унтер-офицерском батальоне².

И.И. Защук доказывал, что применение данного метода в обыденной жизни порой может привести к самым неожиданным последствиям и неприятным недоразумениям. В доказательстве своей правоты он приводил случай из воинской практики. В одной из частей участились случаи пропажи ружей. Один из поручиков решил помочь. Взяв на вооружение метод М.И. Драгомирова, он вынул из ножен у спящего часового штык, от чего тот проснулся, затем проник через окно в коридор и взял из пирамиды одну винтовку. Внезапно пришедшие нижние чины ситуацию поняли двусмысленно³.

На этом критика М.И. Драгомирова не закончилась. М.И. Ботьянов раскритиковал составленный М.И. Драгомировым в 1901 г. проект устава полевой службы⁴. Сомнение вызвало положение о том, что «наступление под огнем

¹ Каменский П. Немного о законности // *Офицерская жизнь*. 1906. № 10. С. 150.

² Защук И.И. Воспитание и обучение войск // *Офицерская жизнь*. 1906. № 5. С. 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Устав полевой службы и наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Проект. Киев, 1901. 162 с.

должно вестись шагом почти без огня, допуская движение бегом и со стрельбой только в особых случаях»¹.

М.И. Ботьянов заметил, что при таком наступлении неприятель получал возможность стрелять в наступающего неприятеля со спокойными нервами, не неся потерь, и иметь нравственное влияние на людей в цепи, которая шагом наступает².

После русско-японской войны 1904-1905 гг. М.И. Ботьянов назвал М.И. Драгомирова теоретиком мирного и военного времени. Мирного, так как он мало служил в строю и вовсе не командовал отдельной частью. Военного, так как «он принадлежал к числу тех людей, которые будучи раненым в начале кампании не участвовали в ее ходе»³. Таким образом, дискуссия о методах воспитания в частях постепенно начинала сводиться к обсуждению личности М.И. Драгомирова.

М.И. Ботьянов вспоминал, как будучи командиром 12-го армейского корпуса, обратился с письмом на имя М.И. Драгомирова, в котором указал, что в прикладном уставе введенным в войсках округа есть приемы, изменяющие и противоречащие уставу. По уставу строевой пехотной службы цепь наступающего при движении вперед пользуется местностью, а при остановках люди в цепи принимают произвольное положение. Причем в уставе последовательно проводилась мысль о применении к местности. В прикладном же уставе указывалось на то, чтобы цепи наступающего никогда не ложились, и о применении любой цепи к местности ничего не говорилось.

М.И. Ботьянов также указал на то, что в соответствии с параграфом 271 устава при атаке цепью, люди, смыкаясь к своим отдельным начальникам и взводным командирам, бросаются вперед с криком «ура». По прикладному же уставу требуется еще, чтобы отдельные начальники, выбегая вперед, командовали «ко мне». Автор письма полагал, что на практике такой прием приводил к тому,

¹ Ботьянов М.И. Воспоминания севастьянца и Кавказца и некоторые мысли по военным вопросам. Витебск, 1901. С. 90.

² Там же. С. 89.

³ Ботьянов М.И. Статьи помещенные в печати в 1906-1908 гг. СПб., 1908. С. 45-50.

что начальники останавливались. Делали остановку и подбегавшие к ним подчиненные, а при атаке подобные остановки недопустимы.

Кроме этого, в письме М.И. Ботьянов указывал, что прикладным уставом введена атака с «подпираем», по ней при атаке передняя линия по команде «стой», останавливается и ждет вторую линию, затем опять вместе идут в наступление. По уставу – при атаке все идут вперед и ни о каких остановках не указывается. Таким образом, по мнению М.И. Ботьянова, остановки линий при атаке с «подпираем» разрушают установочную мысль о безостановочности движения атакующей части и устанавливают новое понятие – после боя к атаке ожидать сигнала «стой»¹.

Обращение М.И. Ботьянова осталось без ответа, и поэтому за ним последовал рапорт командира 12-го армейского корпуса на имя командующего войсками Киевского военного округа. В нем автор просил М.И. Драгомирова разрешить ему обучать войска в соответствии с уставом или передать это дело на рассмотрение военного министра². Действия М.И. Ботьянова оказались не эффективными, и подготовка в Киевском военном округе так и велась в соответствии с программой М.И. Драгомирова.

М.И. Ботьянов продолжил критику М.И. Драгомирова, но уже на страницах прессы. Он обвинил командующего в нежелании своевременного перевооружения артиллерии, в подавлении воли у своих подчиненных. Он высказал предложение, чтобы каждый, кто бы хотел достигнуть командных должностей, для начала должен бы был пройти службу в строю и длительный промежуток времени командовать отдельной частью³.

Однако М.И. Драгомирова не только критиковали. Многие военнослужащие считали разработанную им систему воинского воспитания наилучшей и выступали в ее защиту. Одним из таких военных был М.Д. Бонч-Бруевич, помогавший М.И. Драгомирову с редактированием его учебника по тактике. В вопросах воспитания он был полностью солидарен со своим коллегой и никаких

¹ Ботьянов М.И. Статьи посещенные в печати в 1906-1908 гг. СПб., 1908. С. 47.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 54.

дополнительных изменений относительно воспитательной подготовки в учебник не внес¹.

Причины поражения в войне с Японией М.Д. Бонч-Бруевич видел в том, что «система воспитания и обучения нижних чинов не была согласована со свойствами человека и едва ли способствовала их желательному усовершенствованию. Служба офицеров была направлена на то, чтобы по мере ее прохождения офицер все больше и больше терял связь с истинным военным делом»².

М.Д. Бонч-Бруевич отмечал, что те военные, которые «приписывают М.И. Драгомирову презрение к огню, имеют дело не с подлинным, а с фиктивным, ими самими сочиненным учением М.И. Драгомирова»³. Военный теоретик всегда подчеркивал, что огонь и штык не исключают, а дополняют друг друга. Он первый, кто предложил проводить обучение с боевыми патронами.

Поскольку многие мысли и идеи военного теоретика подвергались вольному изложению, М.Д. Бонч-Бруевич считал необходимым еще раз более подробно остановиться на главных принципах учения военного.

Автор отметил, что М.И. Драгомиров и не думал, что показ приема «подпираия» цепей резервами кто-то примет за показ, как необходимо атаковать в реальном бою, «потому что не было причин колебания человеческого духа, не было огня противника ...»⁴.

Через все свои труды М.И. Драгомиров проводил мысль о том, что в военном деле, которое требует больше волевых сил, нежели умственных, на первом месте всегда стоит человек. Поэтому дальнейший путь развития военного дела должен проистекать из усовершенствования человека – воина. Признавая огромное влияние техники, он отводил ей второе место. Основным вопросом

¹ См. напр.: Бонч-Бруевич М.Д. Учебник тактики для военных училищ. СПб., 1912. 228 с.

² Бонч-Бруевич М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905-1910. Киев, 1911. С. 5.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 143.

воспитания он ставил проблему «обращения новобранца в солдата, то есть социализации его, не ломая в нем человека»¹.

М.И. Драгомиров выделял следующие принципы воспитания и обучения нижних чинов: воспитывать новобранца в соответствии с общечеловеческими свойствами, не применять жестких мер физического воздействия; объяснять доступно, требования ставить настойчиво и следить за их исполнением; кормить подчиненного, не надирать его сил на бесцельной работе. Офицер же должен быть предан воинскому долгу, внимателен к подчиненным и делить с ними все тяготы службы².

В доказательство правоты М.И. Драгомирова, М.Д. Бонч-Бруевич приводил цитату капитана французского генерального штаба Ниесселя о том, что «одного огня не достаточно, чтобы сломить упорство достойного противника. Для этого необходим рукопашный бой или угроза довести до него дело. Решающее значение принадлежит штыку и в течении последней войны к нему прибегали гораздо чаще, чем за последние 50 лет»³.

Дискуссия о том, какие приказания нужно считать явно преступными и не исполнять их, продолжилась. Многие юристы уверяли, что присяга - это понятие не юридическое, а нравственное. Поскольку нравственность у каждого своя, то присяга не может выступать единым мерилем. А под явно преступными наказаниями следует считать те, которые противоречат уголовному кодексу.

М.Д. Бонч-Бруевич попытался внести ясность и в данный вопрос.⁴ Воспитание войск он рассматривал как дело нравственное, а не юридическое. Он считал, неисполнение приказания со стороны подчиненного не только допустимо, но и необходимо, когда в полученном приказании содержится нарушение присяги⁵. Причины упадка дисциплины автор связывал с действиями внешних

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905-1910. Киев, 1911. С. 7.

² Бонч-Бруевич М.Д. Нарекания на Драгомирова // Разведчик. 1907. № 884. С. 233-234.

³ Бонч-Бруевич М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905-1910. Киев, 1911. С. 131.

⁴ Бонч-Бруевич М.Д. Святость приказания начальника // Разведчик. 1906. № 822. С. 565-567; Бонч-Бруевич М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905-1910. Киев, 1911. С. 108-114.

⁵ Бонч-Бруевич М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905-1910. Киев, 1911. С. 110.

сил: разного рода юристов, подпольных политических организаций и призывы членов государственной Думы к подрыву дисциплины¹.

Автор предлагал внесение изменений в 2 ст. Дисциплинарного устава и установить меру ответственности за исполнения приказаний, которые противоречат не только военным законам, но и тексту присяги. «Иначе дисциплина будет однобокая, к делу не игорная, и сама в себе заключающая разложение армии»².

Однако не стоит думать, что военные свели обсуждение вопросов нравственного воспитания к оценке уже существующих предложений М.И. Драгомирова. Они разработали ряд рекомендаций для улучшения действующей системы воспитания. Первое, что, по их мнению, нуждалось в существенном реформировании - это требования к личности воспитателей в частях.

Например, член комиссии по реформе юнкерских училищ, генерал-лейтенант И.И. Зашук видел причину всех бед в действиях строевых сверхсрочных, которые, по его мнению, нередко извлекают выгоду из своего служебного положения. С его слов они «вымогают подарки с подчиненных и втирают очки начальству ... поэтому сверхсрочных называли наемными шкурами, а тех, кто прошел курс учебного батальона - продажными»³.

Ныне действующий устав внутренней службы, по мнению И.И. Зашука, «переполнен архивным абсурдом»⁴, и младший офицер в нем практически не имеет функций начальника. Чтобы исправить положение, автор предложил жизнь войсковых рот устроить по образцу юнкерских училищ. Предполагалось, что в каждой роте должны находиться два младших офицера, один будет заниматься обучением и воспитанием молодых, а другой подготовкой старослужащих. При таком порядке никакая просьба или жалоба солдата, по мнению И.И. Зашука, не минуется офицера, которому он подчинен. Эта мера повлияет на изменение нравов

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Армейские дела и делишки. Сборник статей 1905-1910. Киев, 1911. С. 112.

² Там же. С. 114.

³ Зашук И.И. Заметки из строевой службы. СПб., 1908. С. 45.

⁴ Там же.

сверхсрочных¹.

Другой автор, пожелавший остаться неизвестным, предлагал расширить полномочия портупей-юнкеров. Поскольку они несут ответственность не только за себя, но и за подчиненных, то необходимо для их большего авторитета передать им право наложения взысканий. «Тем самым они избавятся от щекотливой роли доносчика, который может только делать доклад о наказаниях. Тогда часть получит офицера, который не только получал взыскания, но и налагал таковые, и даст бесценный опыт общения с нижними чинами. Взыскания будут более справедливыми, и подрыва дисциплины не будет»².

И. Белявский предлагал дело воспитания и обучения солдата предоставить ротным командирам и младшим офицерам. Дать им общие директивы и полную свободу для достижения указанной цели. Служба офицеров в младших чинах, по его мнению, позволит воспитать энергичного и самостоятельного офицера и такого же солдата.

Для реализации этих идей И. Белявский предлагал передать от адъютантов в ведение ротных командиров полномочия по составлению расписания. Учебная программа должна составляться индивидуально с учетом специфики роты, а лучше, чем ротный командир, ее никто не знает. Они должны обладать полномочиями по введению в программу тех занятий, которые на их взгляд наиболее хорошо подходят для развития солдат, полагал автор. Не вмешиваться в распоряжения ротного по обучению и воспитанию, за исключением тех случаев, когда дело идет по заведомо ложному пути.

При оценке эффективности работы ротного командира И. Белявский предложил руководствоваться результатами боевой подготовки, как этому учил М.И. Драгомиров, и не сводить все исключительно к смотрам и парадам³. Для этого он предлагал внести изменения в существующую систему смотров. «Чем выше начальник, тем крупнее части он должен смотреть. Командиры частей

¹ Зашук И.И. Заметки из строевой службы. СПб., 1908. С. 56.

² Х. Мысли вслух. Дисциплинарная власть портупей юнкеров // Братская помощь. 1910. № 4. С. 32.

³ Белявский И. Национальная болезнь // Братская помощь. 1909. № 20. С. 44.

смотрят роты и батальоны, командиры бригад – батальоны и полки, начальники дивизий – полки и бригады»¹. Выполнение данной меры, по мнению И. Белявского, искоренит практику, когда начальство всех степеней смотрели одну только роту, а тактическая подготовка батальонов и полков оставалась им не известной.

Изменения необходимы и в положении об обучении нижних чинов. Автор заметки хотел предоставить начальную школу полностью в ведение командира части и его помощников. Остальным же высшим начальникам не вмешиваться в строевое дело, а весь свой опыт направить на совершенствование исключительно полевой подготовки.

Таким образом, автор призывал не забывать тех заветов, которые оставили Ф.Ф. Радецкий и М.И. Драгомиров. Первый в период Кишиневского сидения ни разу не смотрел полков, в то время как другие смотрели свои корпуса поротно, а М.И. Драгомиров учил: «чем выше начальник, тем более должен думать не о том, чтобы смотреть, но о том, чтобы от смотров воздерживаться»².

Флигель-адъютант А.И. Дрозд-Бонячевский считал, что непосредственным воспитателям солдата и его души выступают не командир эскадрона и тем более полка, а младшие офицеры. Проблема, по его мнению, заключалась в том, что они находятся слишком далеко от обыденной жизни нижнего чина. Между тем поучительными беседами и разговорами младшие офицеры могли бы развить у подчиненных боевой дух и воинскую доблесть³.

От военного начальника А.И. Дрозд-Бонячевский требовал наличие сильной воли, авторитета, строгости и поощрения. В деле нравственного воспитания подчиненных самое решающее значение придавал проверке исполнения приказаний, а также контролирование начальником всех отраслей службы обучения и внутреннего порядка.

Богаты практическими рекомендациями идеи Архипова. Он предложил

¹ Белявский И. Засилье начальной муштры // Военный мир. 1912. № 2. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Дрозд-Бонячевский А.И. Нравственный элемент как основа управления, воспитания и обучения // Военный сборник. 1907. № 11. С. 139-158.

отнять власть наложения взыскания от тех лиц, против которых совершен проступок и от тех начальников, которые его заметили. Автор предлагал несколько вариантов институтов на выбор, которым можно передать право налагать взыскания на виновных. Такие полномочия Архипов был готов передать командиру и офицерам роты, командиру и офицерам другой роты или специальному дисциплинарному суду. В последнем все члены имеют право одного голоса, причем проступок, замеченный поручиком, рассматривается хотя бы тремя лицами в том же чине или же штабс-капитаном – тоже тремя лицами в том же чине штабс-капитана.

Автор также считал необходимым пересмотреть и меры взыскания. Для рядовых и ефрейторов хотел внести замечания, выговоры, уничтожить аресты и постановку под ружье. То есть те наказания, которые на его взгляд унижали прежде всего личность воина. Если замечания и выговоры не действуют на офицера, то ему не место на службе, и он должен с нее уйти, считал Архипов.¹

Полномочия рассмотрения жалоб из войсковых частей Архипов предложил передать в ведение военно-судебным учреждениям. Подобная мера приведет к тому, что все подписанные прошения будут учитываться и порядка в частях станет больше. Из XIII главы устава автор хотел исключить денежные взыскания, которые приходится производить начальникам. «Все эти дела следует передать в гражданский суд, поскольку свои личные дела он должен решать вне войсковой части, и нельзя втягивать в свои личные проблемы начальство»².

Для поднятия нравственности среди нижних чинов автор предлагал создать организацию на подобие суда общества офицеров, состоящую из унтер-офицеров и рядовых. В их ведение он хотел передать все проступки, связанные с воинской честью. Редакция журнала «Братская помощь» к подобным предложениям отнеслась скептически. Полагая, что отнятие от прямого начальника дисциплинарной власти (то есть право карать виновных и поощрять достойных) и передача в руки посторонней коллегии данного права может привести к потере

¹ Архипов. Дисциплина и нравственность // Братская помощь. 1909. № 9. С. 8.

² Там же. С. 13.

престижа и авторитета начальника в глазах подчиненных.

Иначе видел образ воспитателя генерал-майор В.П. Голосов. Он призывал, чтобы воспитатель был внимательным к солдатам, любил их как младших братьев, говорил с ними на доступном для них языке. По мнению автора, вся система воспитания в частях должны быть основана на личном примере воспитателя, поэтому офицер должен быть наглядным носителем патриотизма. Он должен быть предан Отечеству и готов пожертвовать ради него своими интересами, должен быть примером и образцом выносливости, должен любить свою часть и чтить свое знамя. Эти действия, по мнению генерал-майора, должны увлечь остальных и развить в них патриотические чувства¹.

Солдат же должен не только понимать свой маневр, как завещал А.В. Суворов, но и быть религиозным, нравственным, беззаветно любящим свою Родину, преданный своему государю, уважать и любить родных, близких, часть, быть выносливым, храбрым и мужественным².

В.П. Голосов один из первых вслед за М.И. Драгомировым обратился к нравственной составляющей офицера-воспитателя. Однако его предложения свелись к подробному раскрытию идей М.И. Драгомирова. Методы формирования у военнослужащих набора этих качеств остались за рамками исследования В.П. Голосова.

Среди средств, применяемых при воспитательной работе, активно использовались пропаганда, агитация и средства массовой информации. В основе устной пропаганды лежало живое слово. «Я знакомился со своими офицерами на служебной работе, ездил сам в манеже, целыми часами присутствовал на конных и пеших занятиях, - вспоминал свою службу в бытность полковым командиром В.А. Сухомлинов, - а затем с моими сослуживцами отправлялся завтракать в собрание. Вечером собирал офицеров у себя или в полковом собрании, где устраивал военную игру и тактические сообщения, после которых мы продолжали частную беседу. Вскоре офицерский состав принял приветливый вид. Это

¹ Голосов В.П. Строевой офицер - воспитатель и учитель. М., 1909. С. 19.

² Там же. С. 21.

сказывалось ясно во всем: во внешности, одежде, манерах, общем настроении»¹.

В схожем ключе высказывался и генерал-лейтенант А.В. Самсонов, настаивавший о необходимости тесного, постоянного, доверительного общения между начальником и подчиненными. «Лучшим средством достигнуть этого единения - служат беседы»². Значительная часть офицеров поддерживали А.В. Самсонова, активно используя беседу в воспитательной работе. Например, на 30 «беседах по развитию нижних чинов в религиозно-нравственном отношении»³ участвовали солдаты и унтер-офицеры 1-ой искровой роты.

Таким образом, представители военных академий (за исключением М.И. Драгомирова), фактически отстранились от дискуссии, считая, что значение личности командира в достижении победы – слишком субъективна и трудноизмерима. Для основной массы передовой офицерской общественности («практиков» военного дела) идеальным офицером-воспитателем был не тот, кто обладает определенным набором морально-нравственных качеств, а лишь тот, кто обладал широким набором полномочий и мер дисциплинарного воздействия.

Основная масса работ, раскрывающих проблемы нравственного воспитания офицерского корпуса русской армии, посвящена проблеме воинской дисциплины. Анализ нормативно правовых актов, трудов военных теоретиков, а также работ передовой офицерской общественности показывает, что сущность понятия «воинская дисциплина» была объектом споров и открытых дискуссий.

Первые попытки изменения законодательства в области воинской дисциплины были вызваны эволюцией военного дела, применением новых видов оружия и закономерным повышением требований к профессиональным и личным качествам бойца. Все чаще в военной среде можно было услышать мнения о необходимости проявления у военнослужащих в бою таких качеств как инициатива и самостоятельность, о целесообразности использовать в процессе обучения не столько устрашение, сколько воспитание через разъяснение и объяснение. Однако этот длительный процесс значительно тормозился наличием

¹ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин: Рус. универс. изд-во, 1924. С. 233.

² Приказы по войскам Туркестанского военного округа. № 310. Ташкент, 1909. С. 122.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж док ф Оп 22/577 Д. 2668. Л. 10 об.

устаревшей нормативно-правовой базы.

На момент проведения военной реформы 1874 г. в Российской империи вопросы воинской дисциплины регламентировал Устав дисциплинарный 1869 г.¹ В нем под воинской дисциплиной понималось «точное и беспрекословное исполнение приказаний начальства, строгое соблюдение чинопочитания, сохранение во вверенной команде порядка, добросовестное исполнение обязанностей службы и неоставление проступков и упущений починенных без взыскания»². Устав носил демократический характер, предписывал начальнику избегать неоправданной строгости к подчиненным и поддерживать в каждом из них высокое чувство воина, защитника Престола и Отечества от внешних и внутренних врагов³.

Несмотря на демократизм устава и наличие определения понятия «воинская дисциплина», отдельные положения устава в военной среде вызывали разную трактовку, что приводило к спорам и дискуссиям.

Особенно остро эта тема стала обсуждаться после русско-японской войны 1904-1905 гг., когда даже в официальных документах отмечалось увеличение количества преступлений против воинской дисциплины⁴. Принятие манифеста от 17 октября 1905 г. нисколько не затормозило этот процесс. Офицеры Читинского военного склада отказались отвечать на вопрос о том, кто из них является членом союза военнослужащих, посчитав, что в соответствии с манифестом это их законное право⁵. По данным Военного министерства за 1909 г., наиболее частыми преступлениями среди нижних чинов были кража и нарушение воинского чинопочитания. Они были совершены 12765 раз⁶.

Ряд военных теоретиков попытались сформулировать на их взгляд слабые

¹ Свод военных постановлений 1869 года. Кн. 22-24. Воинский устав о наказаниях. Устав дисциплинарный. Устав военно-судебный. Петроград, 1915. 407 с.

² Дисциплинарный устав с изложением законодательных соображений на которых он основан, относящихся к нему приказов по Военному ведомству и циркуляров Главного штаба. Варшава, 1872. 24 с.

³ Там же.

⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. Фонд. Оп. 22/380. Д. 2368. Л. 23.

⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 6. Оп. 29. Д. 558. Л. 397.

⁶ Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1909 г. Отчет о состоянии военно-учебных заведений. СПб., 1911. С. 69.

стороны существующего дисциплинарного устава и выявить практические рекомендации для его улучшения. Как, например, некто Архипов¹. Поводом для его статьи стала деятельность Комитета по образованию войск, который в 1908 г. издал проблемные темы, над которыми работал. Среди них были вопросы о дисциплине в войсках и их нравственном воспитании. Поскольку срок для их принятия давно прошел, а результатов работы не было, автор решил остановиться на этих вопросах более подробно.

Архипов считал понятия дисциплины и нравственности неотделимыми друг от друга. Автор был убежден, что ныне действующий в русской армии дисциплинарный устав 1888 г. не вполне согласован с нравственными запросами человека. Во всем виноват закон, сковавший волю исполнителей. Архипов подробно останавливался на тех статьях Дисциплинарного устава, которые, на его взгляд, следует изменить. Мера «точно и беспрекословно исполнять приказания начальства» приводила, по его мнению, к отмиранию у подчиненного смелости, самостоятельности, чувства собственного достоинства. Способность самостоятельно рассуждать атрофируется, а мозг отупляется², - считал Архипов. Начальник же наоборот начинает верить в свою безусловную непогрешимость.

Следующая мера Устава о добросовестном исполнении обязанностей службы, по мнению военного, не сочеталась с беспрекословностью, «поскольку добросовестное исполнение возможно только тогда, когда нравственные устои человека велики по духу»³, но беспрекословность убивает все нравственные зачатки. «Неоставление проступков и упущений подчиненных без взыскания» приводит к тому, что начальник стал только карать, когда прежде всего он должен учить»⁴.

Автор считал, что если военный уверен, что может сделать, то он должен делать, но если он не чувствует себя способным к этому, то должен отказаться от выполнения задания. В противном случае все будет исполняться «на авось» и кое-

¹ Архипов Дисциплина и нравственность // Братская помощь. 1909. № 9. С. 1-13.

² Там же. С. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 8.

как.

Для того чтобы начальник без помощи палки, а нравственным воздействием своей личности, развил в подчиненных все хорошие качества, нужно изменить определение понятия дисциплинарного взыскания. В соответствии с 8-ым параграфом, «дисциплинарное взыскание есть наказание, налагаемое без суда властью начальника». Подобная трактовка очень субъективна, как и требования к личности начальника»¹. Более конкретное определение, по мнению автора, поможет избежать излишней строгости начальников.

Тему введения поправок в дисциплинарный устав продолжил Пушкарь. Автор сравнивает определения понятия «дисциплинарное взыскание», указанные в Воинском и в Дисциплинарном уставах. Он заметил, что в журнал взысканий вносятся лишь замечания и выговоры, объявляемые письменно, а объявляемые словесно не вносятся в названный журнал. Военный выступил с инициативой, чтобы командиры полков проверяли дисциплинарные журналы не 2 раза в год, как этого требует 92 ст. дисциплинарного устава, а ежемесячно, и ставили свою личную подпись².

Одним из первых к теме военной дисциплины обратился неизвестный автор в статье «Дисциплина пехотных движений», отмечал низкий уровень дисциплины в войсках при дальних переходах. Для улучшения дисциплины он предлагал следовать рекомендациям М.И. Драгомирова и руководящим начальникам идти не впереди колонны, а позади ее, контролируя своих подчиненных³. Однако подобная публикация была единственной.

Основная дискуссия среди военных теоретиков развернулась по вопросу об эффективности применения дисциплинарных наказаний в армии. Первым, кто предостерегал от злоупотребления дисциплинарными взысканиями в силу их слабой эффективности, был некто, скрывающийся под инициалами Ф.С. На его взгляд результативнее в отношении провинившихся использовать разъяснение,

¹ Арихипов Дисциплина и нравственность // Братская помощь. 1909. № 9. С. 12.

² Пушкарь. Непоследовательность в уставе дисциплинарном // Офицерская жизнь. 1909. № 169. С. 1023.

³ Х Дисциплина походных движений // Разведчик. 1894. № 194. С. 194.

объяснение и нравственное воздействие¹.

Затем к теме военной дисциплины обратился военный юрист, профессор Александровской военно-юридической академии С.А. Друцкой². Вначале он отметил низкое состояние дисциплины в войсках после русско-японской войны 1904-1905 гг. и рассмотрел историографию вопроса. Он пришел к выводу, что под дисциплиной понимается воспитание, поэтому для улучшения дисциплины необходимы воспитательные меры³.

С.А. Друцкой выделяет основные кризисные тенденции в системе военного воспитания. Во-первых, отсутствие жизненного опыта и системных знаний в области воспитания у молодых офицеров. Старший офицер контролирует младшего, но не в деле воспитания, так как воспитание складывается из множества мелочей, которых старший офицер попросту не замечает. Кроме этого, старший получил такую же подготовку, как и младший офицер, и сам мало разбирается в вопросах воспитания. С.А. Друцкой заключает, что «каждый воспитывает в меру своего разумения, а проверка методов будет в бою ...»⁴.

Вторым недостатком автор считал систему смотров, которая развращала солдат и офицеров. Каждый лишь хотел создать хорошее общее впечатление о себе, а не овладеть воинским искусством. Третьим и наиболее важным недостатком С.А. Друцкой считал систему двойных стандартов для подчиненных и начальников, где дисциплина существует только для подчиненных, но не для начальников⁵.

Реформаторам, согласно С.А. Друцкому, улучшение дисциплины следует начать не с усиления строгости наказания, а «с установления в законе самого понятия дисциплины и подготовки начальствующего персонала, способного

¹ Ф.С. Взгляд на дисциплину // Разведчик. 1896. № 312. С. 878.

² Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград: воен. тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 855.

³ Друцкой С.А. Военная дисциплина и способы к ее улучшению // Разведчик. 1905. № 786. С. 852-856; Друцкой С.А. Военная дисциплина и способы к ее улучшению // Разведчик. 1905. № 787. С. 874.

⁴ Друцкой С.А. Военная дисциплина и способы к ее улучшению // Разведчик. 1905. № 787. С. 876.

⁵ Лазарев К.В. Воспитательные аспекты армейской подготовки в военной публицистике конца XIX – начала XX веков // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 46-51.

усвоить ее сущность, и дисциплинировать себя, привить затем ее элементы подчиненным»¹.

В схожем ключе написана и публикация о понятии дисциплины. В ней автор приводил примеры курьезных и незаслуженных на его взгляд взысканий, когда нижние чины порой злоупотребляют своей властью. «Два раза вне очередь на службу за то, что невесело шел на песни – взыскание наложено фельдфебелем... Сделал узкую метелку – один раз вне очередь – отдельным начальником»². По мнению автора, подобными взысканиями руководители унижают себя, как начальника, поэтому необходимо отменить право наложения взысканий нижними чинами. Также автор считал необходимым отменить аресты, так как тот, к кому будет применяться эта мера, уже потерял всякий стыд, и мера не будет иметь действующего эффекта. Арест автор рекомендовал заменить такими взысканиями, как: постановка на вид, выговор и строгий выговор.

Против дисциплинарных взысканий выступал и известный военный педагог Н.Д. Бутовский. Он считал, что они не несут должного воспитательного эффекта, поскольку в большинстве случаев несправедливы³. Поднять нравственный уровень войск автор предлагал при помощи военных чтений, духовно-нравственных бесед и обсуждения содержания Евангелия и богослужения нижним чинам.

Решить проблему несправедливого наложения взысканий попытался А.И. Дрозд-Бонячевский. Он считал, что главными помощниками начальника в деле воспитания подчиненных должны выступать вахмистр и унтер - офицеры. Чтобы они не превышали свои полномочия, необходимо обо всех взысканиях, налагаемых ими на подчиненных, докладывать начальнику для всестороннего разбора⁴.

¹ Лазарев К.В. Воспитательные аспекты армейской подготовки в военной публицистике конца XIX – начала XX веков // Военно-исторический журнал. 2016. № 4. С. 47.

² К. Г-ус. Поднятие дисциплины // Разведчик. 1907. № 855. С. 155-156.

³ Бутовский Н.Д. О способах обучения и воспитания современного солдата. СПб., 1893. С. 65.

⁴ Дрозд-Бонячевский А.И. Беседы с кандидатом на эскадрон. СПб., 1904. С. 50.

Генерал-майор К.И. фон Торклус¹ для улучшения дисциплины новобранцев предложил устраивать учителями в сельских школах подпрапорщиков, прослуживших 12 лет и имеющих хорошие рекомендации от начальства².

Некто Ф.И. призывал не сводить все дисциплинарные недочеты только к низу армии, а обратить внимание на средние и высшие слои. По мнению автора, наблюдается падение дисциплины в среде офицерского корпуса, и это гораздо важнее, чем упадок дисциплины нижних чинов³.

Автор выделил несколько причин этого процесса. Во-первых, упадок нравственности в народе, связанный с отрицанием власти и авторитета старших. «Новобранцы, лишённые нравственных устоев воспитания, не привыкшие к повиновению старшим, по мнению автора, уже не поддаются исправлению и воспитанию. Понятия о воинском долге и дисциплине им чуждо»⁴. Второй причиной падения дисциплины в офицерской среде Ф.И. считал несправедливые условия воинской службы. «Некомпетентный состав строевых начальников, несправедливое продвижение по службе и назначение на должности командиров полков лиц, которые почти никогда не служили в строю»⁵.

С позицией Ф.И. о необходимости поднятия дисциплины полностью согласился другой военный на страницах Офицерской жизни. Однако он не свел весь свой анализ к поиску причин падения дисциплины, а сформулировал ряд готовых практических рекомендаций⁶.

Автор предложил исключить из срока обязательной службы нижних чинов время, проведенное в тюрьмах и под арестом, а также время, проведенное нижними чинами в госпиталях, лазаретах и больницах, если такой срок будет превышать 4 месяца. По мнению автора, данная мера поможет избежать симулянтов, которые под предлогом плохого самочувствия захотят отдохнуть в

¹ Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. Петроград, 1914. С. 304.

² Торклус К.И. Понятие дисциплины // Разведчик. 1909. № 968. С. 283-284.

³ Ф.И. Упадок дисциплины // Разведчик. 1910. № 1022. С. 326.

⁴ Там же. С. 327.

⁵ Там же.

⁶ Саидронуца. Упадок дисциплины // Офицерская жизнь. 1910. № 234. С. 2004-2006.

лазарете.

Кроме этого, он хотел увеличить на одну степень дисциплинарную власть строевых начальников до корпусных командиров включительно. Ротный командир должен обладать полной властью по наложению дисциплинарных взысканий на свои нижние чины, а в мирное время она принадлежит почему-то начальнику дивизии. Получается казус, не только ротный командир, но и командир полка не может сказать своему унтер-офицеру «я тебя произвел, я тебя и разжалую»¹. А начальство будет винить в этом отсутствие в роте внутреннего порядка.

Автор также предложил предоставить право генералам и штаб-офицерам строевых частей налагать дисциплинарные взыскания на подчиненных им офицеров, чиновников, военных врачей и нижних чинов в случае явного ими нарушения дисциплины. Подобные меры, по мнению военного, помогут прекратить случаи небрежного отдания чести с их стороны и свободы в форме одежды.

Нижние чины, нарушившие дисциплинарный устав, автор предложил использовать «хотя бы на подобии арестованных рот для строительства казенных валовых работ, как бесплатную рабочую силу. Тогда нижние чины не будут с первых дней рваться попасть в дисциплинарные части и не работать»².

Среди мер поощрения автор заметки предложил усилить наказания для нижних чинов за нарушение дисциплины. Наградить грамотами нижних чинов, которые за время службы не подвергались дисциплинарным наказаниям. «Для будущих командиров отдельных частей установить более длительные цензы по командованию ротами и не допускать к этим должностям офицеров воспитателей и других лиц почти не служивших в строю. Изъять строевые части из подчинения нестроевым лицам. Упразднить ношение погон чинами полиции, брандмейстерами, военными врачами, чиновниками военного ведомства, капельмейстерами»³.

Близка по общему смыслу и публикация автора, скрывающегося под

¹ Саидронуца. Упадок дисциплины // Офицерская жизнь. 1910. № 234. С. 2004.

² Там же. С. 2005

³ Там же. С. 2006.

псевдонимом Ор-ф, который призывал с особой осторожностью относиться к наложению взысканий, оскорбительных для чувства личной чести. Автор предостерегал, что «злоупотребление арестом может довести до того, что офицер махнет рукой на все»¹. Количество дисциплинарных взысканий в части никак не связано с нравственным уровнем этой части, а вот взгляды на честь и самолюбие офицеров сильно отличаются.

Развернуто и аргументированно, по вопросам дисциплины изложена позиция Н. Морозова². Он отмечал, что после войны с Японией каждый говорит о необходимости дисциплины в войсках. Действия таких людей, которые сводят всю дисциплину к ее внешнему проявлению, не имели противоположного эффекта, считал автор. Служение личности, а не закону, акцент на внешность, а не на внутреннюю сторону дела – все эти явления чуждые русскому человеку и занесены иностранцами³. «Строгие меры дисциплинарного воздействия могут привести к грубому отношению с подчиненными, а значит и к отсутствию у них инициативы, так необходимой для победы на войне. Если взыскания будут несправедливы, то тот, кто будет подвергнут взысканию, будет встречать в своей среде не осуждение, а поддержку. Значит, исчезнет и само взыскание»⁴.

Главную задачу системы военного воспитания мирного времени Н. Морозов видел в воспитании у военнослужащего «привычки исполнять требования закона, не боясь самой смерти»⁵, но именно закона, а не личных прихотей начальника. Любая работа, даже самая чистая, - считал автор, будет в тягость и вызывать отторжение у подчиненного, если она не закреплена в уставе, а диктуется личными интересами начальника, и наоборот. Даже самая грязная и непривлекательная работа не будет вызывать отторжения, если она справедлива и законна.

¹ Ор-ф. О дисциплинарных взысканиях, налагаемых на офицеров // Разведчик. 1910. № 1001. С. 11.

² Морозов Н. Дисциплина и дисциплина // Разведчик. 1911. № 1095. С. 668-671; № 1096. С. 682-684.

³ Морозов Н. Дисциплина и дисциплина // Разведчик. 1911. № 1096. С. 683

⁴ Там же. С. 682

⁵ Там же. С. 669.

Идейно близок с Н. Морозовым был Н. Короновский. Он считал, что дисциплина должна основываться на справедливости, гуманности и законности. Она должна касаться всех, как начальников, так и подчиненных. Автор уверен, что страхом и унижением чувства собственного достоинства дисциплины в войсках не достичь¹. Существенных практических рекомендаций, как и Н. Морозов, автор не давал.

Однако не следует считать, что единственной точкой зрения по вопросу о дисциплине был курс на снижение дисциплинарных взысканий в частях. Безрезультатность существующих взысканий в отношении нижних чинов доказывал А.К. Ясевич. Однако, он наоборот считал их слишком мягкими. Военный отмечал, что нижний чин, отсидевши под арестом, «еще больше распускается и превращается из прежнего довольно исправного солдата в солдата – лодыря, отсидевшего свое»². В доказательство своей правоты он приводил данные статистики: только 5% из солдат, отсидевших под арестом, испытывали чувство вины, остальные отбыли свое и хорошо отдохнули.

Ротный командир, проводящий дольше всех времени рядом с ротой, должен быть хозяином, полагал А.К. Ясевич. Однако в соответствии с дисциплинарным уставом командир не обладает всей полнотой власти. Во-первых, командир мог запрещать нижним чинам отлучаться из казармы до одного месяца, однако уличить в этом личный состав было сложно. Во-вторых, командир обладал правом назначать не в очередь на службу или на случавшиеся по роте работы до 8-ми нарядов, то есть несколько раз подневалить или подежурить. «Но после фельдфебеля дежурный по роте - первое лицо... Не думаю, что за проступок нужно предоставлять почет. Кроме этого, учитывая малочисленность роты, количество нарядов достаточно велико, поэтому повинившийся будет нести службу почти одинаково с остальными»³, - полагал автор. В-третьих, ротный командир может подвергаться простому аресту до 5 суток, но арест без

¹ Короновский Н. Дисциплина и дух // Офицерская жизнь. 1913. № 46(396). С. 656-660.

² Ясевич А.К. О дисциплинарных взысканиях налагаемых на нижних чинов // Офицерская жизнь. 1910. № 234. С. 2005.

³ Там же.

исполнения служебных обязанностей - это отдых, а одиночество и голые нары не слишком строгое наказание, считал А.К. Ясевич.

Строгий арест до 5 суток, по мнению А.К. Ясевича, тоже не самая страшная мера для нижних чинов. «Карцер – светлый, отпускается хлеб, соль, вода и чайное довольствие»¹. Кроме этого, карцер находится внутри караульного помещения, а «караульные свои люди, и обязательно дадут ложку каши и похлебать суп. Только мясную порцию он получит через два дня вот и все»².

Даже усиленный арест до двух суток в темном карцере и без чайного довольствия А.К. Ясевич воспринимал как приятное время препровождения для нижнего чина, где хорошо спится³. Какие меры воспитательного воздействия должны были применять офицеры к нижним чинам, чтобы они были по-настоящему эффективны, А.К. Ясевич не указывал.

Идеи А.К. Ясевича нашли сторонников. В схожем ключе высказывался и В.И. Короткевич, предложив усилить власть ротного командира и даже дать ему право налагать взыскания на неподчиненных ему лиц⁴.

Наиболее радикальные меры предложил О. Судьбинин⁵. Автор жаловался на недостаточность мер взысканий на подчиненных и равнодушие к ним нижних чинов. «Ну что под арест, так под арест, отдохну, не буду мокнуть под дождем или мерзнуть на морозе, - говорит нижний чин, отправляясь на высидку»⁶. Наиболее чувствительным наказанием автор считал постановку в полной боевой амуниции под ружье, но согласно 19 статье дисциплинарного устава, оно возможно, только если содержание под арестом окажется невозможным.

Поэтому О. Судьбинин предложил, как более эффективную меру воздействия, создать штрафованные (порочные) команды для порочных нижних

¹ Ясевич А.К. О дисциплинарных взысканиях налагаемых на нижних чинов // Офицерская жизнь. 1910. № 234. С. 2005.

² Там же.

³ Там же. С. 2006.

⁴ Короткевич В.И. Назойливая мысли. Дисциплина вниз // Офицерская жизнь. 1910. № 234. С. 2142.

⁵ Судьбинин О. Дисциплинарные взыскания // Разведчик. 1912. № 1139. С. 571-572.

⁶ Там же. С. 571

чинов¹. В них по проекту должны были переводиться нижние чины, неоднократно привлекавшиеся к дисциплинарным взысканиям по решению ротного командира. В таких командах автор предложил ввести более строгие, чем по уставу, условия службы: сократить свободное время, лишить некоторых внешних знаков отличия (погона или кокарды) и даже присвоенного звания. Увольнение в запас армии по выслуге лет не производить до исключения из штрафной команды.

Критика обучения профессиональной подготовки нижних чинов продолжилась, однако, она не всегда была объективной, и в конечном итоге многое зависело от конкретного офицера-воспитателя.

Системность в профессиональной подготовке унтер-офицеров прослеживалась в контроле над качеством обучения² и в строгих испытаниях при подборе кандидатов на должности, с которыми справлялись не все. Унтер-офицеры, оставшиеся на сверхсрочной службе, могли продолжить обучение в школах подпрапорщиков, где они могли стать «инструкторами по обучению нижних чинов ... и ближайшими помощниками офицеров по воспитанию солдата»³. Конечным результатом обучения должно было стать формирование «вполне законченного воспитания, выучки, выправки каждого чина»⁴.

В то же время, как справедливо отмечали прогрессивные офицеры, единой концепции обучения нижних чинов не было. Первые методические занятия под руководством командиров батальонов с унтер-офицерами стали проводиться только после начала военных реформ 1905-1912 гг.⁵ Будущие воспитатели изучали такие предметы как фехтование, строевую подготовку, порядок выполнения служебных обязанностей, гимнастику и беседы по уставам.

Как свидетельствуют приказы по военному ведомству, эффективность этих занятий не всегда была высокой. Член комиссии по разработке нового

¹ Судьбинин О. Дисциплинарные взыскания // Разведчик. 1912. № 1139. С. 572.

² Приказ по Военному ведомству № 324 от 1911 г. // О подготовке унтер-офицеров ... СПб., 1911 С. 232.

³ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. Фонд. Оп. 14/3. Д. 2642. Л. 132 об.

⁴ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. Фонд. Оп. 1/3. Д. 2760. Л. 121.

⁵ Архив ВИМАИВ и ВС. Инж. док. Фонд. Оп. 22/582. Д. 2673. Л. 2.

постановления по гимнастике¹ в личном письме князю М.М. Андронникову указывал на отсутствие профессионалов «практиков» в составе комиссии и эффективность нового Постановления ставил под большое сомнение². В 1907 г. при инспекции Киевского, Виленского, Одесского и Варшавского военных округов генерал-инспектор А. Зарубаев выявил серьезные нарушения в работе командиров с унтер-офицерами. В методике преподавания, он отметил бессмысленное заучивание положений, без должного осмысления информации³. В конечном итоге многое зависело от конкретного начальника части.

Предложения и мысли А.К. Ясевича, В.И. Короткевича и О. Судьбина вызвали шквал критики. А. Ергольский обвинил О. Судьбина в «непрофессионализме и незнании военных уставов»⁴. Автор напомнил о 56 статье дисциплинарного устава. Последняя, «превышает пределы власти каждого начальника до власти командира полка в отношении рядовых, и даже начальника дивизии в отношении унтер-офицеров»⁵. Автор не согласен с мнением, что нижние чины могут быть равнодушны к аресту, запрету покидать казарму и к лишению звания.

Затем А. Ергольский, опираясь на статьи дисциплинарного устава, четко разграничивает понятия «наказание» и «взыскание». Он напоминает, что проступки подчиненных не должны оставаться без внимания, но следует быть осторожным при назначении дисциплинарных взысканий (XXIII, 60 и 61) и не превышать свои полномочия (VII, 17). Только в случае открытого неповиновения начальник обязан принудить к повиновению силой оружия – (XXIII, 5)⁶. «Нигде в законе вы не отыщете указания на то, чтобы начальник имел право наказывать своих подчиненных (то есть исправлять их)»⁷. Власть начальника ограничена дисциплинарным уставом, в котором не встречается слово наказание.

¹ РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 40.

² РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 606. Л. 2.

³ Приказ по Военному ведомству февраля 19-го дня 1907 года № 106 // О степени подготовки молодых солдат ... СПб., 1913 С. 102.

⁴ Ергольский А. Дисциплинарные взыскания // Разведчик. 1912. № 1146. С. 689-690.

⁵ Там же. С. 689.

⁶ Там же. С. 690.

⁷ Там же. С. 689.

А. Ергольский считал, что нужно воспитать высокое положение воина, а не чувство стыда у подчиненных¹.

На этом критика сторонников муштры не закончилась. М.А. Левитский осудил тех военнослужащих, которые призывали к формированию у подчиненных страха пред наказанием и к необходимости отслуживать время, проведенное под арестом. Как, например, некто А.Г.В в № 201 «Офицерской жизни». По мнению М.А. Левитского, наказывать нижних чинов службой недопустимо. Такие меры не только не смогут поднять нравственный уровень в армии, но и унижат нижних чинов. Получается, что исполнение служебных обязанностей, как служба внеочередь или постановка нижних чинов под ружье, должно вызывать у солдат чувство стыда, а солдат должен любить свою винтовку².

Генерал-лейтенант Д.В. Баланин, начальник 18-й пехотой дивизии³, также не согласился с идеями, высказанными А.К. Ясевичем и В.И. Короткевичем на страницах «Офицерской жизни». Он считал, что меры воздействия нужно применять с толком, избегать «таких наказаний, которые оставляют горькие воспоминания на долгое время и могут служить предметом насмешек и издевательств товарищей»⁴. Автор отмечал, что существуют полярные взгляды на взыскания на офицеров. Есть такие начальники, которые с удовольствием строго карают даже за незначительные проступки. Другие считают, что применение к офицерам ареста – не подходящее и обидное для них наказание. Д.В. Баланин предложил в отношении офицеров аресты заменить замечаниями и выговорами в различных формах, которые будут учитываться при годовых аттестациях. Арест применять, в крайнем случае, когда поступок негативно повлиял на окружающих⁵.

Я.У. Шишко отмечал, что ошибаются те начальники, которые думают, что для поддержания дисциплины нужна особая строгость, бессердечие, аресты для офицеров. Автор был убежден, что все зависит от начальника. Где нужно он

¹ Ергольский А. Дисциплинарные взыскания // Разведчик. 1912. № 1146. С. 690.

² Левитский М.А. О наказаниях // Офицерская жизнь. 1910. № 233. С. 2007-2008.

³ Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. - Петроград: воен. тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914. С. 228.

⁴ Баланин Д.В. наброски из военной жизни // Разведчик. 1913. № 1178. С. 329.

⁵ Там же. С. 329.

должен быть настойчивым, где нужно, - разумно строгим, где-то отечески заботливым и всегда и везде быть справедливым начальником и человеком¹.

В схожем ключе высказывался А. Дацевич, считавший, что никакие строгие дисциплинарные меры не искоренят проступки до тех пор, пока существуют его причины. Автор обращал особое внимание на форму применения взысканий, поскольку существующие взыскания, по его мнению, часто заменяются начальниками на их собственные, незаконные, ими самими придуманными. Поэтому для улучшения системы воспитания в частях необходимо не допускать превышение полномочий начальника, которые должны помнить, что главное достоинство воспитателя - добрый пример².

Некто Патрон выступил с критикой публикации, напечатанной в Офицерской жизни № 1161, в которой указывалось, что распоряжение о запрете применения карцера еще преждевременно³. Автор не согласен с подобным утверждением. Основываясь на личном опыте, он считал, что наличие карцера никак не может повлиять в лучшую сторону на уровень подготовки выпускников кадетского корпуса, а хорошему «воспитателю карцер вовсе не нужен»⁴.

Некто Старый кадет также выступал за отмену карцера. Он отмечал, что розги и карцер были злом наших военно-учебных заведений. После карцера сразу уходили на лечение от простуды. Карцер имел значение исключительно как наказание физического воздействия, но не как моральное⁵.

О необходимости избегать наказания карцером говорил и А.И. Дрозд-Бонячевский. Однако свою позицию он аргументировал тем, что все обязанности ложатся на ничем не провинившегося товарища, между тем как правонарушитель ничего не делает и преспокойно отдыхает в своем заточении⁶.

¹ Шишко Я.У. Чем поддерживается дисциплина // Офицерская жизнь. 1914. № 2. С. 18-24.

² Дацевич А. Несколько слов об образовании и воспитании солдат // Военный сборник 1880. № 5. С. 92-98.

³ Патрон. Нет, не преждевременно // Разведчик. 1913. № 1167. С. 163.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Старый кадет. Отмена карцера в кадетских корпусах // Офицерская жизнь. 1913. № 1(351). С. 2-3.

⁶ Дрозд-Бонячевский А.И. Беседы с кандидатом на эскадрон. - СПб.: тип. главного управления уделов, 1904. С. 50.

Ряд исследователей указывали на тот огромный нравственный вред, который таится в чрезмерном увлечении наказаниями в отношении офицеров. Автор, решивший остаться неизвестным, в статье «Разрушение дисциплины»¹ обратил внимание на изменения в воспитании, введенные в русской армии после русско-японской войны 1904-1905 гг., и проанализировал негативные последствия этих изменений.

По мнению автора, после русско-японской войны 1904-1905 гг. общепризнанной стала идея о низком состоянии дисциплины в войсках. Для ее улучшения усиливаются дисциплинарные взыскания, и по их численным показателям судят об эффективности работы начальства. В заметке приводилась следующая статистика: из 35 офицеров, количество взысканий за год колебалось в размере 120 - 250². «Неудержимый поток дисциплинарных взысканий совершенно уничтожил их нравственно-воспитательное значение, так как даже люди самолюбивые настолько к ним привыкли, что приказы с целым рядом взысканий никакого действия уже не производили, вызывая в офицерских кружках лишь смех и большую озлобленность против всех начинаний начальства, без всякого разбора карающего всех и за всякий пустяк»³.

«Получилась странная двойственность, при которой для верхов требования оставались минимальными, а для низов принимались самые суровые воздействия не только за маловажные проступки, но и за незначительные упущения, не имеющие никакого существенного значения»⁴. Сложившееся положение дел, несправедливость вызывали не только недовольство у нижних чинов, но и наносили вред их нервной системе.

Другой негативной тенденцией после войны с Японией стала практика возложения ответственности за проступок подчиненного на всех начальников, которые порой при всем своем желании никак не могли предотвратить случившегося.

¹ Н. Разрушение дисциплины // Разведчик. 1914. № 1210. С. 16-19.

² Там же. С. 17.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 18.

Не меньший вред для армии наносила и необъективная система оценивания военнослужащих при назначении на высшие должности вне очереди или по старшинству, сознательное понижение на несколько степеней. Члены совещаний стали относиться к аттестации как к пустой формальности.

При видимом спокойствии офицеры стали относиться с усердием только к внешней стороне службы и отыгрывались на нижних чинах с особой жестокостью, что приводило к росту числа побегов из частей¹. Жалобы офицеров оставались без внимания, в то время как жалобы нижних чинов постоянно расследовались. «Во имя дисциплины совершался целый ряд несправедливостей, в действительности не поддерживающих, а разрушающих ее и подрывающую всякую веру в законность»². За одинаковые проступки зачастую бывала разная степень ответственности. «Благодаря всей этой системе ... наступила полоса уныния, до крайности вредно отражающаяся на службе. Всякая вера в законность стала исчезать»³.

Таким образом, по мнению автора, строгие дисциплинарные меры в армии привели к противоположным результатам, и вся система разлагающе воздействовала на офицерский корпус. Нижние чины которые, видя каждый день своих офицеров на гауптвахтах под арестом, утратили к ним свое уважение, авторитет и больше не доверяли им.

Чтобы не допустить разрыва между офицерами и нижними чинами, автор предлагал срочно признать ошибочность нововведений и перейти к законным отношениям, определенным 4 статьей дисциплинарного устава. Анонимный автор советовал не забывать, что взыскания должны соответствовать важности вины, начальник должен учитывать все обстоятельства дела, поведение виновного при исполнении службы и быть точно уверен в вине подчиненного (ст. 60-61 Устава). В статье давался совет не публиковать в приказах взыскания офицерам, а оставлять их в предписаниях и рассматривать все без исключения жалобы со

¹ Положение об обучении нижних чинов пехоты: Проект Выс. утв. 29 дек. 1901 г. Отд. 3: Занятия со старослужащими. СПб., 1911. С. 6.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 18.

стороны офицеров.

Тему несправедливого отношения к младшим офицерам продолжил известный военный писатель и боевой офицер Г.Г. Елчанинов. По его мнению, сложилась определенная двойственность, при которой к солдатам позволяется гораздо больше, нежели самим офицерам. На офицеров налагались взыскания за неправильное держание в строю шашек, за прогулку по улице с непродетым в вырез пальто эфесом шпаги и даже за поломку клинка шашки при учебном ударе о лозу. Подобная масса дисциплинарных взысканий, по мнению автора, «притупляет чувство чести, ломает сильные характеры, а натуры слабые, видящие в службе лишь кусок хлеба, окончательно калечатся»¹.

Автор отмечал, что в строю допустимо: поправлять стойку капитана, георгиевского кавалера руками, что строжайше запрещено в отношении к нижним чинам, залезать пальцем за воротник офицера для удостоверения, что он носит - галстук или отрез. Возможен повышенный тон при разговоре с штаб-офицером, что он должен потом вытирать лицо платком от брызг слюны начальника. Приемлемо в присутствии всего общества офицеров протягивание руки не нравящемуся офицеру, а затем, когда офицер по обязанности младшего и подчиненного уже протянул и свою руку, быстрое отдергивание руки за спину и поспешный уход в соседнюю комнату.

По мнению Г.Г. Елчанинова, если эти негативные факты военного быта не исчезнут, то стоит признать, что все «что нам с детства внушали в высоком и почетном значении воинского звания – вздор».² Недопустимость подобного поведения отмечал и полковник С.К. Белосельский-Белозерский, видевший в них «подрыв авторитета начальства» и разлагающее воздействие на армию в целом³.

Офицер Будкевич тоже полностью соглашался с коллегами. Он указывал на то тяжелое моральное положение, в котором оказывается офицер, помещенный на гауптвахту. Автор, будучи под арестом, не мог даже воспользоваться прогулками на свежем воздухе, потому что на него указывали пальцем и доносились крики

¹ Елчанинов Г.Г. Наложить взыскание // Разведчик. 1910. № 1022. С. 327.

² Там же. С. 328.

³ РГИА. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 48. Л. 11.

«офицер арестованный, а чтобы не убежал поставлены часовые»¹. Для консолидации армии и общества Будкевич предложил пускать офицеров на прогулку во двор гауптвахты без конвоя, когда там не гуляли бы нижние чины².

Тему выговоров и наказаний продолжил неизвестный автор на страницах журнала «Офицерская жизнь». Автор полагал, что офицер должен служить примером для нижних чинов, а дисциплинарные взыскания только подрывают престиж воинской службы. Эти наказания он хотел заменить словесным внушением от начальника части при собрании офицеров, то есть более узким кругом людей. Предупреждением об увольнении со службы (изложенном в специальном секретном предписании) и собственно удалением³. Будкевича поддерживал В. Самохвалов, выступивший против наложения незаслуженных арестов на офицеров⁴.

Часть исследователей занимали центристскую позицию. Не отрицая благотворное влияние дисциплинарных мер воздействия на провинившихся, они призывали к более грамотному их применению.

И. Белявский с одной стороны призывал облегчить меру дисциплинарной ответственности за ряд проступков, а с другой - разработал дополнительные меры дисциплинарного воздействия для нижних чинов. К первой такой мере он относит дослуживание за дни, проведенные под арестом. Автор уверен, что от подобного взыскания почетность службы нисколько не снизится. При кратком сроке службы каждый день для нее дорог, а те, кто уклонялись от службы, должны служить⁵. И. Белявский считал, что простой арест, как вид дисциплинарного взыскания, нужно отменить, поскольку тот практически ничтожен в материальном отношении. По мнению военного, арест будет иметь, свое благотворное значение только если будет применяться сразу после проступка. Поэтому необходимо обустроить в

¹ Будкевич. К поднятию офицерского престижа среди населения // Офицерская жизнь. 1913. № 17 (367). С. 270.

² Там же. С. 270.

³ Х. Дисциплинарные взыскания налагаемые на офицеров // Офицерская жизнь. 1913. № 43(393). С. 610-612.

⁴ Самохвалов В. Власть дисциплинарных // Офицерская жизнь. 1914. № 8. С. 116-117.

⁵ Белявский И. Основы дисциплины // Военный мир 1911. № 5. С. 6-8

частях дополнительные карцеры. Поскольку средств для этого в бюджете нет, то стоит отказаться от устройства общих карцеров для полка, а устраивать их отдельно для каждой роты, эскадрона, батареи, при их казармах¹.

И. Белявский уверен, что наибольшее значение имеет, не столько виды наказаний, сколько форма их наложения. Автор убежден, что при наказании необходимо толково разъяснить нарушителю его вину. Опираясь на свой личный опыт, считал, что ротный командир должен накладывать взыскания на нижние чины при всей роте, подробно объясняя всю пагубность проступка и указывая, как они должны были поступить. Тогда каждый проступок становится известен всей роте, и нарушители испытывают чувство вины и стыда, которые благотворно влияют на их исправление. Аналогично следует поступать, выражая благодарность за хороший поступок. По мнению И. Белявского, офицер должен быть светом в глазах солдат, поэтому публичное порицание офицеров-воспитателей в присутствии нижних чинов не допустимо.

Другой недостаток в системе воинского воспитания автор видел в несоответствии проступка со степенью дисциплинарного взыскания. Последнее приводило к тому, что солдат не понимает какой из проступков более серьезный: неотдание чести, из-за невнимательности на улице (12-15 суток ареста) или умышленное неисполнение приказаний начальства (5 суток ареста). В итоге наибольшим уважением в части пользуется тот начальник, который не отдает за преступления под суд, а ограничивается более мягким взысканием.

И. Белявский категорически не согласен с мнением, достаточно распространенным в армейской среде, что арест является отдыхом для нижних чинов и его моральное, воспитательное воздействие полностью отсутствует. «В подобных сообщениях о желанном отдыхе солдат нет ничего, кроме фальши и бравады»², считал автор.

Таким образом, И. Белявский уверен, что в вопросе о дисциплинарных взысканиях, нужны частичные изменения. Однако искать новые дисциплинарные

¹ Белявский И. Основы дисциплины // Военный мир 1911. № 5. С. 12-14.

² Там же. С. 14.

средства взысканий не стоит, нужно учиться разумно, использовать уже имеющиеся средства, указанные в дисциплинарном уставе.

Близки по общей мысли с позицией И. Билявского идеи другого военного, публикующегося под псевдонимом Радий. Автор связывал пробелы упадка дисциплины не с изменением общества, а с личностью начальника. «Где чаще начальник практикует мордобои или с неумеренной строгостью проявляет свою власть, там нарушение дисциплины, пьянство и преступления»¹.

Существующий порядок делает возможным проявление произвола под прикрытием дисциплинарной власти. Например, попасть на месяц под аресты за то, что не на месте пришит какой-нибудь крючок. По мнению автора, любые наказания неэффективны, потому что победа на войне зависит не от страха, а от долга.

Поэтому у ареста сохранилась лишь нравственная сторона наказания, а физическая отпала. Физических лишений нет, наоборот отдых от несения службы, в винт можно сыграть. Так неужели, чтобы наказать офицера, его нужно унижить перед подчиненными и подорвать его авторитет.

Автор полагал, что исправить положение может создание батальонного дисциплинарного суда для нижних чинов и полкового или дивизионного для офицеров. Начальнику он предложил оставить право назначать арест лишь как меру для восстановления насущного порядка в случае буйства, пьянства и предоставил ему также право делать подчиненному напоминания с внесением их в соответствующий журнал².

Интересна позиция Ф.К. Гершельмана. Причины упадка дисциплины он видел в условиях комплектования армии, в снижении умственного и нравственного состояния современного общества и в сокращении сроков службы. Для улучшения дисциплины Ф.К. Гершельман предлагал усилить контроль над начальниками, которые должны выступать для всех в роли примера. Они должны внимательно следить за выполнением своих распоряжений, в противном случае

¹ Радий. О дисциплинарных взысканиях // Офицерская жизнь. 1908. № 103. С. 7.

² Там же. С. 86-87.

это приведет к распухенности. Также автор высказался за сокращение службы нижних чинов в распоряжении гражданской администрации, поскольку последние часто отдают указания противоречащие духу военной службы и требованиям дисциплины. Ввести цензуру в отношении критики войсковых порядков. Отменить призыв в отношении лиц, привлеченных к судебной ответственности. Прекратить практику перевода провинившегося офицера из одной части в другую. Если офицер не годен для одной части войск, то он не годен и для других, считал автор¹.

Ф.К. Гершельман предложил в деле воспитания руководствоваться старой формулой Фридриха II, когда «солдат должен бояться палки своего капитана больше, чем неприятеля»². Однако это вовсе не означает, что нужно ввести жесткие взыскания. Необходимо чтобы начальники добросовестно выполняли свою работу, - считал Ф.К. Гершельман.

Примечательно, что позиция высшего военного руководства военного ведомства диаметрально отличалась. По мнению генерал-лейтенанта А.Ф. Редигера, именно сокращение сроков службы позволило значительно увеличить запас нижних чинов, который является необходимым условием для ведения современных массовых войн³. «Чем моложе новобранец, - полагали военные, тем больше шансов на то, что он прибудет в часть не развращенным современными лжеучениями и тем легче будет воспитательная работа в армии»⁴.

В свою очередь Министерство внутренних дел на формирование призывного контингента новобранцев смотрело с другой позиции, считая, что «зачисление на военную службу лиц недостаточно возмужалых ... причиняет ущерб интересам армии»⁵. Таким образом, реформаторам требовалось согласовать интересы и возможности каждого института.

Анализ работ военных теоретиков и передовой офицерской общественности позволяет выделить круг наиболее обсуждаемых вопросов, связанных с

¹ Гершельман Ф.К. Распухенность в войсках // Военный сборник. 1908. № 3. С. 91-106.

² Там же. С. 98.

³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 139. Л. 2 об.

⁴ РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 155. Л. 32.

⁵ РГИА. Ф. 1292. Оп. 5. Д. 187. Л. 10 об.

воспитанием дисциплины в частях. Среди них вопросы о целесообразности офицерам, увольняемым со службы по причине дисциплинарного проступка давать возможность самостоятельно подать рапорт об отставке; разрабатывались вопросы о принадлежности офицеров к суду общества офицеров в тех частях, где подобный институт еще не был учрежден. Пробно обсуждались вопросы целесообразности для чиновников и офицеров военного ведомства такого взыскания, как служба вне очереди. Активные дискуссии проходили по проблемам эффективности наказаний и случаев, когда подчиненные не должны были выполнять приказания начальников. Мнения высказывались разные, вплоть до введения более строгой цензуры, замены перевода провинившегося офицера из одной части в другую на увольнение со службы и даже организация специальных штрафных рот. В целом, общий тон публикаций носил демократический характер. Военные предостерегали начальников от чрезмерного увлечения наказаниями и взысканиями, считая, что последние подрывают авторитет офицеров в глазах подчиненных, уничтожают нравственно-воспитательное значение, и в конечном итоге приводят к упадку боевого духа и отсутствию инициативы.

Военное руководство не оставило предложения военных без внимания, что нашло выражение во внесении поправок в дисциплинарный устав. Наиболее важные изменения были внесены в 1879, 1888 и в 1912 гг. В уставе дисциплинарном 1879 г.¹ было решено оставить без изменения 2-ю статью устава, предписывавшую не выполнять приказания начальника «совершившего деяния явно преступные»². В период контрреформ Александра III тенденция демократизации устава продолжилась. При обсуждении проекта устава 1888 г. члены комиссии пытались сохранить баланс: с одной стороны сохранить полномочия власти начальников, а с другой стороны, не допустить произвола в отношении подчиненных³. Применение телесных наказаний было отменено

¹ Устав дисциплинарный: Утв. 28 июня 1879 г. - Петровск, 1879. 52 с.

² Анисимов А.Н. Новый дисциплинарный устав (высочайше утвержденный 28 июня 1879 г.) разъясненный законодательными соображениями, на которых он основан, решениями Главного военного суда и циркулярами Главного штаба. Варшава, 1879. С. 10.

³ Устав дисциплинарный. СПб., 1888. 52 с.

Дисциплинарным уставом 1904 г.¹

Дисциплинарный устав 1912 г. понятие «дисциплины» оставил без изменений. Военным предписывалось выполнять не только приказание начальника, но и государственных законов². Водились такие виды арестов, как простой арест, строгий, усиленный, строгий и усиленный, а также домашний аресты. Несмотря на наличие на практике такой формы благодарности как поощрения, в дисциплинарном уставе она отсутствовала.

Таким образом, за 40 лет непрерывного реформирования военного законодательства, формулировка понятия воинской дисциплины не изменилась. Под ней в большей степени понимали подчинение. Примечательно, что и в словаре В.И. Даля 1880 г. под дисциплиной понималось «воинское повиновение, порядок подчиненности, послушание, ... расправа»³. Придание единого смысла таким понятиям как «повиновение» и «расправа» во многом характеризует понимание дисциплины высшими военными руководителями конца XIX века.

С вопросом об укреплении дисциплины в войсках, напрямую был связан вопрос о воспитании инициативы в армии. Все чаще стали высказываться мнения о том, что в современных условиях, итог боя зависит от деятельности не столько руководителя, сколько от действий каждого начальника на местах. В то же время, даже в официальных документах правительства отмечалось, что за последние 40-50 лет ни военная подготовка, ни условия службы в частях не способствовали появлению инициативных и самостоятельных личностей.

Военные теоретики не только отмечали факт наличия проблемы, но и пытались сформулировать ряд мер для ее устранения. Первым, кто отметил назревшую необходимость формирования инициативы, был М.И. Драгомиров. Анализируя причины поражения австрийцев в войне с французами, он пришел к выводу, что использование инструкций, регламентирующих каждый шаг офицера, приводит к устранению «потребности ума – думать, потребности воли – решаться,

¹ Устав дисциплинарный: (Кн. 23 Свода воен. постановлений 1869 г., изд. 3-е): Испр. согласно приказам по воен. вед. 1904 г. № 461 и 513, 1905 г. № 373 и 1906 г. № 156. СПб., 1906. 62 с.

² Устав дисциплинарный: Кн. 23 Свода воен. постановлений 1869 г. (изд. 3-е): Со всеми доп. и изм. по 20 мая 1912 г. СПб., 1912. 78 с.

³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1880. С. 437.

а сила этих способностей – единственный залог успеха в бою как для солдата, так и для начальника. Заменить их не может никакое совершенство инструкций и уставов, никакое умение пользоваться местностью»¹.

Тему воспитания инициативы в войсках на страницах частного журнала «Разведчик» продолжил Н. Морозов². Он считал, что подготовить подчиненных к проявлению инициативы на войне можно только тогда, когда они привыкнут самостоятельно принимать решения и выполнять определенные действия. Руководствуясь данным тезисом, он выступал с резкой критикой строгой регламентации и отсутствия свободы выбора у подчиненных в мелочах армейского быта. В доказательство своей правоты он приводил множество примеров из жизни.

Расписание занятий для 16-ти рот полка составляет общее. Ротные и полковые командиры, которые и должны распоряжаться всеми текущими вопросами обучения и воспитания, на деле только «перелистывают чужие приказы, да справляются, на какой странице и для какого случая можно найти соответствующее указание»³. Как будто от того, у какого учителя русского или иностранного будет заниматься новобранец, зависит будущее всей армии.

Стирка, баня, выдача ружей, распределение по учителям, «весь период обучения настолько точно регламентируется, что командир части бывает, не свободен даже в выборе времени для зимней прогулки»⁴. Это приводит к тому, что во время военных действий начальники будут руководствоваться не условиями обстановки, а требованиями инструкции.

Н. Морозов отмечал, что порой слепое и бездумное выполнение уставов и наставлений может быть абсолютно бессмысленным. Он предложил посмотреть, «как старательно варится в некоторых частях и затем сейчас же выливается в помойную яму бульон из обглоданных и обслюнявленных солдатами костей

¹ Драгомиров М.И. Сольферинская битва. СПб., 1861. С. 81.

² Морозов Н. Воспитание инициативы самостоятельности // Разведчик. № 1109. С. 72-75.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 75.

только потому, что варить его предписывает начальство»¹. Кто же «осмелится проявить инициативу там, где это стоит сотен или тысяч жертв, тот, кто в мирное время не смеет распорядиться национальностью своего кашевара», - резюмирует автор публикации.

Еще одной негативной тенденцией при воспитании инициативы в войсках Н. Морозов считал желание старшего по званию «все впредь до самых мелочей расписать, приказать и указать, не давая никакой возможности младшему что-либо обдумать и решить самому»². Автор предостерегал, что в уставах можно писать о развитии самостоятельности в войсках, но пока в мирное время старший будет вмешиваться во все дела младшего, самостоятельности и инициативы на войне не будет.

Последнее не означает, что подчиненным нужно давать полную свободу в действиях. Н. Морозов считал необходимым контролировать целесообразность и продуманность плана обучения в роте, расписание занятий, но совсем не обязательно вмешиваться во все мелочи быта подчиненного, тем самым убивая возможность инициативы в военное время. Шаблона в расписании занятий и количестве предусмотренных на них часов быть не может, так как у одного лучше получается тактическое обучение, у другого стрельба, у третьего словесность. В противном случае подчиненный не сможет заниматься тем, что ему непосредственного нужно. Начальник должен указать подчиненному на его слабые места, но он не должен указывать, чем ему заниматься, по каким учебникам и сколько часов. «Роль старшего начальника открывать и уничтожать индивидуальные недостатки подчиненного, но, отнюдь, не навязать всем одного шаблона, равно обязательного и для талантливых, и для средних, и для бездарных»³.

Исправить положение дел, - полагал автор, может только умный подбор командного состава, «обладающий широким кругозором, знаниями, тактом и обладающий ярким желанием; может развить в армии своим неусыпным трудом

¹ Морозов Н. Воспитание инициативы самостоятельности // Разведчик. № 1110. С. 90.

² Морозов Н. Воспитание инициативы самостоятельности // Разведчик. № 1109. С. 74.

³ Морозов Н. Воспитание инициативы самостоятельности // Разведчик. № 1110. С. 91.

способность начальников к инициативе, убить в ней ту умственную лень подчиненных, на которую ныне так громко жалуются некоторые начальники»¹.

Схожие по общему смыслу предложения высказывал и генерал-лейтенант Д.В. Баланин². Он говорил о необходимости воспитывать таких военачальников, которые могли бы проявлять инициативу и самостоятельность в условиях военных действий. Он считал, что «поощряя умелую и добросовестную от сердца работу, уважая чужое мнение, избегая бесполезных иногда взысканий и щадя самолюбие подчиненных, начальник ... дает сильный толчок самостоятельности подчиненных»³ и проявлению инициативы.

Вызывает особый интерес публикация младшего офицера Е. Иевлева⁴. Автор сетует что, несмотря на то, что везде написано, что старшие начальники не вмешиваются в деятельность младших, но на практике дело обстоит совсем иначе. Е. Иевлев требует, чтобы младшим офицерам дали инициативу: «не угашайте духу, дайте возможность младшему офицеру проявлять инициативу ..., чтобы наша работа стала продуктивна и не заставляла опускать руки»⁵. В противном случае вся служба будет сведена к отбыванию номера, и даже прошлые знания будут забыты.

М. Кудрявцев считал, что воспитанию инициативы у военных может помочь более справедливая кадровая политика, что стоит достигать омоложения армии не путем установления предельного возраста для увольнения со службы всех – больных и здоровых, а тщательным и беспристрастным медицинским освидетельствованием всего офицерского состава. Подобная мера повысит мотивацию у офицеров к службе, сохранит преемственность опыта и в итоге благоприятно скажется на формировании боевого духа, формирование которого является одной из задач военного воспитания⁶.

¹ Морозов Н. Воспитание инициативы самостоятельности // Разведчик. № 1110. С. 91.

² Баланин Д.В. наброски из войсковой жизни. Инициатива // Разведчик. 1913. № 1186. С. 443-445.

³ Там же. С. 445.

⁴ Иевлев Е. Не угашайте духа // Разведчик. 1913. № 1195. С. 578-579.

⁵ Там же. С. 578.

⁶ Кудрявцев М. Омоложение армии и ее смертный дух // Военный мир. 1912. №. 4. С. 44-48.

Схожие мыслями высказывал в «Обществе ревнителей военных знаний» А.М. Зайончковский¹ и на страницах «Офицерской жизни» Беяз. Последний предлагал для воспитания в офицере самоуважения и чувства собственного достоинства поднять закон на должную высоту и даровать им больше прав. Стоит ускорить для офицеров карьерный рост. Необходимо дать ценность офицеру, что с производством в чин капитана за выслугу лет он получит роту, прослужив половину срока в качестве помощника командира роты с полуокладом столовых денег. Дайте уверенность дельному командиру роты, что он через 6 лет будет командовать батальоном, но не более 5 лет до получения отдельной части². Эти меры, по мнению автора, помогут воспитать в офицере самоуважение и чувство собственного достоинства.

Одним из способов развития инициативы в войсках военные видели в формировании и у военнослужащих стимулов к службе. Главный тормоз видели в работе аттестационных комиссий. Собирательную оценку их работы дал В. Малыхин, считавший их «лишь только средством, чтобы творить произвол. Это просто игра случая. Подчиненные одного командира страдали больше, а другого, менее достойные, проходили службу благополучно³.

И. Белявский⁴ указывал, что ни в одной сфере человеческой деятельности труд, знания и энергия так не обесцениваются, как в армии мирного времени. Огромная несправедливость связана с необъективной системой продвижения по службе, при которой порой баллы успеваемости играют решающую роль на последующие четверть века. Исправить подобное положение дел автор предлагал при помощи изменения системы аттестаций: руководствоваться не пространными критериями для определения «выдающихся», а вполне конкретными. К ним он отнес любовь к военному делу, сильную волю, твердость характера, инициативность, религиозность, честность, ум, образованность, здоровье,

¹ Зайончковский А.М. Самостоятельность частных начальников. Увлечения границы. СПб., 1894. С. 78.

² Беяз. О средствах и путях к улучшению состава корпуса офицеров // Офицерская жизнь. 1906. № 14. С. 204-205.

³ Малыхин В. Бодрость духа // Офицерская жизнь. 1910. № 233. С. 1980-1982.

⁴ Белявский И. Старшинство или отличие // Военный мир. 1912. № 3. С. 6-16.

трудолюбие и умение увлечь за собой подчиненных.

И. Белявский настаивал, что оценка «выдающийся» может быть применена только строевым офицерам, поскольку, только управляя людьми, можно показать выдающиеся результаты. Члены аттестационной комиссии обязательно должны лично знать аттестуемого, Письменная аттестация должна проходить только по двум категориям: «выдающийся» и «удовлетворительный». Аттестацию должен по-прежнему проводить командир части.

Тему аттестаций продолжил Т. Казаков, предложив при критерии аттестации ввести параметр воли, необходимый для победы¹. Известный педагог Н.Д. Бутовский предлагал при аттестации учитывать авторитет командира в воспитании офицерской среды, учительские дарования командира и умение распорядиться средствами, отпускаемыми на содержание солдат². Для развития религиозно-нравственного воспитания призывал привлекать к работе даровитых священников.

Таким образом, абсолютное большинство военных как старших, так и младших офицеров, отмечало необходимость развития инициативы у начальников. Методы по ее формированию сводились к расширению полномочий младших начальников, наделение их полномочиями свободы выбора при организации своей работы и отмене строгой регламентации военного быта.

Несмотря на видимые разногласия по отдельным аспектам воинского воспитания, среди военных не было принципиальных различий в понимании будущего развития военного дела, в силу отсутствия практических рекомендаций. Только М.И. Драгомиров задолго до русско-японской войны 1904-1905 гг. попытался связать теорию с практикой. Его предложения можно было справедливо критиковать за перегибы, собственную интерпретацию идей А.В. Суворова и за увлечение техникой, чем и занималось большинство публицистов. Мысли же остальной массы военных сводились либо к оценкам уже существующих идей М.И. Драгомирова, либо к общим советам более серьезно

¹ Казаков Т. Воля и аттестации офицера // Офицерская жизнь. 1912. № 31-33. С. 331-332.

² Бутовский Н.Д. Сборник последних статей. СПб., 1910. С. 43.

отнестись к воспитанию того или иного качества или к дублированию правил из уже принятых уставов и наставлений, регламентирующих воспитательную работу в войсках. Так советы по возрождению русских национальных традиций, применение в воспитательном процессе бесед и изучение психологии в 1912 г. не отличались новизной и новаторством. Таким образом, общим для всех работ было отсутствие новизны в исследованиях. По меткому замечанию И. Елинева основная проблема скорее заключалась в «психологическом банкротстве»¹ военной среды и ее неспособности решить поставленные перед ней задачи.

¹ Еленев И. Развивайте технику // Офицерская жизнь. 1912. № 50 (350). С. 670.

Выводы по главе.

Наследие военно-теоретической мысли 1874-1914 гг. составляет деятельность шести центров развития военного дела: центральных военно-научных учреждений и обществ, военных округов, военно-учебных заведений, военно-исторических музеев и военно-периодической печати. Существующие центры развития военной науки внесли заметный вклад в изучение вопросов военного дела.

Тема воинского воспитания военнослужащих длительный промежуток времени оставалась без должного внимания и наиболее полно была раскрыта лишь после войны с Японией в монографиях отдельных авторов и на страницах прессы. На базе военно-учебных учреждений не было специальных кафедр, раскрывающих вопросы военной психологии, стратегии духа и философии войны. Доступ в архивы был затруднен, не было своего независимого печатного органа, тематика и вся деятельность военно-научных центров в большей степени отражала государственный заказ, а не интересы военнослужащих, что объясняется экономической и политической зависимостью научных центров от государственных структур.

Вопросы военной психологии разрабатывались в Обществе ревнителей военных знаний, где был создан специальный отдел. За пятнадцать лет работы Общество выпустило десять работ, связанных с военным воспитанием. Только три из них содержали практические рекомендации и конкретные выводы. Не было опубликовано ни одной научной работы, призванной скорректировать систему воспитания после русско-японской войны 1904-1905 гг. Половина всех публикаций носила пропагандистский характер – прославляла героев, русский военный дух и призывала военных более серьезно заняться проблемами военной психологии.

В то же время на страницах периодической печати вопросы воинского воспитания обсуждались абсолютно свободно. Проходили открытые дискуссии между преподавателями учебных заведений и строевыми офицерами, между «огнепоклонниками» и «штыколюбями», между военными чиновниками и

передовой офицерской общественностью. Некоторые офицеры публиковались под своим настоящими именами, что свидетельствовало об их идейной близости с командирами. Большинство публикаций, содержащих резкую критику действующей системы воинского воспитания, печаталось под псевдонимами или без подписи.

Рекомендации военных относительно улучшения военного воспитания в частях носили конкретный характер и не всегда сводились к анализу истории вопроса или тотальной критике действующей системы воспитания, однако, внедрение в жизнь предложенных мер не могло быть осуществлено в короткие сроки. В силу ряда экономических трудностей и охранительно-консервативной политики правительства предложения военных носили скорее стратегический характер.

Примечательно, что представители разных направлений военно-теоретической мысли («теоретики» и «практики») не выбирали в качестве объекта своего исследования тему патриотизма. Единственным исключением служит публикация в «Братской помощи» стихотворения поэтессы Н. Броницкой, в которой она с болью отмечала, что в России понятие «патриотизм» связывается в обществе с чем-то отсталым и считать себя патриотом опасно для жизни.

Таким образом, как военные теоретики, так и представители передовой офицерской общественности свели вопросы воинского воспитания исключительно к его внешним проявлениям: дисциплине, инициативе и взысканиям. Вне поля их зрения оставались вопросы патриотизма, нравственности, чести и товарищества, без которых немислимо полноценное формирование здорового и боеспособного армейского коллектива.

Заключение

Главной задачей военных реформ второй половины XIX в. было превращение офицерского корпуса в группу профессионалов с профессиональной подготовкой и профессиональными качествами. Положительным результатом реформ можно считать тенденцию на демократизацию личного состава и улучшение профессиональной подготовки офицерского корпуса. В то же время государство видело в демократизации угрозу для собственного существования. Поэтому положительные тенденции тормозились кадровой политикой, проводимой высшим военным руководством армии, так как не мог не учитываться сословный ценз и сословные предрассудки, которые препятствовали доступности военного образования.

Подобная двойственная политика правительства привела к неоднородности социального состава офицерского корпуса. Офицеры различных родов войск имели разные возможности карьерного роста в силу существования так называемых элитных групп. Армейские офицеры не могли соперничать с гвардейцами и офицерами Генерального штаба, что приводило к непониманию и отчуждению представителей разных родов войск, а следовательно, и к разному пониманию задач службы.

Военные реформы 1870-ых гг. и длительный мирный период до начала русско-японской войны 1904-1905 гг. привели к деформации традиционных ценностей Уваровкой триады. Личная храбрость, личный пример, взаимовыручка, воинский долг, верность традициям стали принимать формальный характер. Эти изменения в совокупности с проблемами профессиональной подготовки командного состава и кризисными тенденциями внутри офицерского корпуса привели к неудачам русских войск в войне с Японией. Все это заставляло военное руководство, военных теоретиков и передовую офицерскую общественность искать адекватные решения, соответствующие новым вызовам времени.

В работах исследователей советского периода развитие военно-научных исследований второй половины XIX – начала XX столетий классифицировалось

по принадлежности к идеям западничества или славянофильства. Видится объективным, в основе классификации военно-теоретической мысли второй половины XIX – начала XX вв., использовать классификацию по принадлежности к институтам, в рамках которых проходила научная работа. При использовании данного похода четко прослеживается наличие двух групп военных. Первые – «теоретики» или «академисты», представленные преподавателями академий. Вторые – «практики», непосредственно занимавшиеся воинским воспитанием в средних военно-учебных заведениях и в строю. Анализ их взглядов показал полное отсутствие диалога и понимания друг друга, причины подобного положения дел лежали как в разном толковании предмета и содержания военной науки, так и в самой политике самодержавия.

Абсолютное большинство «теоретиков» вслед за Г.А. Леером считали военное искусство наукой с формулами и конечными результатами в виде победы или поражения в войне. Значение и влияние духа и нравственных качеств человека на исход боя они не отрицали, но они не могли его точно измерить и поэтому в большей степени занимались разработкой вопросов тактики и стратегии. Тема воинского воспитания в их работах нашла отражение лишь в контексте разработки проблемы соотношения человека и техники на войне. В 1870-ые гг. доминировала точка зрения о главенстве техники, в 1880-ые М.И. Драгомиров проводил мысль о решающей роли человека в бою, а в 1890-ые появляется центристская теория, объединившая в себе крайние позиции.

Первоначально как таковых противоречий между «практиками» и «теоретиками» практически не было в силу разной тематики исследований. «Практики» лишь ставили в вину «академистам» (или как их называли «моментам» в армейской среде), что последние проблемы военного воспитания оставляют за рамками своих научных исследований.

Ситуация изменилась только после русско-японской войны 1904-1905 гг., когда офицеры и нижние чины проявляли в ходе военных действий смелость, героизм и самопожертвование, но в то же время зачастую не обладали базовыми навыками ведения боя, что приводило к их гибели. «Теоретики» видели причины

поражения не в просчетах и ошибках довоенной подготовки, а в отсутствии воинского духа, слабой воли военнослужащих и в незнании психологии бойцов. «Практики» же военного дела указывали на необходимость наличия хотя бы минимальных материальных средств для ведения войны, но как показала история, их голос был услышан ровно настолько, насколько это позволяла экономическая обстановка в стране и охранительная политика самодержавия.

«Практики» тоже не были идейно консолидированы. Активные дискуссии проходили по проблемам соотношения человека и техники на войне, по вопросам военной психологии, по целям и задачам военно-учебных заведений. На страницах периодической печати свободно обсуждались требования к личности офицера-воспитателя, методы воспитания дисциплины и инициативы в войсках. Большинство практических рекомендаций военных были вполне конкретны, учитывали интересы как самих военных, так и армии в целом и не сводились исключительно к критике действующей системы воспитания.

В то же время отдельные рекомендации носили противоречивый характер. С одной стороны, к началу XX в. прослеживается постепенный переход от применения мер дисциплинарного воздействия к использованию методов и приемов, основанных на уважении к личности воина, воспитывающих в нем инициативу и самостоятельность. С другой стороны, значительная часть высшего военного руководства под понятием «воинское воспитание» понимала в первую очередь дисциплину, повиновение и расправу, ставя знак равенства между ними. Симптоматично, что военные «практики», рассуждая с позиции начальника об образе идеального офицера-воспитателя, приходили к выводу, что это личность, обладающая широким набором полномочий и мер дисциплинарного воздействия, а его морально-нравственные качества уходили на второй план.

Некоторые дискуссии, между преподавателями военно-учебных заведений и строевыми офицерами были вызваны не столько разным видением военными задач обучения, сколько субъективными факторами: условиями службы, денежным довольствием и карьерным ростом. Большинство предложений военных так и остались на бумаге и не легли в основу реформирования армии, что

во многом было связано с консервативным мировоззрением военного руководства. Изучение военной психологии, боевого духа и методов прогрессивного воспитания руководство считало опасным для существующего строя.

Отказавшись от воспитания, основанного во многом на страхе наказания, правительство, военные теоретики и передовая офицерская общественность не смогли сформулировать новую концепцию военного воспитания, фундаментом которой были бы понятия чести, воинского долга, мужества и сознательности. Приказы по военному ведомству, воинские уставы, наставления, циркуляры и инструкции не могли дать командиру технологии воспитательной работы, а лишь указывали приблизительное ее направление. Эти тенденции неминуемо приводили к размыванию концептуальных понятий в офицерской среде. В результате большинство офицеров, действуя интуитивно, методом проб и ошибок приходили к собственной формуле организации военного воспитания, собственному пониманию дисциплины и собственному определению воинской чести.

Изучение исторического опыта развития военно-теоретической мысли позволило выделить несколько практических рекомендаций.

1. Исторический опыт показывает, что гражданский контроль над армией укрепит ее внутреннюю устойчивость. Стремление руководителя страны удержать в своих руках единоличное право принимать военно-политические решения оправдано в период чрезвычайной ситуации. После начала военных операций для оценки целей и методов решения военно-политических проблем целесообразно отразить в нормативно-правовых актах сроки принятия законодательной властью политической оценки использования вооруженных сил в конфликте.

2. Государственная власть обязана обеспечить защиту прав офицеров и солдат, заботиться о качестве жизни военнослужащих. Заработная плата военнослужащих не должна превышать среднюю зарплату трудоспособного населения с целью сохранения социального единства армии и гражданского общества.

3. Ошибкой военного руководства русской армии было стремление

изолировать солдат и офицеров от политики с целью сохранения дисциплины в войсках. Современный офицер должен хорошо ориентироваться в геополитике. Подбор военных кадров должен руководствоваться высоким профессионализмом и нравственностью, а не политической лояльностью к власти.

4. Русская православная церковь в русской армии выполняла функцию укрепления авторитета самодержавия в вооруженных силах. В условиях военного времени негативное отношение к руководству проецировалось на полковых священников. В обществе, где церковь отделена от государства, представители культа русской православной церкви и других конфессий играют роль воспитателей нравственности, боевого духа и психологической поддержки бойцов.

5. В условиях демократии трудно добиться единства общества. Общество способно объединить национальная идея или угроза национальной безопасности. Локальные конфликты приблизились к границам России, поэтому национальной идеей страны должна стать идея единства и патриотизма. Целесообразно, чтобы средства массовой информации проводили последовательную политику по героизации современников.

6. Опыт Российской империи показывает, что средства массовой информации являются морально-психологическим оружием огромной созидательной или разрушительной силы. Поэтому знание концепции национальной безопасности необходимо как профессиональным военным, так и журналистам. С целью совершенствования профессиональной подготовки в современной России вопросы воинского воспитания также могут выступать темой для открытых дискуссий на страницах периодической печати.

7. Учитывая многонациональный состав Российской Федерации необходимо укреплять межнациональное единство армии. Министерству обороны необходимо продумать механизм поступления молодежи с национальных окраин в военные учебные заведения среднего и высшего звена.

8. В царской армии принимали две присяги: одну по месту призыва, а вторую - в части. Целесообразно при получении приписных свидетельств

организовать принятие клятвы призывника. Подобная мера поможет повысить ответственность молодых людей и оградить армию от лиц с недопустимым моральным состоянием в данный момент времени.

9. Военские уставы, наставления и инструкции Российской империи регламентировали множество мелочей армейского быта, не давая ответа на вопрос о методах и технологиях воспитательной работы в частях. Современные Уставы в достаточной степени отражают этот опыт истории. Издание учебного пособия по уставам, с комментариями к ключевым положениям, будет способствовать лучшей воспитательной работе в частях.

Отдельных исследований заслуживают темы культурно-просветительной работы в военно-учебных заведениях и в частях, сохранение памяти героев военных конфликтов. Интересно изучение темы о стереотипах восприятия офицерами своих коллег из других родов войск. Всем известна близость А.В. Суворова с солдатами, но остается малоизученной тема близости начальников с их подчиненными, как главное слагаемое победы. Видится актуальным издание единого каталога памятников воинской славы для массового читателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные источники

Архивные материалы

Российский Государственный Исторический Архив (РГИА)

1. Ф. 560 - Общая канцелярия министерства финансов.
Оп. 41. Д. 44.
2. Ф. 669 - И.С. Ключев.
Оп. 1. Д. 17.
3. Ф. 806 - Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства.
Оп. 5. Д. 6128, Д. 10771.
Оп. 18. Д. 819, Д. 840, Д. 848, Д. 877.
4. Ф. 934 - П.А. Дурново
Оп. 2. Д. 30
5. Ф. 1012 - Орловы, графы, впоследствии князя.
Оп. 1. Д. 48.
6. Ф. 1148 - Общее собрание Государственного совета.
Оп. 12. Д. 4796.
7. Ф. 1276 - Совет Министров.
Оп. 1. Д. 139, Д. 140, Д. 142, Д. 150.
Оп. 4. Д. 530.
Оп. 12. Д. 1144.
8. Ф. 1278 - Государственная дума.
Оп. 1. Д. 229, Д. 150, Д. 656.
Оп. 2. Д. 582, Д. 819, Д. 824, Д. 1160, Д. 1911, Д. 1992, Д. 2312, Д. 2726,
Д. 2834, Д. 3327-3345.
Оп. 5. Д. 1348.
Оп. 6. Д. 309.

9. Ф. 1292 - Управление по делам о воинской повинности.
Оп. 1. Д. 1237, Д. 1292, Д. 1456, Д. 1459.
Оп. 2. Д. 415.
Оп. 5. Д. 98, Д. 115, Д. 116, Д. 147, Д. 155, Д. 171, Д. 174, Д. 187, Д. 239,
Д. 262.
10. Ф. 1394 - Ревизия сенатора Н.А. Дедюлина Киевского и Одесского военного округа.
Оп. 1. Д. 4.
11. Ф. 1617 - Андронников М.М.
Оп. 1. Д. 40, Д. 606.

Архив Военно-исторического музея артиллерии,
инженерных войск и войск связи (А ВИМАИВ и ВС)

12. Фонд 6 - Главное артиллерийское управление 1840-1918 гг.
Оп. 2/11. Д. 632, 723, 786, 1892.
Оп. 2/12. Д. 95, 98, 99;
Оп. 29. Д. 558.
Оп. 55/4. Д. 12.
13. Фонд 11 - Российское военно-историческое общество. 1907-1917 гг.
Оп. 95/2. Д. 176.
14. Фонд 19 - Военно-окружное артиллерийское управление маньчжурской армии 1900-1906.
Оп. 106. Д. 125, 170, 281.
15. Фонд 22 - Артиллерийский исторический музей 1868-1917 гг.
Оп. 92. Д. 05, 67, 85.
16. Фонд 24 - Копийные приказы 1833-1918 гг.
Оп. 97/3. Д. 9, 20;
Оп. 97/10. Д. 6.
17. Фонд 48 - Драгомиров М.И. 1830-1905 гг.
Оп. 1. Д. 1.

18. Фонд 51 - Дела сборные. Л.-Гв. Измайловский полк.

Оп. 96/1. Д. 21.

19. Фонд 52 - Коллекция документов, поступивших из отдела военной истории Артиллерийского исторического музея 1730-1948 гг.

Оп. 106/1. Д. 1;

Оп. 110/11. Д. 1;

Оп. 110/ 18^a. Д. 12, 29;

Оп. 110/40. Д. 1;

Оп. 110/47. Д. 1;

Оп. 110/53. Д. 2;

Оп. 110/60. Д. 1;

Оп. 110/64. Д. 1;

20. Инженерно-документальный фонд.

Оп. 1/3. Д. 2760;

Оп. 14/3. Д. 2642, 2760;

Оп. 22/6. Д. 2087;

Оп. 22/380. Д. 2368, 2550;

Оп. 22/473. Д. 32;

Оп. 22/575. Д. 2666;

Оп. 22/577. Д. 2668;

Оп. 22/580. Д. 2671;

Оп. 22/582. Д. 2673;

Оп. 22/591. Д. 2691;

Оп. 22/607. Д. 2698.

Оп. 25/3. Д. 2390, 4793;

Оп. 30/4. Д. 6203

Отел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

21. Ф. 80 - П.О. Бобровский.

Д. 6.

22. Ф. 152 - К.А. Военский.
Оп. 3. Д. 283, 284;
Оп. 4. Д. 114, 123, 149, 170, 175, 189, 194, 196.
23. Ф. 208 - А.В. Головин.
Д. 143.
24. Ф. 490 - Н.П. Милютин.
Д. 1, 2.
25. Ф. 781 - И.И. Толстой.
Д. 165, 248, 249, 282, 370, 430, 1053, 1062.
26. Ф. 1001 - Г.С. Габаев.
Д. 47, 161, 283, 485.
27. Ф. 1004 - П.М., М.Е. Ковалевские.
Д. 4.

Опубликованные источники

Законодательные и нормативные акты

28. Военно-статистический ежегодник армии. - СПб.: изд. Гл. шт., 1914. - 654 с.
29. Воинские уставы для пехоты. - 2-е неофиц изд. - Варшава: Сонин, 1904. - 620 с.
30. Воинские уставы для пехоты. Вып. 1. Изд. 3-е. Устав внутренней службы. - Варшава: В.К. Сони, 1907. - 118 с.
31. Высочайшие приказы по Военному ведомству ... за 1913 г. - СПб., 1913. - 1988 с.
32. Высочайше утвержденный проект изменения ст. ст. 10, 26, 28, 33, 34, 41 и 100 Устава внутренней службы, высочайше утвержденного 23 марта 1910 года. - СПб. Воен. тип., 1914. - 17 с.
33. Воинское чинопочитание и отдавание чести военнослужащими: (Извлеч. из проекта Устава внутр. службы, выс. утв. 14 сент. 1902 г., и из Устава гарнизон. службы изд. 1900 г.). - СПб.: Воен. тип., 1902. - 43 с.
34. Всеподданнейший отчет о действиях Военного министерства за 1912-1913

- гг. и о видах усовершенствования разных частей министерства. - СПб.: Отдел ГУ ВУЗ, 1915. - 788 с.
35. Инструкция воспитателям Петровской Полтавской военной гимназии: Утв. в заседании Частного пед. ком. 6-го марта 1875 г. - Полтава: Полтавская Петровская военная гимназия, 1875. - 5 с
36. Инструкция по воспитательной части для военных гимназий и прогимназий: Устройство внутр. порядка. Осн. правила физ. и нравств. воспитания. Общие обязанности воспитателей. - СПб.: М. Стасюлевича, 1881. - 174 с.
37. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. - СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1886. - 134 с.
38. Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. - СПб.: В. Березовский, 1904. - 120 с.
39. Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в военных училищах. - СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1900. - 61 с.
40. Инструкция, определяющая правила военного воспитания и устройства внутреннего порядка в юнкерских училищах. - СПб.: Березовский, 1901. - 51 с.
41. Кудейкин, В.Ю. Военное законодательство Российской империи. Кодекс РВС. Вып. 10 / В.Ю. Кудейкин, А.Е. Савинкин. - М.: Военный университет, 1996. - 440 с.
42. Воинский устав о наказаниях, (высочайше утвержденный 27 марта 1875 г.). 3-е изд. под ред. Н.К. Мартынова. - Варшава: Н. Мартынов, 1875. - 275 с.
43. Военно-судебный устав (XXIV кн. Св. воен. пост. 1869 г.) под ред. Н.К. Мартынова. - Варшава: Н. Мартынов, 1875. - 440 с.
44. Наставление к самодисциплине и самовоспитанию: Собр. писем старого офицера к своему сыну. Вып. 1-2. - М.: Иностр. армия, 1900. - 186 + 155 с.
45. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание - 2. Т. XV-LX. 1841-1881. - Положение об обучении пехоты. Проект высочайше утвержденного 22 декабря 1911 г. - СПб.: Военная типография, 1912. - 111 с.

46. Положение об обучении нижних чинов пехоты: Проект Выс. утв. 29 дек. 1901 г. Отд. 3: Занятия со старослужащими. - СПб., 1911. - 8 с.
47. Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск с дополнениями к нему, принятыми для Офицерского собрания Тобольского резервного пехотного батальона, и Правила для пользования книгами из библиотеки собрания. - Тобольск: Тобольский резервный пехотный батальон, 1896. - 23 с.
48. Приказы Военного министра за 1808-1815, 1832-1915, 1917 гг. - СПб., 1808-1917.
49. Приказы войскам Киевского военного округа за 1862-1881, 1883-1900, 1902-1917 г. - Киев, 1862-1917.
50. Приказы по войскам Туркестанского военного округа за 1882-1916 г. - Ташкент, 1868-1916.
51. Столетие военного министерства. 1802-1902. - СПб.: тип. т-ва М.О. Вольф, 1902-1914.
52. Устав дисциплинарный: Выс. утв. 28 июня 1879 г. - Одесса: тип. Труд, 1879. - 52 с.
53. Устав дисциплинарный: Кн. 23 Свода воен. постановлений 1869 г. (изд. 3-е): Со всеми доп. и изм. по 20 мая 1912 г. - СПб.: В. Березовский, 1912. - 78 с.
54. Устав дисциплинарный, утвержденный 28-го мая 1888 г., дополненный и изъясненный приказами по Военному ведомству, циркулярами Главного штаба. - СПб.: Неофиц. изд., 1895. - 90 с.
55. Устав императорского военно-исторического общества. - СПб.: Воен. тип., 1907. - 20 с.
56. Устав внутренней службы в пехотных войсках. - СПб.: Воен. тип, 1877. - 163 с.
57. Устав Общества ревнителей военных знаний: Утв. 25 июля 1898 г. - СПб., 1898. - 38 с.
58. Устав полевой службы и наставление для действия в бою отрядов из всех

родов оружия: Выс. утв. 10 апр. 1904 г.: В отмену проекта Устава полевой службы и Наставления для действия в бою отрядов из всех родов оружия. - СПб.: В. Березовский, 1907. - 257 с.

59. Российское законодательство X-XX вв. Т. 8. Судебная реформа. под ред. О.И. Чистякова. - М.: Юрид. лит., 1984. - 495 с.

*Делопроизводственные документы
центральных государственных органов*

60. Государственная Дума: Стенограф. Отчеты. - Созыв 1. - Сессия 1. - Т. 1-2. СПб., 1906; Созыв 2. - Сессия 2. - Т. 1-2. - СПб., 1907; Созыв 3. - Сессия 1. - Ч. 1-3. - СПб., 1908; Сессия 2. - Ч. 1-4. - СПб., 1908; Сессия 3. - Ч. 1-4. - СПб., 1910; Сессия 4. - Ч. 1-3. - СПб., 1910-1911.
61. Государственная дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссии и отделов. - СПб.: б.и., 1907. - 207 + 500 + 13 с.
62. Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. - СПб.: тип. Мор. М-ва, 1904. - 364 с.
63. Список генералам по старшинству. Составлен по 15-е апреля 1914 года. - Петроград: воен. тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914. - 1500 с.
64. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1907 г. - СПб.: Военная тип. (в здании Главного Штаба), 1907. - 1500 с.

Справочные издания

65. Березин, И.Н. Русский энциклопедический словарь. Т. 5 / И.Н. Березин. - СПб.: тип. И. Мардуховского, 1875. - 512 с.
66. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь Т. 6А / Ф.А. Брокгауз. - СПб.: тип. И.А. Ефрона, 1892. - 622 с.
67. Леер, Г.А. Энциклопедия военных и морских наук. Т. 2 / Г.А. Леер. - СПб.: Тип. В. Березовского, 1883. - 572 с.
68. Новицкий, В.Ф. Военная энциклопедия. Т. 6 / В.Ф. Новицкий, А.В. Шварц, К.И. Величко. - СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. - 530 с.

69. Русский энциклопедический словарь издаваемый профессором Санкт-Петербургского университета И.Н. Березиным. Отдел III. Т. III. - СПб.: тип. Тов. Общественная польза, 1876. - 502 с.

Периодические издания

70. Александровец. Листок-памятка для будущего составителя истории Александровского военного училища. - М.: Александровское военное училище, 1906.
71. Артиллерийский журнал. - М.: Воениздат, 1904-1905.
72. Братская помощь. - М., 1907-1910 / Военный мир. - М.: Илл. воен.-обществ. журн. изд. В.А. Афанасьевым, 1911-1914.
73. Вестник воспитания. - М.: Науч.-попул. журнал изд. Н.Ф. Михайловым, 1890-1914.
74. Вестник Военного Духовенства. - СПб.: Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства, 1904 - 1910.
75. Вестник Военного и Морского Духовенства. - СПб.: Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства, 1911-1914.
76. Вестник общества ревнителей военных знаний. - СПб., 1899-1914.
77. Военное дело за границей / Сведения из области военного дела за границей. - Варшава: Военно-научный, иллюстрированный журнал изд. Штабом Варшавск. воен. округа, 1908-1914.
78. Военный сборник. - СПб.: Издаваемый при штабе Отдельного гвардейского корпуса, 1844, 1874-1914.
79. Досуг кадета-псковича. - Париж: Издание союза российских кадетских корпусов, 1957.
80. Досуг и Дело. Журн. для войск и народа. - СПб.: ген.-майор С. Зыков, 1905-1914.
81. Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. - СПб., 1910-1914.
82. Известия императорской Николаевской военной академии. - СПб.:

- Николаевская военная академия, 1910-1914.
83. Кадетский досуг. - СПб.: Журнал лит. и попул.-науч. Первого кадетского корпуса, изд. Е.Д.Карамышевым, 1905-1913.
84. Морской сборник. - СПб.: изд. от Морского учебного комитета, 1856.
85. Мир Божий. - СПб., 1892-1906 / Современный мир - СПб.: Ежемес. лит., науч. и полит. журнал. Изд. М.К. Иорданской, 1907-1914.
86. Новое время - СПб.: тип. А.С. Суворина, 1898-1912.
87. Офицерская жизнь: еженед. военно-экон. журн. Прежнее заглавие: Листок Экономического общества офицеров Варшавского военного округа. - Варшава: Правление Экон. о-ва офицеров Варшавского Воен. округа, 1906-1914.
88. Оружейный сборник. - СПб.: В. Бестужев-Рюмин и В. Чебышев, 1861-1909.
89. Педагогический сборник: издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений в 2-ух частях. - Пг.: Гл. упр. в-у зав., 1874-1914.
90. Разведчик: журнал военный и литературный / Контора и склад В.А. Березовского; Листок Конторы и склада В.А. Березовского. - СПб.: В.А. Березовский, 1892-1914.
91. Русский Воин: еженед. илл. журн. для нижних чинов. - Одесса: изд. Л. Лукьяновым, 1906-1914.
92. Русский инвалид: газ. воен. изд. при воен. м-ве / Гл. ред. полк. Шеманский. - СПб.: изд. Воен. мин., 1904-1914.
93. Русский вестник. - М.: журнал литературный и политический изд. М. Катковым, 1877-1906.
94. Русская старина: ежемес. ист. изд. - СПб.: В.А. Семевский, 1905-1914.
95. Сборник Главного Управления Генерального Штаба / Сборник. - СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1909-1914.
96. Смоленские Епархиальные Ведомости. Часть офиц. и неофиц.: Прибавления к Смоленским епархиальным ведомостям. - Смоленск: Смоленская и Дорогобужская епархия, 1888.
97. Строевой офицер. - Варшава: еженед. воен. газ., предназнач. для обмена

мнениями по всем вопр. воен. службы и воен. быта., г. 4-й, 1808-1910.

98. Юнкерские Досуги. - Одеса: ежемес. ил. Журн. г. 1-й, 1909-1910.

Мемуарная литература

99. Бенуа, Г.Н. Сорок три года в разлуке (Воспоминания) / Г.Н. Бенуа // Простор. - 1967. - № 9. - С. 67-93.

100. Бонч-Бруевич, В.Д. Избранные сочинения. Т. 2. Статьи. Воспоминания. Письма / В.Д. Бонч-Бруевич. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. - 543 с.

101. Бонч-Бруевич, В.Д. Драгомиров о боевой подготовке офицеров / В.Д. Бонч-Бруевич. - Л.: 2-я типо-лит. УВМИ, 1944. - 20 с.

102. Брусилов, А.А. Мои воспоминания / А.А. Брусилов. - М.: Военное изд., 2003. - 429 с.

103. Вересаев, В.В. На японской войне / В.В. Вересаев. - СПб.: Лениздат Команда А, 2014. - 379 с.

104. Верховский, А.И. Россия на Голгофе // Военно-исторический журнал. - 1992. - № 10. - С. 63-68.

105. Верховский, А.И. Россия на Голгофе: (из походного дневника, 1914-1918 гг.): к 100-летию Первой мировой войны / А.И. Верховский. - М.: ГПИБ России, 2014. - 206 с.

106. Витте, С.Ю. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / С.Ю. Витте. - Т. 1. - Кн. 1-2. - Т. 2. - СПб.: Дмитрий Баланин, 2003. - 1052 + 648 с.

107. Врангель, П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля / П.Н. Врангель. - М.: Изд. центр Терра, 1992. - 528 + 467 с.

108. Гурко, В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображениях современников / В.И. Гурко. - М.: Новое лит. обозрение, 2000. - 808 с.

109. Деникин, А.И. Путь русского офицера / Д.И. Деникин. - М.: Современник, 1991. - 299 с.

110. Деникин, А.И. Старая армия: в 2 т. / Д.И. Деникин. - Париж: издание

- книжного дела Родник, 1929 - 1931. - 464+186 с.
111. Епанчин, Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания / Н.А. Епанчин. - М.: Наше наследие, 1996. - 576 с.
112. Игнатъев, А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1 / А.А. Игнатъев. - Молотов: Молотовгиз., 1951. - 603 с.
113. Извольский, А.П. Воспоминания / А.П. Извольский. - Минск: Харвест, 2003. - 221 с.
114. Кони, А.Ф. На жизненном пути. - Т. 1-3 / А.Ф. Кони. - СПб.: Труд, 1912. - 679 + 792 + 622 с.
115. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / А.Ф. Керенский. - М.: Изд. центр Terra кн. лавка - РТР, 1996. - 508 с.
116. Куропаткин, А.Н., Дневник А.Н.Куропаткина / А.Н. Куропаткин. - Н. Новгород: Нижполиграф, 1923. - 140 с.
117. Лукомский, А.С. Очерки из моей жизни / А.С. Лукомский. - М.: Айрис пресс, 2012. - 750 с.
118. Мартынов, Е.И. Воспоминания о японской войне командира пехотного полка / Е.И. Мартынов. - Плоцк: Тип. Губ. правл., 1910. - 402 с.
119. Мартынов, Е.И. Сербы удивлялись русской политике / Е.И. Мартынов // Военно-исторический журнал. - 1996. - № 1. - С. 90-96.
120. Милютин, Д.А. Дневник. Т. 2 / Д.А. Милютин. - М.: Тип. Б-ки им. В.И. Ленина, 1949. - 292 с.
121. Милютин, Д.А. Мы приняли вызов Западной Европе неподготовленными к предстоящей войне / Д.А. Милютин // Военно-исторический журнал. - 1996. - № 4. - С. 81-88.
122. Немирович-Данченко, В.И. Скобелев: Личные воспоминания и впечатления / В.И. Немирович-Данченко. - М.: Военниздат, 1993. - 324 с.
123. Пельман. (Завьялов А.) Среди Военных. (Дневник) / А. Завьялов. - СПб.: Вперед, 1907. - 32 с.
124. Редигер, А.Ф. История моей жизни. В 2 т. / А.Ф. Редигер - М.: Канон-пресс, 1999. - 576 + 525 с.

125. Романов, А.М., великий князь. Книга воспоминаний в 2-х т. / А.М. Романов. - М-СПб.: АСТ Полигон, 2009 - 382 с.
126. Семенов, Г.М. О себе: воспоминания, мысли и выводы / Г.М. Семенов. - М.: АСТ Гей итэрум, 1999. - 316 с.
127. Спиридович, А.И. Записки жандарма / А.И. Спиридович. - М.: Худож. лит. Фонд творч. инициатив, 1991. - 263 с.
128. Степун, Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Ф.А. Степун. - СПб.: Прогресс-литера Алетейя, 1995. - 649.
129. Сухомлинов, В.А. Воспоминания / В.А. Сухомлинов. - Берлин: Рус. универс. изд-во, 1924. - 438 с.
130. Трубецкой, В.С. Записки кирасира / В.С. Трубецкой. - М.: Россия, 1991. - 218 с.
131. Фабрицкий, С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта государя императора Николая II / СС. Фабрицкий. - Берлин, 1926. - 162 с.
132. Федоров, В.Г. В поисках оружия / В.Г. Федоров. - М.: Воениздат, 1964. - 216 с.
133. Шапошников, Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды / Б.М. Шапошников. - М.: Воениздат, 1974. - 574 с.
134. Шапошников, Б.М. Записки / Б.М. Шапошников // Военно-исторический журнал. - 1966. - № 6.

Публицистика

135. Абрамович, Д.А. Учебник для молодых солдат и их учителей / Д.А. Абрамович. - Одесса : К. Суручан, 1912. - 187 с.
136. Адрианов, П.М. Клятвенное обещание: на память молодому воину о великом дне присяги / П.М. Адрианов. - Одесса: Родина, 1913. - 32 с.
137. Базедов, Г.Б. Путевые впечатления о военной России: (Пер. с нем) / Г.Б. Базедов. - СПб.: тип. Гл. упр. Уделов, 1911. - 30 с.
138. Байов, А.К. История военного искусства как наука / А.К. Байов. - СПб.: тип. А.С. Суворина, 1912. - 136 с.

139. Бернацкий, В.А. Пятидесятилетие Главного управления военно-учебных заведений. 1863-1913 / В.А. Бернацкий. - СПб.: Гл. упр. воен.-учеб. заведений, 1913. - 93 с.
140. Бонч-Бруевич, М.Д. Армейские дела и делишки: Сб. ст. 1905-1910 гг. / М.Д. Бонч-Бруевич. - Киев: тип. Окр. штаба, 1911. - 374 с.
141. Бонч-Бруевич, М.Д. Бой / М.Д. Бонч-Бруевич. - Киев: Офицер. стрелк. шк., 1909. - 263 с.
142. Бонч-Бруевич, М.Д. Учебник тактики для военных училищ: Ч. 1-2 / М.Д. Бонч-Бруевич. - СПб.: Гл. упр. воен.-учеб. заведений, 1912. - 330 + 288 с.
143. Бонч-Бруевич, М.Д. Статьи помещенные в печати в 1906-1908 гг. Моим оппонентам / М.Д. Бонч-Бруевич. - СПб.: тип. И.В. Леонтьева, 1908. - 88 с.
144. Бонч-Бруевич, М.Д. Воспоминания севастопольца и кавказца и некоторые мысли по военным вопросам / М.Д. Бонч-Бруевич. - Витебск: Губ. типо-лит., 1901. - 158 с.
145. Бранденбург, Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея / Н.Е. Бранденбург. - СПб., 1889. - 122 с.
146. Бранденбург, Н.Е. 500-летие русской артиллерии / Н.Е. Бранденбург. - СПб.: тип. арт. журн., 1889. - 118 с.
147. Бранденбург, Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России (Приказ артиллерии 1701-1720 гг.) / Н.Е. Бранденбург. - СПб.: тип. Арт. журн., 1876. - 771 с.
148. Бутовский, А.Д. Годы моего учения в Петровско-Полтавском кадетском корпусе / А.Д. Бутовский. - Петроград: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. - 53 с.
149. Бутовский, Н.Д. О подготовке учителей молодых солдат: (Практ. советы командира роты) / Н.Д. Бутовский. - СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1891. - 33 с.
150. Бутовский, Н.Д. О способах обучения и воспитания современного

- солдата / Н.Д. Бутовский. - СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1893. - 244 с.
151. Бутовский, Н.Д. Повести из современной офицерской жизни / Н.Д. Бутовский. - СПб.: В. Березовский, 1914. - 178 с.
152. Бутовский, Н.Д. Промахи молодого офицера / Н.Д. Бутовский. - СПб.: склад изд. У.В.А. Березовского, 1895. - 20 с.
153. Бутовский, Н.Д. Сборник последних статей / Н.Д. Бутовский. - СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1910. - 152 с.
154. Военные беседы, исполненные в Штабе войск гвардии и Петербургского военного округа. Вып.: 1-23. - СПб.: тип. штаба войск гвардии, 1887-1901.
155. Галкин, М.С. Новый путь современного офицера / М.С. Галкин. - СПб.: Военн. тип., 1907. - 143 с.
156. Гарлинский, Д.Н. Мысли об армии: общедоступное изложение. Вып. 1-2 / Д.Н. Гарлинский. - СПб.: тип. Френке и Фюсно, 1911. - 118+237 с.
157. Гершельман, С.К. Нравственный элемент в руках М.Д. Скобелева / С.К. Гершельман. - Гродна: Губ. тип., 1902. - 175 с.
158. Гершельман, С.К. Нравственный элемент в руках Суворова / С.К. Гершельман. - СПб.: тип. Деп. уделов, 1892. - 134 с.
159. Гершельман, С.К. Нравственный элемент под Севастополем / С.К. Гершельман. - СПб.: тип. гл. упр. уделов, 1897. - 467 с.
160. Герштенцвейг, В.К. О патриотическом воспитании в кадетских корпусах / В.К. Герштенцвейг. - СПб.: В. Березовский, 1911. - 36 с.
161. Герштенцвейг, В.К. Воспитывайте чтением / В.К. Герштенцвейг. - СПб.: В. Березовский, 1911. - 16 с.
162. Головин, Н.Н. Высшая военная школа / Н.Н. Головин. - 2-е изд. - СПб., 1910. - 126 с.
163. Головин, Н.Н. Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца / Н.Н. Головин. - СПб.: Экономич. типо-литография, 1907. - 192 с.
164. Головин, Н.Н. Сборник статей / Н.Н. Головин. - СПб.: Экон. типо-лит.,

1914. - 133 с.
165. Головин, Н.Н. Служба Генерального штаба / Н.Н. Головин. - СПб.: Экон. типо-лит., 1912. - 175 с.
166. Гоше, Л.М. Очерк психологии войсковой части и командования / Л.М. Гоше. - СПб.: С. Будаевский, 1910. - 87 с.
167. Греков, А.П. Правовое положение армии в государстве / А.П. Греков. - СПб.: В. Березовский, 1908. - 234 с.
168. Греков, Ф.В. Краткий ист. очерк военно-учеб. заведений 1700-1910 / Ф.В. Греков. - Москва, 1910. - 192 с.
169. Грулев, М.В. Злобы дня в жизни армии / М.В. Грулев. - Брест-Литовск: тип. И. Кобринца, 1911. - 331 с.
170. Гулевич, А.А. Война и народное хозяйство / А.А. Гулевич. - М.: тип. Гл. упр. уделов, 1898. - 188 с.
171. Гулевич, А.А. Сравнение экономического строя России и главнейших европейских государств с военной точки зрения / А.А. Гулевич. - СПб.: тип. Штаба войск Гвардии и Петерб. воен. окр., 1898. - 45 с.
172. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский. - СПб.: Н. Страхов, 1888. - 557 с.
173. Деятельность офицеров артиллерийской школы в 1907-1911 гг. по мнению офицеров переменного состава школы. - Царское село, 1908-1912. - 221+117+73+319+92 с.
174. Драгомиров, М.И. 14 лет. 1881-1894: Сборник оригинальных и переводных статей / М.И. Драгомиров. - СПб.: В. Березовский, 1895. - 366 с.
175. Драгомиров, М.И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск / М.И. Драгомиров. - М.: Воениздат, 1956. - 687 с.
176. Драгомиров, М.И. Лекции тактики, читанные в учебном пехотном батальоне / М.И. Драгомиров. - СПб.: тип. А.П. Червякова, 1864. - С. 54.
177. Драгомиров, М.И. Сборник оригинальных и переводных статей. Т. 1-2 / М.И. Драгомиров. - СПб.: тип. В.С. Балашева, 1881. - 635+405 с.

178. Драгомиров, М.И. Сольферинская битва / М.И. Драгомиров. - СПб.: тип. Н. Тиблена и Ко, 1861. - 89 с.
179. Драгомиров, М.И. Тактика: Курс, принаровл. к прогр. Воен. уч-щ / М.И. Драгомиров. - СПб.: печ. В.И. Головина, 1872. - 319 с.
180. Драгомиров, М.И. Учебник тактики. - 2-е изд. испр. / М.И. Драгомиров. - СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1881. - 488 с.
181. Драгомиров, М.И. Учебник тактики - 3-е изд. перераб. / М.И. Драгомиров. - Киев: тип. Округа штаба, 1906. - 809 с.
182. Драгомиров, М.И. Учебник тактики. - 4-е изд. доп. / М.И. Драгомиров. - Киев: тип. Окр. Штаба, 1911. - 590 с.
183. Дрозд-Бонячевский, А.И. Беседы с кандидатом на эскадрон / А.И. Дрозд-Бонячевский. - СПб.: тип. главного управления уделов, 1904. - 74 с.
184. Дрозд-Бонячевский, А.И. Поединок Куприна с точки зрения строевого офицера / А.И. Дрозд-Бонячевский. - СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1910. - 34 с.
185. Дружинин, К.И. Воинский дух / К.И. Дружинин. - Варшава: Офицерская жизнь, 1911. - 20 с.
186. Дюрьи, Д. Офицер воспитатель. Реклама / Д. Дюрьи. - СПб.: тип. Бережливость, 1896. - 1 с.
187. Дюрьи, Ж. Современная социальная роль офицера, офицер-воспитатель. Перевод с французского / Ж. Дюрьи. - СПб.: тип. «Бережливость», 1906. - 144 с.
188. Елчанинов, А.Г. Ведение современных войны и боя / А.Г. Елчанинов. - СПб.: тип. Г. Скачкова с с-ми, 1909. - 148 с.
189. Елчанинов Г.Г. Третий сборник: Арм. рассказы, очерки и шаржи / Г.Г. Елчанинов. - СПб.: В. Березовский, 1914. - 210 с.
190. Жданов, Л.Г. Вопросы чести / Л.Г. Жданов. - СПб.: Худож. типо-лит. А.К. Вейерман, 1906. - 102 с.
191. Защук, И.И. Заметки из строевой службы / И.И. Защук. - СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1908. - 64 с.

192. Защук, И.И. Поднимите престиж строевой службы / И.И. Защук. - СПб.: В. Березовский, 1907. - 20 с.
193. Защук, И.И. Содержание строевого офицера / И.И. Защук. - Казань: тип. Ун-та, 1889. - 114 с.
194. Защук, И.И. Управление полком: Испр. и доп. всеми законоположениями, относящимися до упр. Полком / И.И. Защук. - СПб.: В. Березовский, 1904. - 65 с.
195. Зайончковский, А.М. Наступательный бой по опыту действий генерала Скобелева в сражении под Ловчей, Плевной / А.М. Зайончковский. - СПб.: тип. С. Корнатовского, 1893. - 230 с.
196. Зайончковский, А.М. Оборона Севастополя: Подвиги защитников: Крат. ист. очерк с ил. / А.М. Зайончковский. - СПб.: Ком. по восстановлению памятников Севастопольск. обороны, 1904. - 78 с.
197. Зайончковский, А.М. Самостоятельность частных начальников: Увлечения и границ / А.М. Зайончковский. - СПб.: В. Березовский, 1894. - 91 с.
198. Зенченко, М.В. Возникновение войны и ее развитие / М.В. Зенченко. - Кишинев: Д.И. Платонов, ценз. 1914, - 16 с.
199. Зенченко, М.В. Нравственные беседы при обучении молодого солдата / М.В. Зенченко. - СПб.: Невский кн. маг., 1902. - 91 с.
200. Зенченко, М.В. Нравственный дух солдата в руках начальника / М.В. Зенченко. - СПб.: тип. Н.В. Васильева, 1895. - 40 с.
201. Зенченко, М.В. Сообщение на тему Анализ нравственных сил бойца, сделанное в Офицерском собрании 117 пех. Ярославского полка / М.В. Зенченко. - СПб.: тип. Н.В. Васильева, 1898. - 92 с.
202. Зыков, А.С. Как и чем управляются люди: Опыт воен. психологии / А.С. Зыков. - СПб.: тип. т-ва Обществ. польза, 1898. - 190 с.
203. Зыков, А.С. Право войны, его теория и положительное законодательств / А.С. Зыков. - СПб.: тип. Глав. упр. уделов, 1900. - 48 с.
204. Кавтарадзе, П.А. Психологические основы воспитания солдата.

- (Очерки воен. педагогики) / П.А. Кавтарадзе. - СПб.: тип. А.С. Суворина, 1907. – 110 с.
205. Каульбарс, А.В. Конница мысли и работа / Н.В. Каульбарс. - СПб.: тип. А.В. Орлова, 1903. - 436 с.
206. Каульбарс, Н.В. Германская армия и принципы ее быта и обучения / Н.В. Каульбарс. - СПб.: В. Березовский, 1890. - 590 с.
207. Кладо, Н.Л. История военно-морского искусства. Лекции, чит. лейт. Кладо. Ч. 1-2 / Н.Л. Кладо. - СПб.: лит. К. Биркенфельда, 1901. - 150+327 с.
208. Клокачев, В.П. Брак офицеров. Законоположения главных государств Запада. История развития и современное положение вопроса в России / В.П. Клокачев. - СПб.: В. Березовский, 1907. - 121 с.
209. Копнитерс, Б. Отказ от воинской службы: Из истории пацифизма в России: (ст. из Бельгии) / Б. Копнитерс // Человек. - 1990. № 5. - С. 59-69.
210. Краевский, В.И. Наши военно-образовательные учреждения (офицерские собрания) / В.И. Краевский. - М.: тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1886. - 49 с.
211. Куропаткин, А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне: итоги войны / А.Н. Куропаткин. - Берлин: J. Ladyschnikow, 1909. - 549 с.
212. Лалаев, М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению / М.С. Лалаев. - СПб.: Тип. Н. Стасюлевича, 1880. - 283 с.
213. Лебон, Г. Психология воспитания: Полный пер. с 11-го фр. изд. с портр. авт. / Г. Лебон. - СПб.: изд. Сергей Будаевский, 1910. - 252 с.
214. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. - СПб.: Ф. Павленков, 1896. - 329 с.
215. Леер, Г.А. Коренные вопросы: (Военные этюды) / Г.А. Леер. - СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1897. - 145 с.
216. Леер, Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). Ч. 1 / Г.А. Леер. -

- СПб.: изд. при содействии Николев. Инж. Акад., 1869. - 476 с.
217. Леер, Г.А. Публичные лекции о войне 1870 года между Францией и Германиею до Седана включительно т. 1 / Г.А. Леер. - СПб.: тип. Тов. Общественная польза, 1873. - 266 с.
218. Леер, Г.А. Стратегия: Тактика театра военных действий. Ч. 1-2 / Г.А. Леер. - СПб.: Николаевская академия Генерального штаба, 1898. - 476+288 с.
219. Лобко, П.Л. Записки военной администрации для военных училищ. 2-е изд. / П.Л. Лобко. - СПб.: тип. Гогенфельдена, 1869. - 252 с.
220. Макаров, С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики / С.О. Макаров. - СПб.: типо-лит. Шредера. 1904. - 299 с.
221. Мартынов, Е.И. Воспоминания о Японской войне командира пехотного полка / Е.И. Мартынов. - Плоцк: тип. Губ. правл., 1910. - 402 с.
222. Мартынов, Е.И. Из печального опыта русско-японской войны / Е.И. Мартынов. - СПб.: Воен. Тип., 1906. - 176 с.
223. Мартынов, Е.И. Из печального опыта русско-японской войны / Е.И. Мартынов. - СПб.: Рус. скоропечатня, 1907. - 176 с.
224. Мартынов, Е.И. Как возникла Плевна / Е.И. Мартынов. - СПб.: Экон. типо-лит., 1900. - 33 с.
225. Мартынов, Е.И. Манджурские порядки: Вып. 1-2 / Е.И. Мартынов. - М.: тип. В.М. Саблина, 1913. - 66+26 с.
226. Мартынов, Е.И. Методическая стратегия и ее критики / Е.И. Мартынов. - СПб.: Воен. тип., 1894. - 58 с.
227. Мартынов, Е.И. Прохождение службы нижними чинами и довольствие их по программам полковых учебных команд пехоты / Е.И. Мартынов. - СПб.: В. Березовский, 1905. - 45 с.
228. Мартынов, Е.И. Сербы в борьбе с царем Фердинандом. Записки очевидца / Е.И. Мартынов // Военно-исторический журнал. - 1996. - № 1. - С. 90-96.
229. Масловский, Д.В. Сборник военно-исторических материалов / Д.В. Масловский. - СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1894. - 21 с.

230. Михайловский, В. Христоролюбивому воину повседневный спутник / В. Михайловский. - СПб.: тип. В.А. Березовского, 1877. - 55 с.
231. Михневич, Н.П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск / Н.П. Михневич. - СПб.: тип. С.Н. Худекова, 1898. - 151 с.
232. Михневич, Н.П. Основы русского военного искусства: Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и Западной Европе в важнейшие исторические эпохи / Н.П. Михневич. - СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса погранич. стражи, 1898. - 180 с.
233. Михневич, Н.П. Основы стратегии: Курс Интендант. акад. / Н.П. Михневич. - СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1913. - 64 с.
234. Мушников, А.А. Основные понятия о нравственности, праве и общежитии: Курс законоведения для кадет. Корпусов / А.А. Мушников. - СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1894. - 144 с.
235. Незнамов, А.А. ... Из опыта русско-японской войны: (Заметки офицера Ген. штаба) / А.А. Незнамов. - СПб.: тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1906. - 130 с.
236. Незнамов, А.А. План войны: (Попул.-науч. очерк) / А.А. Незнамов. - СПб.: тип. Имп. Никол. воен. акад., 1913. - 100 с.
237. Незнамов, А.А. Русско-японская война 1904-05 гг.: Операция на р. Шахе: Лекции Ген. штаба подполк. Незнамова в 1907-08 уч. году / А.А. Незнамов. - СПб.: типо-лит. И. Трофимова, 1908. - 61 с.
238. Незнамов, А.А. Современная война: Действия полевой армии / А.А. Незнамов. - СПб.: тип. Г. Скачкова с с-ми, 1911. - 286 с.
239. Незнамов, А.А. Текущие военные вопросы: (Сб. ст) / А.А. Незнамов. - СПб.: Т-во худож. печати, 1909. - 138 с.
240. Оберучев, К.И. Наши командиры. Опыт статистического исследования служебного движения офицеров / К.И. Оберучев. - Киев: тип. Р.К. Лубковкого, 1910. - 61 с.
241. Парский, Д.П. Боевая подготовка нашего солдата / Д.П. Парский. - СПб.: В. Березовский, 1912. - 189 с.

242. Парский, Д.П. Что нужно нашей армии. Современное ее состояние и необходимые в ней реформы / Д.П. Парский. - СПб.: В. Березовский, 1908. - 334 с.
243. Петров, П.В. Сборник педагогических статей в честь редактора журнала Педагогический сборник А.Н. Острогорского по случаю двадцатипятилетия его редакторской деятельности / П.В. Петров. - СПб.: тип. М.М. Стасюлевич, 1907. - 509 с.
244. Петров, П.В. Труды Первого Съезда офицеров-воспитателей кадетских корпусов / П.В. Петров. - СПб.: тип. М.М. Стасюлевич, 1909. - 540 с.
245. Полянский, В.Н. Моральный элемент в области фортификации / В.Н. Полянский. - СПб.: тип. Гл. упр. Уделов, 1910. - 45 с.
246. Полянский, В.Н. Психический элемент в области фортификации и его влияние на фортификационные формы / В.Н. Полянский. - СПб.: тип. Усманова, 1912. - 237 с.
247. Райковский, В.Л. Военное воспитание / В.Л. Райковский. - М.: печатня А.И. Снегиревой, 1908. - 60 с.
248. Режепо, П.А. Статистика генералов / П.А, Режепо. - СПб.: склад изд. У.В.А. Березовского, 1903. - 30 с.;
249. Режепо, П.А. Статистика полковников / П.А, Режепо. - СПб.: склад изд. У.В.А. Березовского, 1905. - 30 с.
250. Режепо, П.А. Офицерский корпус / П.А, Режепо. - СПб.: склад изд. У.В.А. Березовского, 1909. - 35 с.
251. Самонов, В.А. Мысли современного офицера. Вып. 1 / В.А. Самонов. - Тифлис: тип. Гуттенберг, 1907. - 78 с.
252. Самонов, В.А. Идеи современной войны: Этюд / В.А. Самонов. - СПб.: тип. И. Флейтмана, 1911. - 41 с.
253. Сапер. Офицерский быт (Современные вопросы) / Сапер. - СПб.: Т-во худож. печ., 1902. - 19 с.
254. Сборник систематических сообщений по истории русско-японской войны, сделанный в Виленском военном собрании в течение зимнего

- периода 1907-1908 гг. - Вильна: Вилен. Отдел О-ва ревнителей воен. знаний, 1908. - 426 с.
255. Скугаревский, А.П. Очерки и заметки в 3 т. / А.П. Скугаревский. - Вильна: тип. штаба ВВО, 1913. - 127+263+204 с.
256. Струков, Д.П. Главное артиллерийское управление / Д.П. Струков. - СПб.: тип. т-ва М.О. Вольф, 1902. - 533 с.
257. Сухомлинов, В.А. Опыт руководства для подготовки частей к бою: Подготовка эскадрона. 4-е изд. / В.А. Сухомлинов. - СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1887. - 76 с.
258. Сухомлинов, В.А. По поводу проекта устава строевой кавалерийской службы 1893 года / В.А. Сухомлинов.. - СПб.: Воен. тип., 1894. - 24 с.
259. Сухомлинов, В.А. Ученые вольности / В.А. Сухомлинов.. - СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1893. - 22 с.
260. Ухач-Огорович, Н.А. Психология толпы и армии / Н.А. Ухач-Огорович. - Киев.: тип. С.В. Кульженко, 1911. - 54 с.
261. Черемисов, В.А. Основы современного военного искусства / В.А. Черемисов. - Киев: типография Окружного штаба, 1910. - 94 с.
262. Черемисов, В.А. Русско-Японская война 1904-1905 года / В.А. Черемисов. - СПб.: В. Березовский, 1909. - 288 с.
263. Шилов, А.В. Преступность в армии и алкоголь / А.В. Шилов. - М.: печ. А.И. Снегиревой, 1913. - С. 24.
264. Шумков, Г.Е. Зависимость дыхательной кривой от состояния духа / Г.Е. Шумков. - Киев: лито-тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, ценз. 1903. - 45 с.
265. Шумков, Г.Е. Рассказы и наблюдения из русско-японской войны / Г.Е. Шумков. - Киев: Лито-тип. тов. И.Н. Куршерева и Ко, 1905. -
266. Шумков, Г.Е. Первые шаги психиатрии во время Русско-Японской войны, за 1904-1905 г. / Г.Е. Шумков. - Киев: тип. т-ва Просвещение, 1907. - 59 с.
267. Шумков, Г.Е. Психика бойцов во время сражений / Г.Е. Шумков. - СПб.: б.и., 1909. - 51 с.

268. Шумков, Г.Е. Что делать с порочным элементом армии? / Г.Е. Шумков. - СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1911. - 14 с.
269. Ъ. Положение и быт офицеров / Ъ. - СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1901. - 20 с.
270. Энгельман, И.Г. Воспитание современного солдата и матроса / И.Г. Энгельман. - СПб.: Экон. типо-лит. 1907. - 311 с.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров, В.М. Патриотическое воспитание военнослужащих: Проблемы и пути их решения / В.М. Азаров // Военная мысль. - 2003. - №1. - С. 56-65.
2. Азаров, В.М. Оценка морально-психологического состояния военнослужащих / В.М. Азаров, С.М. Бурда // Военная мысль. 2001. - №3. - С. 34-44.
3. Азаров, В.М. Патриотическое воспитание военнослужащих: Проблемы и пути их решения / В.М. Азаров, С.М. Бурда // Военная мысль. - 2003. - № 1. - С. 56-65.
4. Александер, М.Н. Учебное дело в военных училищах дореволюционного периода и нынешние военные школы / М.Н. Александер // Военное знание. - 1922. - № 10. - С. 20-22.
5. Алпатов, Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа: (Из опыта кадетских корпусов и воен. гимназий в России) / Н.И. Алпатов. - М.: Учпедгиз, 1958. - 244 с.
6. Алпеев, О.Е. Документы стратегических военных игр русского Генерального штаба 1906-1914 гг. в фондах Российского государственного военно-исторического архива / О.Е. Алпеев // Отечественные архивы. - 2008. - № 3. - С. 42-29.
7. Базанов, С.Н. Фронтовые пути русской армии / С.Н. Базанов // Военно-исторический журнал. - 1996. - № 4. - С. 25-35.
8. Байдаров, С.В. Проблемы комплектования армии в России в конце XIX - начале XX века / С.В. Байдаров // Военно-исторический журнал. - 2006. - № 8. - С. 20-24.

9. Бескровный, Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала / Л.Г. Бескровный. - М.: Наука, 1986. - 239 с.
10. Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России / Л.Г. Бескровный. - М.: Наука, 1973. - 615 с.
11. Бубка, С.Н. Вклад Алексея Бутовского в теорию и практику физического воспитания в военно-учебных заведениях и в войсках вооруженных сил России / С.Н. Бубка // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. - Харьков: Национальный ОК Украины, 2012. - № 4. - С. 5-8.
12. Бурский, Д.П. Революция и офицеры / Д.П. Бурский. - М.: Изд-во преп. Моск. ун-та, 1917. - 16 с.
13. Васильев, М.В. Из опыта воспитания русского офицерства царской России в конце XIX - начале XX вв. / М.В. Васильев // Вестник Псковского государственного университета. - 2009. - № 9. - С. 61-65.
14. Вахмистров, В.П. Социальные и духовные основы военного корпоративизма / В.П. Вахмистров // Военная мысль. - 2000. - № 5. - С. 39-43.
15. Веремченко, В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX - начало XX вв.). 2-е изд. / В.А. Веремченко. - СПб.: Европейский дом, 2009. - 682 с.
16. Веремченко, В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века / В.А. Веремченко // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы междунауч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. - СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. - 456 с.
17. Веремченко, В.А. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX - начале XX в. / В.А. Веремченко // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. - 2015. - № 2(06). - С. 100-115.
18. Веремченко, В.А. Семья в обход закона / В.А. Веремченко // Военно-

- исторический журнал. - 2006. - № 3. - С. 55-59.
19. Верховский, А.И. Прикладной метод в академическом преподавании тактики / А.И. Верховский // Военный вестник. - 1922. - № 17-18. - С. 27.
 20. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976) // Российская газета. - 2014. - 30 декабря.
 21. Военно-психологические взгляды русских военных деятелей XIII-XX веков / Под ред. К.В. Богданова. - М.: Военный Университет, 1993. - 256 с.
 22. Волкогонов Д.А. Беседы о воинской этике / Д.А. Волкогонов. - М.: ДОСААФ, 1977. - 160 с.
 23. Волкогонов Д.А. Воинская этика / Д.А. Волкогонов. - М.: Воениздат, 1976. - 320 с.
 24. Волкогонов Д.А. Этика советского офицера / Д.А. Волкогонов. - М.: Воениздат, 1973. - 230 с.
 25. Волков, С.В. Русский офицерский корпус / С.В. Волков. - М.: Воениздат, 1993. - 367 с.
 26. Галушко, А.Ю. О долге и чести воинской в русской армии: Собрание материалов, документов и статей / А.Ю. Галушко, А.А. Колесников. - М.: Воениздат, 1991. - 364 с.
 27. Гефнер, О.В. Армия и общество в России во второй половине XIX - начале XX вв.: проблема культурного диалога (на материалах западной Сибири) / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. - 2014. - №. 1(1). - С. 9-19.
 28. Гефнер, О.В. Образ армии в периодической печати западной Сибири (конец XIX - начало XX вв.) / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. - 2011. - № 3. - С. 76-80.
 29. Гефнер, О.В. Социальный статус офицерства русской армии в конце XIX - начале XX вв.: локальный подход / О.В. Гефнер // Вестник Омского университета. - 2012. - №. 3. - С. 15-19.
 30. Гребенкин, И.Н. Российское офицерство в начале XX века: от сословной корпорации к профессиональному сообществу / И.Н. Гребенкин // Бартеневские чтения: материалы областной научно-практической

- конференции, посвященной 200-летию победы России в Отечественной войне 1812 года. - Липецк: ЛГПУ, 2012. - С. 151-158.
31. Гребенкин, И.Н. Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в. / И.Н. Гребенкин // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2009. - Вып. 3(71). - С. 220-228.
32. Гребенкин, Н.И. Русский офицерский офицер в годы мировой войны и революции: 1914-1918 гг. / И.Н. Гребенкин. - Рязань: РГУ, 2010. - 400 с.
33. Данилов, Ю.Н. Россия в мировой войне 1914 - 1915 гг. / Ю.Н. Данилов. - Берлин: Слово, 1924. - 396 с.
34. Дьяков, В.О. Славянская идея: история и современность / В.А. Дьяков. - М.: Институт славяноведения РАН, 1998. - 174 с.
35. Дьяков, В.О. О развитии русской военно-исторической мысли в последней четверти XIX века / В.О. Дьяков // Военно-исторический журнал. - 1959. - № 5. - С. 60-74.
36. Ельчанинов, В.Л. История - наставница жизни / В.Л. Ельчанинов. - М.: Знание, 1981. - 64 с.
37. Ерошкин, Н.П. Государственные учреждения России в дореформенный период (1801-1861 гг.) / Н.П. Ерошкин. - М.: Б. и., 1957. - 78 с.
38. Ефремов В.Я. Моральный дух войск царской армии в Руссо-японской войне (1904-1905 гг): дореволюционная и советская историография проблемы (конспективное изложение историографического обзора) / В.Я. Ефремов // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы III Всерос. науч. конф. Вып. 3 / под общ. ред. Е.Ю. Семеновой. - Самара: Самар. гос. тех. ун-т, 2016. - С. 269-273.
39. Жилин, П.А. Русская военная мысль: конец XIX - начало XX вв. / П.А. Жилин, В.А. Андреев. - М.: Наука, 1982. - 252 с.
40. Зайончковский П.А. Военные реформы Д.А. Милютин // Вопросы истории. - 1945. Т. 2. - С. 3-26.
41. Зайончковский, П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России / П.А. Зайончковский. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. - 371 с.

42. Зайончковский, П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX - XX столетий / П.А. Зайончковский. - М.: Мысль, 1973. - 351 с.
43. Зайончковский, П.А. Высшее военное управление. Статьи, публикации и воспоминания о нем / П.А. Зайончковский. - М.: РОССПЭН, 1998. - 563 с.
44. Зайончковский, П.А. Офицерский корпус русской армии перед первой мировой войной / П.А. Зайончковский // Вопросы истории. - 1981. - № 4. - С. 21-29.
45. Зарецкий, В.М. Государственное управление и военное образование в России (XI-XIX века): монография / В.М. Зарецкий. - М.: Изд-во МГОУ, 2010. - 204 с.
46. Золотарев, В.А. Военно-историческая мысль в России на рубеже XIX и XX столетий / В.А. Золотарев. - Лен.: Б. и., 1975. - 20 с.
47. Зуев, М.Н. К вопросу о подготовке офицеров запаса в России: конец XIX - начало XX века / М.Н. Зуев // Военно-исторический журнал. - 2008. - № 2. - С. 47-48.
48. Иванов, А.Е. Высшая школа России в конце XIX - начале XX века / А.Е. Иванов. - М.: Б.и., 1991. - 392 с.
49. Иванов, К. Русская военная мысль на рубеже XIX и XX столетий / К. Иванов // Военная мысль. - 1946. - № 7. - С. 49-65.
50. Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Торжество православия (очерки русского самосознания) / Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский // Наш современник. - 1993. - № 12. - С. 87-93.
51. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Историография Гражданской войны в России в первые послевоенные годы (1922-1932 гг.) / С.Н. Полторац, Г.М. Ипполитов // КЛИО. - 2016 - № 3(111). - С. 21-38.
52. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Ранняя советская историография Гражданской войны в России 1918-1922 гг. / С.Н. Полторац, Г.М. Ипполитов // КЛИО. - 2016 - № 1(109). - С. 43-61.
53. Ипполитов Г.М., Полторац С.Н. Советская историография Гражданской войны в России в 1930-1950 гг. / С.Н. Полторац, Г.М. Ипполитов // КЛИО. -

2016 - № 8(116). - С. 120-139.

54. Калашников, И.А. Обучение и воспитание в российской армии (XVII-XIX века): Сб. лекций / А.И. Калашников. - М.: ВИА, 1993. - 76 с.
55. Калинин, М.И. О моральном облике нашего народа / М.И. Калинин. - Л.: Лениздат, 1945. - 36 с.
56. Каменев, А.И. Офицерский корпус русской армии: опыт самопознания / А.И. Каменев, И.И. Ефремова. - М.: Военный университет, русский путь, 2000. - 639 с.
57. Каменев, А.И. Военная школа России (уроки истории и стратегия развития) / А.И. Каменев. - М.: Сигналь, 1999. - 355 с.
58. Каминский, В.В. Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии / В.В. Каминский. - СПб.: Алетейя, 2011. - 736 с.
59. Канищев, В.В. Формы взаимодействия офицеров с городским гражданским сообществом в российской провинции второй половины XIX - начала XX вв. (на материалах Тамбовской губернии) / В.В. Канищев // Вестник Тамбовского университета. - 2012. - № 12(116). - С. 428-436.
60. Кафенгауз, Б.Б. Военно-историческая литература в СССР за 25 лет / Б.Б. Кафенгауз // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. - М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1942. - 288 с.
61. Керсновский, А.А. История русской армии В 4 т. / А.А. Керсновский. - М.: Голос, 1999. - 302 + 333 с.
62. Керсновский, А.А. Наша будущая малая армия / А.А. Керсновский // Царский вестник. - 1931. - № 194. - С. 5-9.
63. Ключко, И.К. К вопросу о накоплении комсостава запаса / А.И. Ключко // Война и революция. - 1925. - № 3. - С. 35-54.
64. Константинов, А.И. Военная цензура как условие победы / А.И. Константинов, Д.В. Иванов // Военно-исторический журнал. - 2000. - № 4. - С. 20-28.
65. Кожевин, В.Л. Из истории социального поведения и неформальных

- культурных практик воспитанников российской военной школы (конец XIX - начало XX вв.) / В.Л. Кожевин // Психопедагогика и правоохранительные органы. - 2011. - № 3. - С. 39-44.
66. Константинов, С.В. Русские офицеры военного времени / А.И. Константинов // Вопросы истории. - 2009. - № 8. - С. 107-111.
67. Коровин, В.М. Аттестация офицерских кадров в русской армии / В.М. Коровин, В.А. Свиридов // Военно-исторический журнал. - 2004. - № 3. - С. 2-5.
68. Коровин, В.М. Военное образование в Российской империи / В.М. Коровин. - Воронеж: полиграфический центр ВГУ, 2009. - 704 с.
69. Коровин, В.М. Подготовка офицерских кадров в России: традиции и современность / В.М. Коровин. - Воронеж: полиграфический центр ВГУ, 2004. - 363 с.
70. Котлова Т.Б., Трефилова М.Н. Ищу чуткого, внимательного товарища – жену: к вопросу о вступлении в брак в городской среде в начале XX века (по материалам брачных отношений) / М.Н. Трефилова, Т.Б. Котлова // Известия высших учебных заведений. Серия: гуманитарные науки. - 2011. - Т. 2. - Вып. 4. - С. 320-323.
71. Коупленд, Н. Психология и солдат / Н. Коупленд. - М.: Воениздат, 1958. - 136 с.
72. Кривицкий, А.Ю. Традиции русского офицерства / А.Ю. Кривицкий. - М.: Воен. изд-во, 1945. - 108 с.
73. Крупенин, И.И. Состояние военно-теоретической мысли в России во второй половине XIX века / И.И. Крупенин. - М.: Тип. ВПА, 1948. - 54 с.
74. Крылов, В.М. Званье скромное и гордое кадет: ист. и культур. традиции кадет. корпусов России / В.М. Крылов. - СПб.: Петербург - XXI век, 2004. - 158 с.
75. Крылов, В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты / В.М. Крылов. - СПб.: ВИМАИВиВС, 1998. - 671 с.
76. Крылов, В.М. Нагрудные знаки и жетоны Кадетских корпусов России: из

- собрания Военно-Исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи / В.М. Крылов. - СПб.: ЭГО, 1997. - 45 с.
77. Крылов, В.М. Преобразование отечественной артиллерии в годы военных реформ 60-70-х годов XIX века / В.М. Крылов. - СПб.: СПГУТД, 2004. - 329 с.
78. Кузнецов, Ф.Е. Брусилов о воспитании и подготовке офицерских кадров: (По мат-лам Центр. воен.-ист. архива) / Ф.Е. Кузнецов. - Л.: 2-я типо-лит. УВМИ, 1944. - 22 с.
79. Кузьмин, Ф.М. История Николаевской академии генерального штаба и военной академии им. М.В. Фрунзе / Ф.М. Кузьмин. - М., 1993.
80. Куприн, А.И. На переломе (Кадеты) / А.И. Куприн. - СПб.: Освобождение, 1913. - 156 с.
81. Куприн, А.И. Юнкера: роман / А.И. Куприн. - Париж: Возрождение, 1933. - 326 с.
82. Лазарев, К.В. Воспитательные аспекты армейской подготовки в военной публицистике конца XIX - начала XX веков / К.В. Лазарев // Военно-исторический журнал. - 2016. - № 4. - С. 46-51.
83. Лазарев, К.В. Определение понятия «воинское воспитание» военными теоретиками конца XIX - начала XX вв. / К.В. Лазарев // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. - 2016. - Т. 22. - № 3. - С. 30-33.
84. Лазарев, К.В. Проблемы офицерских браков на рубеже XIX-XX вв. и их отражение в военных реформах начала XX века (по материалам периодической печати) / К.В. Лазарев // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина: Научный журнал. - 2015. - № 3. - Т. 4. История. - С. 39-47.
85. Левашко, В.О. На Балтике в советско-финляндскую... Морально-политическое состояние личного состава кораблей Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: моногр. / В.О. Левашко. - СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. - С. 9-10.

86. Марков, А.Л. Кадеты и юнкера: Рус. кадеты и юнкера в мир. время и на войне / А.Л. Марков. - Сан-Франциско: Общ. кадет. Объедин., 1961. – 302 с.
87. Морозов, С.Д. Сиделец в кабаке более офицера получает. Офицерский корпус России на рубеже XIX-XX вв. / С.Д. Морозов // Военно-исторический журнал. - 1998. - № 1. - С. 4-15.
88. Манукян, В.М. Военно-патриотическое воспитание населения России / В.М. Манукян. - СПб.: ИВЭСЭП: Знание, 2000. - 93 с.
89. Масанов, И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т.2-4 / И.Ф. Масанов. - М.: Всесоюз. кн. палаты, 1957. - 387 + 415 + 558 с.
90. Мещеряков, Г.П. Русская военная мысль в XIX в. / Г.П. Мещеряков. - М.: Наука, 1973. - 315 с.
91. Миллер, Г. Моральное воспитание в Германии, России и Японии. Сравнительный этюд на основе опыта русско-японской войны: Пер. с нем. / Г. Миллер. - М.: тип. В.А. Жданович, 1907. - 67 с.
92. Михайлов, Н. Кадетские годы Сергеева / Н. Михайлов. - СПб.: тип. И.М. Флейтмана, 1902. - 427 с.
93. Муратов, В. Система военного образования / В. Муратов // Красный офицер. - 1919. - № 1-2. - С. 24-25.
94. Мэсси, Р.К. Николай и Александра: пер. с англ. / Р.К. Мэсси. - М.: Дом, 1992. - 508 с.
95. Никифоров, А.Л. Модернизация структуры высшего управления Российской имперской армии в ходе военной реформы 1905-1912 гг. / А.Л. Никифоров // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы всерос. науч. конф. с межд. уч. - СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. - С. 164.
96. Никифоров, А.Л. Особенности повседневной жизни российского офицера накануне Первой мировой войны / А.Л. Никифоров // Война и повседневная жизнь населения России XVII-XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы межд. науч. конф. / отв. ред. В.А. Верременко. - СПб.:

- ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. - С. 153-157.
97. Никифоров, А.Л. Особенности поступления офицеров на службу в столичные гвардейские полки русской императорской армии в начале XX в. / А.Л. Никифоров // Столицы и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. - СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2014. - С. 73-77.
98. Ольденбург, С.С. Царствование Императора Николая II / С.С. Ольденбург. - Вашингтон: Общество распространения русской национальной и патриотической литературы, 1981. - 644 с.
99. Покровский, М.Н. Мемуары царя Андрона / М.Н. Покровский // Печать и революция. - 1922. № 2. - С. 9-31.
100. Покровский, М.Н. Русская история в самом сжатом очерке / М.Н. Покровский. - М.: Гос. изд. 1922. - 252 с.
101. Поликарпов, В.Д. Военная контрреволюция в России в 1905 - 1917 гг. / В.Д. Поликарпов. - М.: Наука, 1990. - 381 с.
102. Полторац, С.Н. Александр Иванович Верховский: первый опыт анализа историографии / С.Н. Полторац // КЛИО. - 2006. - № 1. - С. 54-56.
103. Полторац, С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского / С.Н. Полторац. - СПб.: Остров, 2014. - 297 с.
104. Полторац, С.Н. Первый фундаментальный труд о А.И. Деникине (рец. на монографию Г.М. Ипполитова Военная, политическая и общественная деятельность Антона Ивановича Деникина в 1890-1947 гг.) / С.Н. Полторац // КЛИО. - 1998. - № 2. - С. 303-305.
105. Регентов, Г.Н. Российская военная мысль в последней трети XIX - начале XX в.: становление военной социологии / Г.Н. Регентов // Постигая военную историю. - 1992. - № 3. - С. 9-23.
106. Романов, Н.Н. Извечная проблема русской армии / Н.Н. Романов // Независимая газета. - 2001. - № 166 (2476). - С. 5.
107. Романов, Н.Н. Очерки истории воинской дисциплины: кон. XIX - нач. XX вв. / Н.Н. Романов. - Сызрань: Б.и., 2002. - 138 с.
108. Ростунов, И.И. История русско-японской войны / И.И. Ростунов. - М.:

- Наука, 1977. - 383 с.
109. Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков: сборник статей под ред. д-ра ист. наук Л.Г. Бескровного. - М.: Воениздат, 1960. - 758 с.
110. Рябов, С.П. Педагогическая система М.И. Драгомирова / С.П. Рябов. - СПб.: Русский остров, 2010. - 124 с.
111. Свечин, А.А. Интеллектуализм в военном воспитании / А.А. Свечин // Военно-педагогический журнал. - 1920. № 1-2. - С. 45-55.
112. Свечин, А.А. Капитализм в военном воспитании / А.А. Свечин // Вестник милиционной армии. - 1921. - № 5. - С. 17-22.
113. Сенявская, Е.С. Человек на войне: Ист.-психол. Очерки / Е.С. Сенявская. - М: Изд. центр ИРИ, 1997. - 226 с.
114. Сенявская, Е.С. Психология войны в XX веке: ист. опыт России / Е.С. Сенявская. - М.: РОССПЭН, 1999. - 382 с.
115. Таранова, И.С. К вопросу о взглядах Д.А. Милютина на проблему патриотического воспитания офицерского корпуса русской армии / И.С. Таранова // Известия самарского научного центра РАН. - Самара: СНЦ Российской академии наук, 2008. Вып. № 1. Т. 10. - С. 48-52.
116. Федоров, А.В. Взгляды Драгомирова на воинское воспитание / А.В. Федоров. - Лен.: ЛГУ, 1945. - 4 с.
117. Хаген фон, М. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 годы / М. Хаген // Отечественная история. - 2004. - №5. - С.37-49.
118. Хрусталева, С.В., Батьковский А.М., Колычев С.Ю. Размер денежного довольствия офицера представляется предметом первостепенной важности / С.Ю. Колычев, А.М. Батьковский, С.В. Хрусталева // Военно-исторический журнал. - 1997. - № 1. - С. 2-9.
119. Ферро, М. Николай II: Пер. с фр. / М. Ферро. - М.: Международные отношения, 1991. - 349 с.
120. Шаров, А.В. Война застала нас врасплох / А.В. Шаров // Военно-

- исторический журнал. - 2002. - № 7. - С. 28-33.
121. Шапошников, Б.М. Мозг армии. Кн.1-3. / Б.М. Шапошников. - М.: Военный вестник, 1927-1929. - 258 + 261 + 380 с.
122. Шацилло, К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика / К.Ф. Шацилло. - М.: РОССПЭН, 2000. - 399 с.
123. Шацилло, К.Ф. Россия перед мировой войной: вооруженные силы царизма в 1905-1914 гг. / К.Ф. Шацилло. - М.: Наука, 1974. - 112 с.
124. Щедринский, В. Комплектование военно-учебных заведений строевым и преподавательским составом / В. Щедринский // Военный вестник. - 1926. - № 43. - С. 38-39.
125. Яковлева, Л.В. Влияние и роль офицерского корпуса Российской империи на подготовку и становление молодых офицеров / Л.В. Яковлева // Вестник Тамбовского университета. - 2010. - № 10. - С. 23-25.
126. Beyrau, D. Militär und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland (Beiträge zur Geschichte Osteuropas) / D. Beyrau. - Köln: Bohlau, 1984. - 504 p.
127. Campbell, N.J. M: The battle of Tsu-Shima / N.J. Campbell // Warship. - 1980. - № 1-4.
128. Corbett, J.S. Maritime operations in the Russo-Japanese war, 1904-1905 with an introduction by John B. Hattendorf and Donald M. / J.S. Corbett. - Schurman-Annapolis: Naval Institute Press, 1994. - 322 p.
129. Erickson, E.J. Defeat in detail: The Ottoman army in the Balkans, 1912-1913 / E.J. Erickson. - Westport: Praeger, 2003. - 403 p.
130. Erickson, E.J. Ordered to die: A history of the Ottoman army in the First World War / E.J. Erickson. - Westport: Greenwoodpress, 2001. - 265 p.
131. Evans, D.C. Kaigun: strategy, tactics, and technology in the Imperial Japanese Navy, 1887-1941 / D.C. Evans. - Annapolis: Naval Institute Press, 1997. - 661 p.
132. Huntington S. Ph., The soldier and the state: The theory and politics of civil-military relations / S. Ph. Huntington. - Cambridge, Mass: The Belknap press of Harvard univ. press, 1957. - XIV. - 534 p.

133. Kenez P.A. Profile of the Prerevolutionary Officer Corps / P.A. Kenez // California Slavic Studies. 1973. - № 7.
134. Kenez, P.A. Russian Officer Corps Before the Revolution: The Military Mind / P.A. Kenez // Russian Review. 1972. - № 31.
135. Richardson, J.L. Crisis Diplomacy: the Great powers since the mid-nineteenth century / J.L. Richardson. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. - 426 p.
136. Stein, H.P. Der Officer des russischen Heers im Zeitabschnitt zwischen Reform und Revolution (1861-1905) / H.P. Stein // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. 1967. №3. S. 351-363.

Авторефераты и диссертации

137. Абашидзе, Т.Л. Общество ревнителей военных знаний (конец XIX - начало XX века): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Абашидзе Теймураз Лерьевич. - М., 2002. - 203 с.
138. Азарная, М.А. Педагогическая пресса в России во второй половине XIX в.: генезис, предметно-тематические и структурно-функциональные особенности: дис. ... канд. фил. наук: 10.01.10 / Азарная Марина Александровна. - Ставрополь, 2006. - 177 с.
139. Бордунов, С.В. Развитие теории и практики подготовки офицерского состава в военной школе дореволюционной России второй половины XIX - начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Станислав Васильевич Бордунов. - М., 1991. - 24 с.
140. Бровко, А.С. Деятельность властных структур по реализации государственной идеи нравственного воспитания корпуса российских армейских офицеров в условиях мирного времени (1880-август 1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Александр Сергеевич Бровко. - Вольск, 2007. - 265 с.
141. Вапилин, Е.Г. Государственная власть Российской империи и русская армия в начале XX века: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02 / Евгений Геннадьевич Вапилин. - СПб., 2000. - 476 с.

142. Думби, Ю.Ф. Военная и научная деятельность Александра Андреевича Свечина: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юрий Федорович Думби. - М., 2000. - 383 с.
143. Журавлев А.Ю. Подготовка обер-офицерского состава русской армии в юнкерских военных училищах второй половины XIX - начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Андрей Юрьевич Журавлев. - СПб., 2008. - 24 с.
144. Забашта Ю.В. Подготовка технических специалистов для артиллерийского ведомства русской армии (1821-1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Юрий Владимирович Забашта. - М., 2009. - 26 с.
145. Заланский, К.М. Военно-историческая работа в русской армии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Константин Маратович Заланский. - М., 1997. - 27 с.
146. Зуев М.Н. Подготовка военно-обученного резерва в России (1876-1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Михаил Николаевич Зуев. - СПб., 2008. - 26 с.
147. Ипполитов, Г.М. Военная и политическая деятельность А.И. Деникина, 1890-1947 гг.: дис. ... док. ист. наук: 07.00.02 / Георгий Михайлович Ипполитов. - М., 2000. - 507 с.
148. Камардина, О.В. Императорское русское историческое общество: очерк истории и научной деятельности 1866-1916: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ольга Владимировна Камардина. - Самара, 1999. - 227 с.
149. Кепель, О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии (1874-1914 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Олег Владимирович Кепель. - М., 2007. - 246 с.
150. Колпачев, В.В. Формирование основ личностного подхода в подготовке войск и военных кадров в России в XVIII - начале XX веков: дис. ... док. пед. наук: 13.00.01 / Виктор Васильевич Колпачев. - Ставрополь, 1999. - 295 с.
151. Крылов, М.В. Правовое воспитание военнослужащих Русской армии

- (1867-1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Михаил Валерьевич Крылов. - СПб., 2011. - 248 с.
152. Лелина, Е.И. Педагогический музей в России второй половины XIX - начала XX веков: история становления и развития: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Елена Ивановна Лелина. - СПб., 2008. - 369 с.
153. Манукян, В.М. Военно-патриотическое воспитание населения России (1905-1914 гг.): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Владимир Манвелович Манукян. - СПб., 2000. - 183 с.
154. Михайлов, А.А. Военно-учебное ведомство России во второй половине XIX - начале XX в. И его роль в подготовке офицерских кадров: дисс. ... док. ист. наук: 07.00.02 / Андрей Александрович Михайлов. - СПб., 2000. - 608 с.
155. Николенко, А.В. Образ внешней политики России конца XIX - XX века в сознании политической и военной элиты страны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Александр Владимирович Николенко. - Краснодар, 2010. - 263 с.
156. Панов, А.И. Участие офицеров русской армии в революционно-демократической борьбе против самодержавия (1905-1907 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Анатолий Иванович Панов. - М., 1992. - 24 с.
157. Романов, Н.Н. Воинская дисциплина в Русской Армии второй половины XIX - начала XX в.: социально-политический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Николай Николаевич Романов. - Самара, 1999. - 239 с.
158. Саксонов, О.В. Военные реформы 1905-1912 годов в России и их влияние на военное искусство: дис. ... канд. ист. наук: 20.02.22 / Олег Викторович Саксонов. - М., 1994. - 275 с.
159. Сергеев, Е.Ю. Образ Запада в представлении военной элиты России (1900-1914 гг.): дис. ... док. ист. наук: 07.00.03 / Евгений Юрьевич Сергеев. - М., 2001. - 356 с.

160. Симашенко, П.Д. Деятельность властных структур и органов военного управления по патриотическому воспитанию офицерского корпуса русской армии (1890-1914 гг): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Павел Дмитриевич Симашенко. - Самара, 2003. - 252 с.
161. Теркун, А.Н. Военное воспитание в России (1905-1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Александр Николаевич Теркун. - СПб, 1999. - 249 с.
162. Федорин, С.В. Государственная система физического воспитания в русской армии и на флоте (вторая половина XIX в. - 1914 г.): дис. ... док. ист. наук: 07.00.02 / Сергей Владимирович Федорин. - СПб., 2002. - 629 с.
163. Федько, И.Ю. Педагогическое творчество Н.Д. Бутовского в контексте военно-политических реалий пореформенной России: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Игорь Юрьевич Федько. - Ставрополь, 1998. - 165 с.
164. Чернов, Л.А. Повседневная жизнь офицерского корпуса русской армии в Маньчжурии в годы русско-японской войны 1904-1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лев Алексеевич Чернов. - Иваново, 2014. - 233 с.

Электронные ресурсы

165. Книгафонд [Электронный ресурс] / ООО Центр цифровой дистрибуции. - М., 2008-2016. - Режим доступа: <http://www.knigafund.ru>, свободный - Загл. с экрана (дата обращения 06.02.2016).
166. Министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. сайт. - М., 2011 - 2016. - Режим доступа: <http://mil.ru>, свободный - Загл. с экрана (дата обращения 16.05.2016).
167. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU [Электронный ресурс] / Мин-во образования и науки Рос. Федерации. - М., 2000 - 2016. - Режим доступа: <http://elibrary.ru>, свободный - Загл. с экрана (дата обращения 16.02.2016).
168. Яндекс переводчик [Электронный ресурс] / Яндекс. - М., 2011-2016. - Режим доступа: <https://translate.yandex.ru>, свободный - Загл. с экрана (дата обращения 27.01.2016).

Приложения

Приложение 1

Таблица 1. Количество изданий, заказанных офицерами в полковых библиотеках за 1988-1900 гг. ¹

В штуках

	Штаб-офицеры	Капитаны	Штабс-капитаны	Поручик	Подпоручик	Всего
Военных книг и журналов	1,03	0,3	0,9	0,8	0,5	0,7
Общеобразовательных книг	0,3	0,4	0,5	0,6	1,1	0,6
Беллетристических сочинений	3,9	3,6	4,8	5,5	5,6	4,7
Итого	5,2	4,3	6,2	6,9	7,2	5,96

¹ Подсчитано по: Н. Р-ов. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 8.

Приложение 2

Таблица 2. Количество изданий военной литературы, заказанных офицерами в полковых библиотеках за 1988-1990 гг.¹

В штуках

	Штаб- офицеры	Капитаны	Штаб- капитаны	Поручик	Подпоручик	Всего
Периодические издания	0,3	0,1	0,3	0,3	0,06	0,2
Уставы и справочные книги	0,02	0,06	0,05	0,03	0,01	0,03
Военно-учебные книги	0,03	0,05	0,05	0,2	0,1	0,1
Остальные военно-литературные сочинения	0,95	0,1	0,5	0,17	0,33	0,37
Итого	1,3	0,3	0,9	0,7	0,5	0,7

¹ Подсчитано по: Н. Р-ов. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 8.

Приложение 3

Таблица 3. Количество изданий периодической литературы, заказанных офицерами в полковых библиотеках за 1988-1990 гг. ¹

В штуках

	Штаб-офицеры	Капитаны	Штабс-капитаны	Поручик	Подпоручик	Всего	
						Читат.	%
Военный сборник	15	2	23	69	3	112	68
Разведчик	7	8	9	22	2	48	30
Итого	22	10	32	91	5	160	98
На каждого в 1 год	0,3	0,1	0,26	0,26	0,06	0,13	

¹ Подсчитано по: Н. Р-ов. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 8.

Приложение 4

Таблица 4. Количество изданий военно-учебной литературы, заказанных офицерами в полковых библиотеках за 1988-1900 гг.¹

В штуках

	Число сочинений	Прочтено						
		Штаб-офицеры	Капитаны	Штабс-капитаны	Поручик	Подпоручик	Всего	
							Сочин.	%
Тактика	13	2	4	5	28	4	43	51
Топография	7	-	1	1	9	3	14	17
Администрация	2	-	-	-	5	-	5	7
Фортификация	3	-	-	-	14	-	14	17
Артиллерия	2	-	-	-	6	-	6	8
Итого	27	2	5	6	62	7	82	100

¹ Подсчитано по: Н. Р-ов. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 9.

Приложение 5

Таблица 5. Количество изданий оригинальной и переводной литературы, заказанных офицерами в полковых библиотеках за 1988-1900 гг. ¹

В штуках

	Число сочинений	Штаб-офицеры	Капитаны	Штабс-капитаны	Поручик	Подпоручик	Всего	
							Сочин.	%
Военная история	28	16	4	31	63	5	119	47
Тактика	13	2	2	8	13	5	30	12
Законодательство	3	-	-	1	3	-	4	1,5
Стратегия	4	-	-	-	3	1	4	1,5
Военная статистика	6	5	1	3	10	2	21	8
Общие военные вопросы	18	4	5	18	39	10	76	30
Итого	72	27	12	61	131	23	254	100

¹ Подсчитано по: Н. Р-ов. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 9.

Приложение 6

Таблица 6. Количество изданий литературы, заказанных каждым офицером в полковых библиотеках за 1988-1900 гг. ¹

В штуках

Кол-во книг	Штаб-офицеры		Капитаны		Штабс-капитаны		Поручик		Подпоручик		Итого	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
0	10	58,9	13	40,6	15	39,4	40	35	8	30,7	86	37,9
1	1	-	11	-	7	-	21	-	11	-	51	-
2	-	-	2	-	2	-	16	-	3	-	26	-
3	-	-	6	-	3	-	8	-	1	-	18	-
4	-	-	-	-	3	-	5	-	-	-	8	-
5	2	-	-	-	1	-	5	-	2	-	10	-
1-5	3	17,7	19	59,4	16	42,1	55	48,2	17	65,3	110	48,5
6	1	-	-	-	1	-	3	-	1	-	6	-
7	-	-	-	-	3	-	4	-	-	-	7	-
8	-	-	-	-	1	-	5	-	-	-	6	-
9	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	2	-
10	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
6-10	2	11,7	-	-	5	13,1	14	12,3	1	4	22	9,8
11-15	2	11,7	-	-	1	2,1	4	2	-	-	7	2,9
17	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1	-
21	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-
Итого	7	41,1	19	59,4	23	60,6	74	65	18	69,8	141	62,1

¹ Н. Р-ов. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 9.

Приложение 7

Таблица 7. Количество изданий литературы, заказанных офицерами в полковых библиотеках за 1988-1900 гг. (без учета единичных случаев заказа книг)¹

В штуках

	Общ. число	Нечит.		1 гр.		2 гр.		Всего	
		Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%
Штаб- офицеры	13	10	77	3	23	-	-	3	23
Капитаны	32	13	40,6	19	59,4	-	-	19	59,4
Штабс- капитаны	34	15	44,1	16	47	8	8,9	19	55,9
Поручик	107	40	37,3	55	50,1	12	11,8	67	62,7
Подпоручик	25	8	32	17	68	-	-	17	68
Итого	211	86	40,7	110	52,2	15	7,1	125	59,3

¹ Подсчитано по: Н. Р-ов. Любопытная статистика // Разведчик. 1909. № 949. С. 9.

Приложение 8

Таблица 8. Состав офицеров пехоты по уровню специального военного образования на апрель 1912 г.¹

В процентах

Категория	Военные академии (%)	Военные училища (%)	Юнкерские училища (%)	Без военного образования (%)
Генералы	55,3	36	7,4	1,3
Штаб-офицеры	18,8	42,6	37,6	1
Обер-офицеры	3	49,6	45	2,4

¹ Посчитано по: Военно-статистический ежегодник армии.- СПб.: изд. Гл. шт., 1914. С. 228-230.

Приложение 9

Таблица 9. Состав офицеров пехоты по уровню общего образования на апрель 1912 г.¹
В процентах

Категория	Высшее (%)	Среднее (%)	Низшее (%)	Домашнее (%)
Генералы	5,8	88,6	1,2	4,4
Штаб-офицеры	2,4	75,8	14,1	7,7
Обер-офицеры	0,9	65,8	22,2	11,1

¹ Посчитано по: Военно-статистический ежегодник армии.- СПб.: изд. Гл. шт., 1914. С. 228-230.

Приложение 10

Н. Броницкая. Патриотизм.¹

Посвящается одному французу патриоту, г-ну Де-Кастро.

«Свобода, равенство, братство» или «Будь моим братом, иначе я тебя уничтожу». Изречение русской революции.

Вам легко быть патриотом,
 Не чуждаться кровных уз,
 Жить спокойно не под гнетом, -
 Оттого, что Вы – француз.

Но, когда б Вы русским были
 Патриотом в этот час –
 «Отсталым» бы заклеямили
 И смешали б с грязью вас!..

И на вас в словах глумливых,
 Пролился бы яд речей
 наших шумных и крикливых
 Всех свободы торгашей!..

Милой Франции на страже,
 Не жалея головы,
 В час войны от пули вражьей
 Умирать пойдете Вы –

А студент, освобожденный
 От понятий «отсталых»,
 Над Россией побежденной

¹ Н. Броницкая Патриотизм // Братская помощь. 1910. № 12. С. 5-10.

Надругался в этот миг,

Над отчизны пораженьем
В слух злорадно хохотал,
И микадо с поздравленьем
Телеграмму посылал¹.

Но микадо ликом светел,
Положась на верность слуг,
И солдат своих, - ответил:
«Благодарствую, мой друг!

Коль изменники такие
Завелись бы у меня,
Как теперь, у вас, в России, -
Перевешал всех бы я!»².

Нет снарядов в ратном поле,
Ядер, пуль недостает:
Стал уж с месяц, коль не боле,
Наш Обуховский завод,

В нем «товарищи» отчизну
Нашу губят, продают,
Ей они готовят тризну,
Хоть «свободой» то зовут!..³

¹ Действительный факт, которым опозорили себя некоторые из русских студентов (ред.)

² В Японии измена карается смертной казнью без всякого снисхождения. (Будешь верен поневоле!)

³ Во время сражений приказано было беречь снаряды, так как заводы забастовали и подвоза не было. Подобные обстоятельства могли отозваться только плачевно на результате столкновений.

Нет героев прежних хватом,
Русь опоры не найдет –
В плен сдается Небогатов,
Стессель крепость отдает!

Корабли бегут толпою
В плен к ликующим врагам ...
Сражена изменой злою,
Русь переживает срам¹.

А в понятия молодежи
Мысли новые влились:
«Жизнь нам родины дороже,
Вражьей пули берегись!

Предрассудки позабыты,
Засиял нам новый свет:
Мы теперь космополиты,
И для нас отчизны нет!

Пусть придут царить японцы
И под власть свою возьмут!..
Были б только нам червонцы, -
Проживем мы с ними тут!»

Так «сознательные» люди
В наше время говорят,
Их сердца не бьются в гуди,

¹ Не упоминаю о немногочисленных героях этой несчастной войны, так как описываю не положительные, но отрицательные ее стороны.

Смело очи не горят!..

Русь святая!.. Ты что прежде
Шла вперед в сиянье дня,
На сынов своих в надежде
И завет отцов храня, -

Тех отцов, что в поле брани
Умирали за тебя¹,
Меч не выронив из длани,
Честь изменой не сгубя.

Русь святая! Ты сынами
Не гордишься уж теперь!..
Мы тебя терзаем сами,
И не счесть твоих потерь:

Разоряется Россия,
Режут, грабят, жгут и бьют...
А бойцы передовые
За границу, знай, бегут –

И союзную Державу
Умоляют не давать
В займы денег, - чтобы славу
И Россию dokonать ...

На потеху детей, внуков,
В память их бесстыдных дел,

¹ Битва на Калке, Полтава, Бородино и т.д.

Это Павел Долгоруков
С Горьким сделать захотел;

Но во Франции старанья
Их не встретили успех,
Возбудив негодование
И презрение, и смех!..

Вы, французы, не поймете,
Англичанин не поймет,
Немец тоже ... вы живете,
Как разумный все народ:

Непонятно вам желанье
Раздробить и раздавить
Сою родину – старанье
Ее славу погубить!..

Вы, сплотившись тесно, дружно,
Все живете для нее
И заботиться не нужно
Вам о недругах ее!..

Мы ж себя забывши сами,
Распинаемся для всех,
И дружить с ее врагами,
Облегчая им успех!

Чтоб не жить космополитом,
И остаться нам собой, -

Вспомним слово позабыто:
«Свою крышу прежде крой!..»¹

Ах, ну как могла сказать я
Речь таких «отсталый» слов?!

Грянут громкие проклятья,
Мой уж приговор готов:

Как бы бомбой не взорвали
Тело грешное ... боюсь!
К «черной сотне» приписали
Уж меня за то, что Русь

Я люблю так, как умею,
Как мне сердце говорит...
И высказываться смею,
Хоть опасность мне грозит:

Ибо тех, кто не согласен
К революции пристать,
«Боевой отряд» всевластен
Без пощады истреблять!..²

Вам, Де-Кастро благородный,
Можно патриотом быть,
Можно смело и свободно
Всем об этом говорить;

¹ Русская поговорка: «Прежде свою крышу покрой, а потом уже чужую».

² «Кто не с нами, тот против нас!» Руководствуясь этим девизом, революция рассылала свои боевые отряды «истребляя всех, кто осмеливался думать и рассуждать по-своему». Это называлось: «Свобода слова».

Я ж и говорить не властна
Здесь, над пропастью скользя: -
Патриотом быть опасно!..
Паротитом быть нельзя!..

Приложение 11

Именной указатель¹**А**

А.Б. 110

А.С. 68

Абрамович 43

Августов А. 97, 98, 101

Адрианов П.М. 37

Алексеев М.В. 15, 88

Андронников М.М. 25, 176

Апухтин А.Н. 123

Архипов 161, 162, 166

Б

Базедов Г.Б. 62

Баланин Д.В. 177, 190

Банов А. (Б-в А.) 44

Безсонов Г. 137

Белявский И. 160, 161, 182, 183,
191, 192

Бенуа Г.Н. 81, 82, 83

Безз 191

Бибииков Е.М. 118, 132

Бибииков С.И. 103

Болотов Н.А. 118, 132

Бонч-Бруевич М.Д. 10, 29, 36, 37,
156, 157, 158, 159

Бородич К.Ф. 111

Ботьянов М.И. 130, 154, 155, 156

Бранденбург Н.Е. 120, 121

Брусилов А.А. 75, 83

Будкевич 181, 182

Булыгин В. 96, 97, 99

Бутаков А.Г. 116

Бутовский А.Д. 20, 44, 82

Бутовский Н.Д. 57, 58, 115, 131,
141, 142, 169, 192**В**

Ванновский П.С. 42, 62, 72

Ваулина А.Н. 49, 50, 51, 66, 67

Вердеревский Д.Н. 111

Вишняков Н.П. 123

Военский К.А. 26, 119

Г

Г-ус К. 169

Галкин М.С. 7, 57

Галенковский 46

Гарлинский Д.Н. 47, 48

¹ Именной указатель содержит 226 фамилий и псевдонимов военных теоретиков и представителей передовой офицерской общественности, упомянутых во введении, основной части и заключении данной работы.

- Гедке 87
- Гейсман П.А. 13, 116, 119
- Гершельман С.К. 122, 124, 135, 147
- Гершельман Ф.К. 102, 184, 185
- Герштенцвейг В.К. 53, 54
- Гиллесс А.Н. 98
- Глинский С. 71, 87
- Голицын Н.С. 119
- Головин Н.Н. 7, 125, 133, 135
- Голосов В.П. 83, 123 163
- Гомулицкий В.И. (Гео) 99, 100, 101
- Гоше Л.М. 123, 147
- Греков Ф.В. 7
- Грек В. 152
- Григорович А.И. 119
- Грошев 144
- Гулевич А.А. 28, 116, 118, 132, 136
- Гурко В.И. 29, 116, 117, 120
- Гуторович Г. 46
- Д**
- Дх. 101, 141
- Д.Х. (вероятно Хомяков Д.А.) 97, 98, 99
- Д-в Д.Д. 95
- Данилевский Н.Я. 40
- Дацевич А. 178
- Демин 143, 144
- Деникин А.И. (Иван Ночин) 15, 18, 21, 29, 74, 81, 83, 84, 115
- Джульчи Г. (Н.К.М.) 44
- Дмитриевский А. 123, 139, 143
- Драгомиров М.И. 6, 9, 10, 11, 16, 20, 33, 58, 75, 76, 109, 115, 116, 126, 127, 149, 151-161, 163, 164, 167, 187, 188, 192, 197
- Дрозд-Бонячевский А.И. 50, 60, 61, 161, 169, 178
- Дружинин К.И. 108
- Друцкой С.А. 108, 109, 168
- Дубровин Н.Ф. 119
- Дульцев 47, 48
- Дюрьи Ж. 110
- Е**
- Евдокимов Л.В. 118, 132
- Еленев И. 130, 131, 147, 148, 193
- Елчанинов А.Г. 127, 128
- Елчанинов Г.Г. (Егор Егоров) 57, 62, 180, 181
- Епанчин Н.А. 13, 87, 116, 117
- Ергольский А. 176, 177
- Ж**
- Жданов Л.Г. 86, 100
- Жемчужин 79
- Жерве В.В. 119
- З**
- Зайончковский А.М. 116, 117, 191

Завадский И. 90

Защук И.И. 59, 102, 154, 159

Зенченко М.В. 147

Зыков А.С. 13, 123

И

И-в Ч. 152

Иалин Н. 86, 100

Иванов Н.Н. 122

Игнатъев А.А. 29, 82, 84, 88

Иевлев Е. 190

Извольский А.П. 40

Ин 45

Й

-й 123

К

-К. 48, 49

К.К.Д. 52

Казаков Т. 43, 192

Кавтарадзе П.А. 112, 113

Каменский Е.С. 119

Каменский П. 153, 154

Кашин 100, 110

Каульбас А.В. 110

Киреев А.А. 85

Кияновский М.И. 119

Классная дама-южанка 65, 66

Колбе С. 50

Колюбакин Б.М. 119

Короновский Н. 173

Короткевич В.И. 174, 176, 177

Корф Н.А. 118, 132, 133, 135, 139,
140, 141

Краевский В.И. 115

Краснов П.Н. 18, 59

Кривцов Е. 74, 75

Кротков А.С. 119

Кудрявцев М. 190

Куприн А.И. 49, 50, 58

Куропаткин А.Н. 15, 51, 58, 87

Кутузов М.И. 16, 56

Л

Лалаев М.С. 42

Л-ов С. 98, 99, 100

Лебон Г. 147

Левитский М.А. 177

Левшин Д.М. 118, 132

Леер Г.А. 11, 112, 115, 124, 125, 135,
150, 151, 197

Литвинов А.И. 71

Лобко П.Л. 77

Лошмаков Т. 67

Лукомский А.С. 29, 116

Лыкошин Н.С. (Один из многих)
102

Любовицкий Ю.В. 95, 97, 102, 103

М

М.Б. 109
 М-й Н.С. 90, 99, 100
 Макаров С.О. 16, 20, 67, 73, 109
 Макшеев В.А (Отставной). 116, 123
 Малыхин В. 191
 Марков А.Л. 43, 44, 45
 Мартынов Е.И. 13, 15, 47, 56, 86, 88, 119, 126, 130, 136
 Марченко М.К. 44, 45
 Масловский Д.Ф. 119
 Масловский Д.В. 116
 Масютин 94
 Махотина Н.А. 42
 Милютин Д.А. 11, 15, 20, 26, 27, 41, 81, 83, 114, 128, 129
 Михайлов Н. 90
 Михайловский В. 39
 Михневич Н.П. 11, 81, 82, 88, 115, 120, 122, 127, 128, 131
 Морозов Н. 72, 172, 173, 188, 189, 190
 Мышлаевский А.З. 119

Н

Налабордин С. 98
 Наполеон I 124, 125, 135, 142, 151
 Незнамов А.А. 11, 127
 Новицкий В.Ф. 27, 56, 61, 113, 118, 121, 122

Новицкий Е.Ф. 122, 132

Николай II 22, 40, 72, 81, 85, 120, 132

О

О. 99
 Оберучев К. И. 70
 Ор-ф. 172
 Острогорский А.Н. 89

П

П.В. 66
 Парский Д.П. 6, 42, 43, 73, 115
 Патрон 178
 Петр I 18, 36
 Пильский П. 56
 Положенский Ф. 79
 Полянский В.Н. 137, 138, 139
 Пунчулидзе С.А. 119
 Путилин С. 37
 Пушкарь 167

Р

Р-н П. 66
 Р-р Н. 91
 Радий 184
 Райковский В.Л. 73, 111
 Редигер А.Ф. 70, 74, 82, 115, 185
 Резанов А.С. 137-139
 Рождественский З.П. 130

Романов А.М. 40

Рябинин А. 88

С

С-ов Н. 99

Саидронуца 170, 171

Самойлов С. 48, 49

Самонов В.А. 7, 47, 64, 83

Самохвалов В. 182

Самсонов А.В. 164

Сапер 71

Сарминский Е.Г. 51

Симанский П.Н. 119

Симонов В.А. 46

Симонов И.С. 52, 53, 90

Скалон Д.А. 119

Скобелев М.Д. 16, 84, 86, 117, 124,
147

Скудре 131

Скугаревский А.П. 71

Соколов И. 39

Спиридович А.И. 43, 44, 45

Старый кадет 178

Струков Д.П. 119 - 121

Судьбинин О. 174, 176

Суворов А.В. 16, 18, 20, 49-51, 56,
87, 121, 152, 163, 192, 201

Сухомлинов В.А. 89, 163, 164

Сухотин Н.Н. 122

Т

Тоз В.О. 68, 69

Толстой Д.А. 104

Толузаков С. 61

Торклус К.И. 170

Турбин А.Ф. 142, 143

Турибина А.Ф. 66

У

Ухач-Огорович Н.А. 123, 125

Ф

Фабрицкий С.С. 81

Ф.И. 170

Ф.С. 167, 168

Фридрих II 185

Х

Х. 49, 64, , 160, 182

Христиани Г.Г. 116

Ц

Цветков А. 82

Ч

Черемисов В.А. 127

Чертков Г.Г. 132

Чечулин Н.Д. 119

Ш

Ш-т *137, 139*

Шишко Я.У. *177, 178*

Шнеур В. *50*

Штрейтерфельдт К. *146*

Шумков Г.Е. *133-139, 142, 144-147*

Э

Энгельман И.Г. *110*

Я

Якимнский Е. *38*

Ясевич А.К. *173, 174, 176, 177*